

Алексей
ПОСЕЛЕНОВ

ДЕСЯТЬ ДНЕЙ ОКТЯБРЯ

Алексей Поселенов

ДЕСЯТЬ
ДНЕЙ
ОКТАБРЯ

Роман

1 октября

Осень лишь тогда можно назвать золотой, когда в небе ярко светит солнце, а жёлтые листья берёз и осин особенно жизнерадостно смотрятся на фоне сочной и глубокой синевы неба. Но если над головой от края и до края растянулась серая хмарь, если низкие тучи беспрестанно сыпят на землю дождливую морось, если негде спрятаться от пронизывающего холодного ветра, то такую осень хочется назвать не золотой, а ржавой, несмотря на то что на деревьях всё те же самые листья. Впрочем, нет. В такие моменты они темнеют, тяжелеют и, срываемые ветром, сбиваются в мокрые кучи на тротуарах в ожидании, когда хмурый дворник сметёт их куда-нибудь подальше с глаз долой.

В один из таких ржавых и мокрых осенних дней Артём Сотников, втянув голову в поднятый воротник, сидел на лавке под широким навесом возле здания городского автовокзала. Можно было войти внутрь, где хотя бы не было ветра, но ему не хотелось.

Висевший на столбе динамик щёлкнул, и дежурный женский голос ровным тоном выдал очередную информацию: «Внимание пассажиров! У перрона №4 начинается посадка на автобус, следующий по маршруту...» Затем были названы три населённых пункта, конечным из которых был небольшой райцентр, куда и направлялся Артём.

Поёжившись, он хмуро глянул в сторону перрона №4, к которому с разных сторон потянулись люди. «Ещё покурить успею», — подумал Артём, доставая из мятой пачки сигарету. Через минуту к перрону не спеша подкатил старый «МАН», ещё через минуту к нему от вокзала проковыляла толстая тётка в форменной синей куртке с вышитыми на груди жёлтыми крылышками, ещё через минуту очередь медленно поползла внутрь автобуса.

Когда от очереди оставалось два человека, Артём ещё раз затыкнулся, затушив, бросил окурочок в урну, подхватил на плечо спортивную сумку и пошёл в автобус. Усевшись на своё место у окна, он пихнул сумку ногой под сиденье, откинулся на спинку и устало закрыл глаза. Прошлой ночью он почти не спал и надеялся сейчас выспаться в дороге.

Толстая контролёриша напоследок окинула полупустой салон безразличным взглядом, что-то пометила в своих бумагах и вышла

из автобуса, буркнув себе под нос: «Счастливого пути». Водитель закрыл дверь и стал аккуратно выруливать с привокзальной площади на улицу.

«Наконец-то, — подумал Артём. — Поскорее уже свалить отсюда к чертям собачьим». Он крепче закрыл глаза, но почувствовал, что сон вряд ли придёт быстро. События вчерашнего вечера не хотели идти из головы.

Вчера после работы он нигде не задерживаясь пришёл домой, как обычно, в начале седьмого. Ни жены, ни дочери не было. Подождав до семи, Артём разогрел утешную картошку и без настроения поужинал, стоя прямо у плиты. Звонить жене и спрашивать, когда она придёт, он не стал. Слишком часто последнее время случалось так, что её то сверхурочно оставляли на работе («Ой, у нас опять аврал сегодня!»), то она встречала подругу, которую «сто лет не видела» («Зашли в кафешку, поболтали немного»), то заходила маму попроведать («Она позвонила, что-то неважно себя чувствует»).

Артёму это, конечно, не нравилось. Он подозревал, что жена банально врёт, но до последнего пытался гнать прочь дурные мысли. Он что-то говорил ей, пытался убедить, что надо в первую очередь торопиться домой, что у них семья, но всё было без толку.

С Эльвирой они жили уже девять лет. Правда, с полугодовым перерывом, когда после пяти лет совместной жизни они всё же разбежались, но, помыкавшись с полгода поодиночке, вновь сошлись, решив, что вместе им всё же будет лучше. Артём тогда был безумно рад, думал, что все проблемы позади, что вот сейчас-то они, поумневшие и повзрослевшие, заживут спокойно и счастливо и будут жить так, как говорится, «до самой старости». Тем более ведь была дочка, в которой Артём души не чаял. Маленькая Поинка характером во многом походила на отца: такая же спокойная и миролюбивая, она, будучи совсем младенцем, никогда не закатывала родителям истерик, а став постарше с удовольствием помогала по дому — мыла посуду, пылесосила, вытирала пыль.

Артём, сам выросший без рано ушедшего из семьи отца, как-то сказал себе, что в лепёшку расшибётся, но сделает всё, чтобы его дочь не росла безотцовщиной. Но если бы всё зависело только от

него... После свадьбы Эльвиры хватило лишь на год. Впрочем, она не отличалась лаской с самых первых дней их семейной жизни, но всё же тогда соблюдалась хоть какая-то видимость благополучия. Однако уже через полгода после рождения дочери, когда жена вернулась из короткого декрета на работу, её словно подменили, и Артём совершенно отчётливо почувствовал резкое охлаждение с её стороны.

Когда он пытался выяснять отношения, то в ответ слышал лишь: «Я есть готовлю? Я твои вещи стираю? Чего тебе ещё от меня нужно?» Несколько лет он как-то терпел всё это, надеясь непонятно на что, но потом плюнул и подал на развод. Как выходило сейчас, не последний.

Кстати, тогда ему запомнился один случай. Его мать незадолго до того развода приходила к ним, пыталась что-то говорить, увещевала и сына, и невестку. Впрочем, все её слова о трудностях одинокой жизни разбивались о простое заявление Эльвиры: «Знаете что, Галина Трофимовна, вы двоих детей одна вырастили, я уж с одной как-нибудь справлюсь». Так вот, зайдя как-то в комнату к внучке, Артёмовая мать сказала той: «Полинушка, ты бы, может, хоть папе с мамой сказала, чтоб они жили хорошо да не ссорились». На что Полина, которой только-только исполнилось четыре годика, как-то совершенно серьёзно и спокойно ответила: «А мама с папой жить не будут. Мама папу не любит».

После того как они расписались повторно, Эльвиру снова хватило ненадолго. Уже так же через полгода начались «задержки на работе» и прочая ерунда.

— Слушай, я не понимаю, ты зачем второй раз замуж за меня пошла? — сердито спрашивал жену Артём. — Ведь у нас не семья, а так — видимость какая-то, профанация.

— Я не думала, что так получится, — недовольно кидала через губу Эльвира и уходила в другую комнату.

Где-то на задних рядах захныкал ребёнок. Артём открыл глаза. Автобус размеренно катил по загородной трассе мимо чёрных мокрых полей и таких же мокрых берёз, на которых болтались под ветром остатки жёлто-коричневой листвы.

Дождь усилился, и на боковом стекле тонкими иголочками часто вспыхивали мелкие капельки. Со стороны водительского

места доносилась музыка какого-то радиоканала. Артём глубже засунул руки в карманы и снова закрыл глаза.

Вчера, поужинав в одиночестве, он уселся перед телевизором с кружкой чая и стал переключать каналы один за другим. Хотелось отвлечься, но внимание ни на чём не останавливалось. В голове крутились лишь нерадостные мысли об Эльвире.

Около девяти во входной двери послышался звук вставляемого ключа. Через секунду — короткий звонок. Артём открыл дверь, это была жена. Мельком глянув на мужа, она вошла и стряхнула капли с полузакрытого зонта прямо на пол:

— Ты уже дома?

Артём пожал плечами:

— Ну, а где мне быть? Естественно, дома. А где Полина?

— Я сегодня маму попросила, она её к себе со школы забрала.

— А ты?

— Что — я?

— Почему ты не забрала?

— Слушай, что за допрос опять, а? Чего ты меня всегда контролируешь?! Прямо какая-то передача «Что? Где? Когда?». Надоело, — недовольно дёрнула плечами Эльвира.

Раздевшись, она пошла в зал и, став у шкафа, стала вынимать из ушей серёжки.

— От тебя вином пахнет, — нахмурился Артём. — Где ты была? Ты же знаешь, что мне не нравятся эти твои постоянные задержки то на работе, то ещё непонятно где.

Уперев руку в бок, Эльвира закатила глаза к потолку и долго выдохнула:

— О-о-ой... Как меня это всё достало... Послушай, когда я что-то говорю или что-то делаю, я не хочу думать о том, как ты будешь на это реагировать.

— Как это? — Артём зажмурил глаза и потрянул головой. — Это что же тогда получается? Какая же это будет семья, если одному наплевать на другого? Слушай, я не понимаю, почему ты так поступаешь?! Я ведь тебя люблю! Неужели тебе всё равно?!

Снова протяжно вздохнув, жена медленно, как к надоедливой мухе, повернулась к мужу. Глаза её смотрели холодно, с каким-то высокомерным пренебрежением.

— А я тебя — не-лю-блю! — громко и отчётливо произнесла она по слогам. — Понятно?!

Откуда-то снизу, из живота, в голову Артёму ударила горячая волна, а грудь будто сдавило обручем. Дыхание у него перехватило, но уже через мгновение внутри словно сорвалась взведенная до упора пружина. Не помня себя от злости он стиснул зубы, быстро шагнул вперёд и... дал Эльвире хорошего пинка по тому месту, на котором обычно сидят.

Пинок получился что надо, поскольку та довольно высоко подскочила на месте. Высокомерие и пренебрежение, которыми секунду назад она одарила мужа, моментально испарились из её глаз, и их место заняли испуг и растерянность. Впрочем, уже через пару секунд она бегом кинулась в коридор, где был телефон.

— Алло, полиция! Меня муж избивает! Алло, да... Я говорю, меня муж избивает! — кричала она в трубку. — Что? Адрес? Записывайте! — И она продиктовала адрес, после чего убежала на кухню, плотно закрыв за собой дверь.

Артём же, дав жене пинка, вдруг ощутил внутри полную опустошённость и апатию ко всему происходящему. Сев на диван, он выключил продолжавший болтать всё это время телевизор, откинулся на спинку и закрыл глаза. Ему не хотелось даже шевелиться. В голове крутилось только: «Это всё, всё, финиш...».

Полиция приехала довольно быстро. Минут через пять квартирную тишину нарушил долгий, наверное, даже слишком уж долгий звонок в дверь. Он ещё не успел затихнуть, а Эльвира уже впускала в квартиру приехавший наряд.

— Да, это я звонила, — решительным голосом начала она, — меня муж избивает.

Артём, по-прежнему не двигаясь, сидел на диване с закрытыми глазами.

— Где он? — послышался мужской голос.

— Муж? Вон там, в зале.

Артём открыл глаза и повернул голову в сторону коридора. В зал не спеша вошёл пожилой капитан с серьёзным лицом, а за ним

молоденький сержант с автоматом на плече. Глянув на спокойно сидящего Артёма, капитан спросил Эльвиру:

— Он, что ли?

— Он, — коротко бросила та и поджала губы.

Капитан, похоже, ничего не понимал. На сердитой молодой женщине явно не было никаких следов побоев, да и выглядела она вполне неплохо — нарядная, с макияжем, с аккуратной причёской. Сидящий на диване парень тоже не подавал никаких признаков агрессии, и, судя по всему, был абсолютно трезв.

— Объясните, пожалуйста, подробнее, что случилось?

— Он меня пнул.

— Один раз, что ли, пнул? Куда?

— Куда-куда... Пнул и всё, — гневно сверкая глазами, затараторила Эльвира.

— Это так? — повернулся капитан к Артёму.

Тот кивнул:

— Ага.

— Один раз пнул и всё?

— Один раз и всё.

Капитан окончательно растерялся. Похоже, таких «избиений» он в своей практике ещё не встречал.

— Ну так и что? Разве это «избивает»?

— Извините, — повысила голос Эльвира, — вам надо, чтоб он меня покалечил, что ли?!

— Гм, — смутился полицейский, — да нет, я не об этом. — Он обвёл глазами присутствующих. — Так, протокол, что ли, составлять?

Артём молча пожал плечами. Капитан посмотрел на Эльвиру:

— Может, сами разберётесь? Он вроде не буянит, не пьяный. Что делать-то будем?

— Вы меня спрашиваете, что вам делать? — Эльвира гневно зыркнула на полицейского. — Делайте что там у вас полагается в таких случаях.

Капитан развёл руками:

— Как хотите. Заявление писать будете?

— Буду.

— Ну ладно. Где тут у вас присесть можно?

— На кухне, там стол есть. — И Эльвира повела капитана в кухню. Сержант остался в зале.

Артём встал и, взяв сигарету с зажигалкой, молча пошёл на балкон.

— Погодите, — подал голос молоденький полицейский, — на балкон нельзя.

— Это почему ещё? — хмуро поинтересовался Артём.

— Ну нельзя и всё.

— Что, боишься, что убегу? Не бойся, здесь высоко. Только я не курю в квартире, понимаешь? — И, открыв дверь, Артём вышел на балкон.

«Дожил, — мрачно подумал он, затягиваясь сигаретным дымом и глядя на проходящие внизу по мокрой и тёмной улице машины. — За девять лет пальцем не тронул, а тут раз дал пендала под зад, так заблажила сразу — помогите! муж избивает! Да уж...»
Дождь залетал на балкон и холодно колотил Артёма в лицо, но он не замечал эти капли, безучастно вертя сигарету пальцами.

Сержант подошёл к окну и из комнаты наблюдал за ним. Через пару минут он постучал пальцем по стеклу и махнул головой, показывая, что Артёма зовут. Щелчком бросив окурки в темноту, тот вернулся в комнату.

Капитан сидел на кухне за столом, перед ним лежал заполненный протокол и заявление. Эльвира стояла у окна, сложив руки на груди.

— Ну что... — устало вздохнул полицейский. — Протокол я, конечно, оформил, и формально мы должны его сейчас забрать с собой, — он кивнул на Артёма, — но вы понимаете, что если мы его увезём, то потом надо будет на работу ему сообщать, у него неприятности будут.

Он обращался больше к Эльвире, а не к Артёму. Ему он, судя по всему, в глубине души даже сочувствовал.

— Ты где работаешь? — спросил он его.

— В фирме одной строительной. В службе безопасности. — Артём сидел на табуретке напротив капитана и смотрел в пол.

— Ну вот, в службе безопасности. — Капитан повернулся к Эльвире. — За привод могут вообще с такой работы попереть. Подумайте хорошенько.

Та стояла молча, глядя злыми глазами прямо перед собой. Через минуту она промолвила всё тем же сердитым и решительным тоном:

— Хорошо, но пусть он при вас пообещает, что больше не тронет меня.

Артём поднял на неё безразличные глаза и тихо спросил:

— Да кто тебя трогает-то?

— А кто меня пнул, не ты, что ли?! — опять взвилась жена.

— Тихо, тихо... — капитан примирительно помахал ладонью.

Затем глянул на Артёма: — Обещаешь?

Тот ухмыльнулся:

— Да чего тут обещать-то? Я её сроду пальцем не трогал.

— Ну сам ведь признался, что пнул её.

— Ну пнул. Первый раз за девять лет.

— Значит, больше не будешь?

«Детский сад какой-то», — подумал Артём, но вслух сказал:

— Не буду.

— Хорошо, тогда распишись вот здесь, что предупреждён о надлежащем поведении.

Артём не глядя расписался где-то на задней стороне протокола. Полицейский ещё что-то говорил Эльвире, та, нахмутив брови, кивала головой, что-то говорила сама, что-то подписывала, но Артём их уже не слушал. Он взял новую сигарету и опять ушёл на балкон. Полицейский с автоматом уже не следил за ним.

Когда наряд уехал, Артём достал из шкафа большую спортивную сумку, побросал в неё кое-какие вещи, бритву, зарядку для мобильного, взял паспорт и не говоря ни слова и не глядя на жену вышел в дверь. Он слышал, что она что-то сказала ему вслед, но не разобрал, что именно, а останавливаться и уточнять не было никакого желания.

«Куда сейчас?» — думал он, стоя на автобусной остановке. К матери идти не хотелось. Он жил у неё те полгода, когда они разводились с Эльвирой в первый раз. Она, конечно, и сейчас пустит к себе, но Артём хотел уехать куда-нибудь подальше, где было бы можно отвлечься от всего, забыться, не видеть никого из знакомых, прийти в себя и хорошенько обдумать как жить дальше.

Ещё стоя на балконе, он подумал о деревне, где родился и вырос. Была она в двухстах километрах от областного центра, где Артём жил сейчас. Из родни там почти никого уже не осталось, только двоюродный брат Пётр с семьёй да вдовый дядька, которого он не видел с тех пор, как вернулся из армии, то есть, считай, десять лет. Вот про него-то, про дядю Гену, Артём и подумал: а что, если к нему завалиться незваным гостем? Не выгонит же, всё-таки родной племянник. В крайнем случае, если с дядькой не получится, можно будет к Петру нагрянуть, пару деньков у него погостить да покуролесить. Ну и кое-какие одноклассники в деревне ещё остались, так что под забором ночевать не придётся. На том он пока и порешил, больше всё равно никаких идей в голову не шло.

На душе было пусто. Хотя нет, не пусто — там всё заполнила тягучая и холодная тоска. Артём понимал, что это — всё. После того, что произошло, после слов жены, открыто сказанных ему в глаза, никакой речи о семейной жизни с Эльвирой больше быть не могло. Но что тогда дальше?

Он вздохнул и посмотрел на часы — было уже без малого десять часов. К дядьке если и ехать, то, конечно же, только завтра, но сейчас-то всё равно надо где-то переночевать.

«Олегу позвоню», — подумал Артём и достал мобильник. Олег был его лучшим другом, они когда-то ещё до армии, в конце девяностых, вместе учились в ДОСААФ (которое тогда называлось РОСТО) на водителей, потом в одной команде призывались, два года служили в одном взводе в автороте, и на дембель уходили также вместе. После армии у них сохранились не просто приятельские, а настоящие дружеские отношения. Все проблемы — и житейские, и душевные доверяли друг другу, как брат брату. Да что там брат... С иным братом не всем поделишься, а тут — друг с большой буквы этого слова, с которым уже столько пережито!

В трубке послышалось: «Аппарат абонента выключен, либо находится вне зоны доступа». «Неужели и вправду на рыбалку умотал? — разочарованно подумал Артём. Олег говорил, что собирался куда-то далеко за осенним налимом. — Ладно, попробую позвоню Ильшату».

С Ильшатом Гариповым они вместе работали. Сотников был заместителем начальника службы безопасности в одной небольшой, но быстро развивающейся, строительной компании, и Ильшат

формально был у него в подчинении, он был простым специалистом и курировал охрану различных объектов. Однако ещё в то время, когда Артём не был на этой должности и они с Гариповым были на равных, между ними завязались неплохие приятельские отношения, близкие к дружеским. Эти отношения таковыми и остались, несмотря на карьерный рост Артёма. Они частенько гуляли семьями в одних компаниях, приглашали друг друга на дни рождения, даже пару раз вместе встречали Новый год. Конечно, к Ильшату Артём относился не так, как к Олегу, но, если так можно сказать, он у него был второй по значимости в иерархии дружеских отношений.

Гарипов был дома. Когда Артём упавшим голосом объяснил, что ему надо где-то переночевать, тот без лишних разговоров позвал его к себе.

Автобус замедлил ход и свернул с трассы. Артём открыл глаза. Они подъезжали к первому транзитному городу. Повилив по узким улочкам, «МАН» остановился у перрона небольшого автовокзала и, кашлянув, умолк. Дождь не переставал. Водитель набросил куртку, и, спрятав под неё какие-то бумаги, убежал в служебные двери, крикнув: «Стоим десять минут».

Артём вышел на улицу под навес, потянулся и достал сигарету. В животе заурчало. Дело подошло к обеду, а он толком не ел с утра. «Ладно, — подумал он, — потерплю. Приеду в райцентр — там перекушу, всё равно деревенского автобуса придётся ждать целых три часа, если, конечно, за это время расписание не поменялось».

Отойдя в сторону, он достал мобильник и набрал номер матери:

— Алло, мам, я тут решил отпуск взять, отдохнуть немного, так что ты меня не теряй. В деревню захотелось съездить, к дяде Гене, погостить у него маленько. Да ничего не случилось, так просто, развеяться недельку. Ну давай, пока... Не волнуйся. Я потом ещё позвоню.

Через несколько минут шофёр вернулся, и следом за ним в автобус потянулись выходящие покурить мужики. Артём сел на своё место, засунул руки в карманы и снова закрыл глаза.

Ильшат, впустив его в квартиру, молча кивнул на кухню: «Проходи туда». Его жена Марина, похоже, уже легла спать.

— Чай будешь? — спросил хозяин позднего гостя. — Или у меня коньячок есть. Может, по пять капель?

Он понял, что у Артёма что-то стряслось, но с расспросами не торопился. Тот на пару секунд задумался и потом кивнул:

— Давай по пять капель. Не помешает.

Ильшат достал небольшие рюмочки и начатую бутылку коньяка. Выставил на стол из холодильника тарелочку с нарезанным сыром и бужениной. Налив, он протянул свою рюмку к Артёму:

— Ну давай, за всё хорошее.

Выпили. Артём даже не почувствовал ни вкуса коньяка, ни его крепости.

— Я тебя не сильно стесню? Мне до утра только перекантоваться.

— Брось... Если надо, так и дольше можешь. У тебя что-то стряслось?

Дверь в кухню приоткрылась и, щуря глаза от яркого света, заглянула Марина:

— Привет, Артём. Что-то случилось? — Она тоже села на табуретку у стола, тревожно глядя то на мужа, то на гостя. — Чего вы коньяк один пьёте? Давайте я хоть чаю вам заварю.

Артём улыбнулся:

— Привет, Марин. Ничего страшного не случилось, не переживайте. Так... Небольшие житейские сложности. Я ночку у вас переночую, если можно, а то к матери ехать не охота?

Марина серьёзно посмотрела на него:

— Когда сложности небольшие, то ночуют дома. А из дома уходят, когда сложности большие. Что у вас стряслось?

— Ну чего ты пристала к человеку? — Ильшат сердито посмотрел на жену. — Захочет — сам расскажет. Давай лучше ещё по одной.

— Да ничего, всё нормально. — Артём взял рюмку и невесело усмехнулся. — Просто, похоже, всё у нас с Эльвирой. Да не «похоже», а точно — всё! Финита ля комедия.

Он выпил и снова не почувствовал вкуса коньяка. Ильшат с Мариной переглянулись.

— Вот дела...

— Дальше уже некуда — финиш. — Артём подцепил вилкой ломтик буженины. — Давайте, ребята, я в подробности пока вдаваться не буду, просто поверьте, что других вариантов уже нет.

— Может, ещё всё наладится? — как-то жалобно протянула Марина, сделав печальное лицо. — У вас же дочка.

Артём горько улыбнулся:

— Да, дочка... Её-то всего жальче, если честно. Но я ведь от Полинки и не отказываюсь, а вот с Эльвирой мне дальше дороги нет.

— Ладно, мальчики, не буду вам мешать. Посидите вдвоём, поболтайте, только на это не налегайте сильно, завтра же на работу, — кивнув на коньяк, Марина встала.

— Да не бойся, — успокоил её Ильшат. — Так... По одной ещё, не больше.

— Спасибо, Марин, — Артём снова улыбнулся хозяйке. — Не переживай, всё хорошо будет.

Они посидели ещё немного, выпили по третьей. Постепенно Артём в общих чертах обрисовал другу события вечера.

— М-да уж, дела... — сочувственно протянул Ильшат. — Может, ещё? — показал он на коньяк.

Артём отрицательно покачал головой:

— Нет, не хочу. Надо с ясной головой завтра встать. Отпуск буду просить на месяц. В деревню хочу уехать, развеяться немного. Да и обдумать всё надо в спокойной обстановке.

— Так у тебя же не по графику сейчас.

— Да я понимаю, но, думаю, уболтаю шефа.

Посидели какое-то время молча, отхлёбывая чай.

— Слушай, Артём, — как-то неуверенно начал Ильшат, — это точно, что ты с Эльвирой разбегаешься?

Тот поднял на товарища глаза и пожал плечами:

— Гм... А как ты себе представляешь нашу с ней дальнейшую жизнь после всего, что я тебе рассказал? Конечно, точно.

— Я просто тогда тебе ещё одну вещь скажу. Чтоб у тебя, так сказать, была бóльшая ясность всей картины.

Артём удивлённо посмотрел на Ильшата:

— Не понял, ты о чём? Какая ясность?

— Ну... это Олега касается.

— Олега? А что с ним не так?

Ильшат и Олег знали друг друга, так как вместе бывали на нескольких вечеринках у Артёма с Эльвирой. Дружить они, конечно, не дружили, да и приятелями не были, а были знакомы лишь как общие друзья Артёма, не больше.

Ильшат молчал, не глядя на своего гостя и не зная, как лучше начать. Его широкие ноздри раздувались, он нерешительно поёрзал на табуретке.

— Ну продолжай, раз начал. А то заинтриговал и умолк. — Артём с интересом смотрел на друга. — Чего там с Олегом?

— Ты же давно с ним дружишь? — глянул исподлобья Ильшат.

— Да уж лет двенадцать-тринадцать. Ещё до армии познакомились. А что?

— Хорошо его знаешь? Уверен в нём?

— Слушай, ты вопросы какие-то задаёшь... Говори прямо, что случилось-то? — Артёма начала раздражать такая нерешительность товарища.

Ещё немного помявшись, Ильшат всё-таки выдавил из себя:

— Ну, в общем, я их с Эльвирой несколько раз вместе видел.

На кухне на какое-то время повисла тишина.

— Продолжай, — через несколько секунд тихо сказал Артём.

— Я, конечно, свечку не держал, но считаю, что любовники они. — Было видно, что Ильшату с трудом даются эти слова.

— Ты уверен?

— Скажи, у него машина есть? Синий «Рено»-универсал.

— Есть. — Голос у Артёма вдруг осип, он прокашлялся: — Кхэ-кхэ.

— Ну вот... В общем, в машине видел и так ещё... С Маринкой в кафе один раз их видели, правда, они нас не заметили тогда, мы далеко сидели.

— И давно ты это знаешь? — Артём отпил чая, чтоб смочить горло. Он снова ощутил ту же горячую волну, поднимавшуюся снизу в голову. Сжав губы, он судорожно вздохнул.

— Примерно с год, может полтора.

— Почему раньше не говорил?

Они обменивались фразами, не глядя друг на друга.

— Артём, ты не обижайся только, но как я мог тебе сказать? Мало ли какая там блажь могла быть? Кто дурью не мается?

— Я не маюсь, — резко сказал Сотников. — Думаю, ты тоже, да и Маринка твоя. Или нет?

Ильшат вздохнул:

— Но у вас же семья всё-таки, дочка. Может, твоя Эльвира перебесилась бы, и всё у вас дальше хорошо бы было.

— Ну да... А я, значит, всё это время с рогами хожу, скоро за троллейбусные провода цепляться буду, а ты на них смотришь со стороны и жалешь меня: может, сами со временем отвалятся. Так, что ли? Спасибо, друг.

— Я так и знал, что ты обидишься, — потухшим голосом сказал Ильшат, глядя в тёмное окно. — Просто хотел, чтоб ты хотя бы сейчас обо всём знал. А то ведь к нему побежишь горем своим делиться. А он ещё и посочувствует.

— М-да... Тут ты прав, хотел к нему сначала, только телефон у него не ответил, — вздохнул Артём. Помолчав пару минут, он глянул на друга. — Ладно, Ильшат, я не обижаюсь, я понимаю, ты как лучше хотел. Просто слишком много событий за один вечер получается. Слишком много новостей, так сказать. Впрочем, ты прав, так картина становится более полной.

Он встряхнул головой и вновь вздохнул полной грудью:

— Я не обижаюсь, Ильшат, правда. Всё нормально. — Артём хлопнул друга по плечу и повторил: — Всё нормально. Давай спать ложиться, а то завтра вставать рано. Где ты меня положишь?

На следующий день была пятница. На работу они приехали вместе с Ильшатов, и Артём уговорил своего шефа Сергея Петровича Павленко дать ему на сегодняшний день отгул, а с понедельника оформить месячный отпуск.

— Ну ты даёшь! — вытаращив глаза на своего зама, начальник службы безопасности хлопнул себя руками по ляжкам.

— Кто так делает? У тебя отпуск вообще-то через полтора месяца только! А если раньше надо, так хотя бы за неделю просил, что ли! Я сам вот хотел в начале октября на недельку в Сочи махануть пока там ещё тепло, жене уже пообещал.

— Петрович, ну пойми ты меня... — Хмурый Артём сидел перед шефом, время от времени просительно поглядывая на него. — Я ж тебе объясняю — если б не приспичило, разве бы я просил?

— Да что у тебя стряслось-то?

Чуть помедлив, Артём нехотя сказал (хотя, чего там было скрывать, всё равно пришлось бы ставить в известность):

— С женой я развожусь. Ушёл из дома вчера вечером. Мне надо где-нибудь перекантоваться какое-то время, обдумать всё.

— Ну дела! Ты это серьёзно?

— Серьёзней некуда.

Павленко был почти в два раза старше своего молодого зама и в глубине души относился к нему по-отечески. Поёрзав в своём начальственном кожаном кресле, покачав головой и побряхтев, он достал телефон.

— Нина, слушай... Тут у меня кое-какие заморочки на работе вырисовываются. В общем, с Сочи нынче, похоже, ничего не получится. Ну... Ну я же не знал. Меня о таких вещах тоже заранее никто не предупреждает. Ну ничего, на новогодние каникулы сгоняем. Ну... Ну давай. Всё нормально у тебя? Ну давай, целую.

Отложив мобильник, он задумчиво посмотрел в сторону, потом что-то черкнул в ежедневнике и перевёл взгляд на Сотникова:

— Слышал?

— Петрович, спасибо тебе огромное, — Артём приложил руку к груди. Поднявшись, он подвинул ближе к шефу заявления на отпуск и на отгул. — Ну я тогда побежал, а то мне на вокзал успеть надо.

— Ты скажи хоть, где будешь-то?

— В деревню к себе поеду.

— Ладно, давай не теряйся. Будь на связи и сам звони, если что.

И вот уже райцентр. «МАН» вырулил на площадь перед маленьким зданием автостанции и остановился. Достав из-под сиденья сумку, Артём вышел из автобуса. Погода здесь была чуть получше — небо так же хмурилось, дул такой же холодный ветер, но хотя бы не было дождя. Голые тополя устало качали ветками, словно приветствовали вновь прибывших в их маленький городок.

Зайдя на станцию, Артём сразу купил билет до деревни. Времени оставалось ещё почти три часа, и он решил найти местечко, где можно было бы спокойно посидеть в тепле и перекусить. Он не был здесь уже много лет, поэтому не знал, где и что сейчас находится.

— Слушай, батя, — обратился он к щуплому мужичку, сидевшему с большим брезентовым рюкзаком на лавке у входа в автостанцию, — где тут какая-нибудь столовая или кафе есть? Чтоб поесть можно было и посидеть спокойно.

— А закурить у тебя есть? — быстро спросил Артёма мужичок, повернувшись к нему всем телом.

Тот ухмыльнулся:

— А бесплатно информация не предоставляется?

— Чего? — не понял мужик.

— Ничего, ничего... — Артём достал из пачки сигарету и протянул мужику. — Спички-то есть свои?

— А? Серянки-то? Это есть.

— Так, где, батя, поесть тут можно? — повторил свой вопрос Артём.

— А вот слухай... Туда вон прямо пойдёшь, — мужик махнул рукой с горящей спичкой в сторону. — там улица Ленина будет.

— Знаю такую улицу.

— Ну так вот... Направо по ней топай, дорогу не переходи, и там вскорости должна быть кафетерия.

— Прямо-таки кафетерия? — усмехнулся Артём.

— А вот уж тут ручаться не могу, но то, что кормят там, знаю точно. Сам как-то заходил с товарищем, правда, давно уже это было.

Закинув сумку на плечо и сказав мужичку спасибо, Артём отправился в указанном направлении.

В этом небольшом городке у него был ещё один армейский сослуживец, которого звали Игорь Старченко. В армии они дружили втроём: Артём, Олег и Игорь. Но после демобилизации Старченко вернулся в свой городок, и их пути разошлись. Артём виделся с ним в первое время пару раз: однажды, когда сам ездил в деревню и заскочил ненадолго к приятелю на работу, а потом, когда Игорь по каким-то делам приезжал в областной центр, но больше, кроме нескольких писем, контактов не было. Однако Артём помнил, где тот работает. «Может, к Игорьку заглянуть ненадолго?» — подумал было он, но тут же отказался от этой затеи. Время до автобуса хоть и оставалось, но всё же не так много, а визит мог затянуться надолго: натура у армейского дружка была деятельная, авантюрная, и он мог так быстро Артёма не отпустить, а то и сам бы увязался за ним в деревню, что в планы Артёма, естественно, не входило. «Ладно, на неделе потом сгоняю к нему на денёк, повидаемся», — решил он.

Минут через десять Артём дошёл до старого трёхэтажного дома послевоенной постройки, на первом этаже которого висела скучная и блёклая вывеска «Кафе Весна». «Ну что ж, мужик не наврал. Посмотрим, чем тут местный общепит дышит», — подумал он, входя в «кафетерию».

Внутри был длинный зал примерно с десятком столов, стоявших вдоль стены с большими окнами. В самом конце зала находилась барная стойка, возле которой мутно отражала потолочные люстры гнутая стеклянная витрина. В зале было пусто, за стойкой тоже никого не было. «Заходи, бери, что хочешь, и уходи», — усмехнулся про себя Артём, подходя к стойке.

— Есть кто живой? — он постучал костяшками пальцев по стеклу витрины.

Из-за неприметной двери, что была позади барной стойки, выглянула девушка в белом фартуке.

— Здравствуйте. Я вас слушаю, — тихо, без улыбки и вообще каких-либо эмоций произнесла она.

— Можно у вас покушать?

— Можно, выбирайте. — Девушка протянула Артёму лист бумаги с отпечатанным на принтере меню.

Сделав заказ, он сел за стол в середине зала. Часы, висевшие на стене напротив окон, показывали лишь начало пятого, однако

было полное ощущение, что на город уже опустились вечерние сумерки.

Артём посмотрел в окно. Нечастые прохожие быстро пробегали мимо, пряча головы от ветра за поднятыми воротниками. Мокрые тополиные листья, сбившись в липкие грязные кучи, лежали вдоль бордюра. Проезжавшие время от времени машины взъерошивали их, те нехотя взлетали, но тут же снова тяжело шлёпались на асфальт. Облезлые и невесёлые фасады домов выглядели совсем уж мрачными из-за того, что стояли мокрые от беспрестанно идущих последнюю неделю дождей. Артёму показалось, что он не приехал на автобусе всего за каких-то сто пятьдесят километров от областного центра, а перелетел на машине времени лет на пятнадцать-двадцать назад. Если там, где он жил, в последние годы всё же чувствовалось какое-то движение: что-то строилось, что-то ремонтировалось, то тут словно всё законсервировали с начала девяностых.

Интерьер кафе был под стать внешнему виду. С потолка свисали большие шарообразные люстры, покрытые толстым слоем рыхлой пыли. При этом из семи светильников работало лишь пять. Снизу метра на полтора стены были покрашены голубой масляной краской, выше — побелка с желтоватым колером. В простенках между окон висели некогда яркие картинки с сексапильными красотками в купальниках. Лица и тела красавиц, как и их бикини, были все в мелких точках, по всей видимости, оставшихся от мух.

Осмотревшись, Артём взял в руки согнутую вдвое картонку, лежавшую на столе возле подставки с салфетками. Ярко-красные буквы на бледно-жёлтом, в цветочек, фоне гласили: «Кафе Весна! Праздничные обеды, свадьбы, поминки. В будние дни с 12 до 15 бизнес-ланч». «М-да уж... — он невесело усмехнулся, — ланч шагает по планете, вот и сюда докатился. Только насчёт бизнеса я что-то сомневаюсь».

Мысли снова вернулись к тому, что произошло вчера. У него в голове не укладывалось, что Олег мог вот так вот с ним поступить. Эльвира, та — запросто, стерва, она и есть стерва. Конечно, он давно подозревал, что она изменяет ему, но, как говорится, не пойман — не вор. Может, Ильшат, чего напутал? Да ну нет... Гарипов просто так говорить не станет. Если уж он решился и сказал ему об этом, значит, уверен был в своих словах.

Тем более, говорит, что уже больше года знает об этом и несколько раз их вместе видел. Выходит, так оно и есть. Хотя, чему удивляться? Олег всегда был равнодушен к женскому полу. Но одно дело завести обычную любовницу, а другое — жена друга. Что ж, выходит, такой друг. Артём вдруг вспомнил, как в армии на первых месяцах службы показал Олегу фотографию Эльвиры. Тот внимательно посмотрел на карточку, а потом, пожав плечами, сказал: «Ничего девочка, потянет». Артёма тогда неприятно резануло это «потянет», но он не стал придавать этому большого значения, а просто убрал фото и всё.

Олег, как и Артём, быстро женился после армии, но через четыре года развёлся и по сей день жил холостяком. Его жена ушла от него, забрав маленького сына, когда узнала, что муж завёл на стороне интрижку. Тот после распада семьи особо не страдал, всячески показывал, что жизнь для него не кончилась, был весел и жизнерадостен. Артём сначала пару раз высказал ему, что друг был неправ, но потом плюнул — пусть живёт как хочет. В конце концов, это его судьба и его жизнь. У Олега периодически появлялись и исчезали какие-то подружки, любовницы, причём, подчас весьма сомнительных качеств. Одна из них как-то на вечеринке, организованной Олегом по какому-то поводу, довольно недвусмысленно намекала Артёму на близость, но для него было диким даже подумать об этом — ведь это подруга Олега, его лучшего друга! Не только жена, но даже и любовница друга, какая бы она ни была, — табу! А вот для самого Олега, выходит, никаких таких табу не существовало.

Дверь в кафе резко распахнулась, и с громким смехом туда буквально заскочили два молодых парня лет двадцати. Один из вошедших, высокий и худой, одетый в лёгкую модную светло-синюю курточку, джинсы и яркие пёстрые кроссовки, явно примерял на себя роль лидера. Из-под воротника куртки выглядывала белая рубашка и тоненький красный галстук. Весело ухмыляясь, он обвёл взглядом помещение, на секунду остановил глаза на Артёме и двинулся к барной стойке. Его спутник, такой же щуплый, но ниже ростом и одетый заметно победнее, засеменял следом.

— Мать, плесни нам по сто пятьдесят водочки, — развязно сказал девушке долговязый. — А то холод сегодня собачий, замёрз я что-то. Ну и гамбургер какой-нибудь сообрази закусить.

Девушка исподлобья глянула на подошедшего:

— Где ты здесь мать увидел?

— Да ладно ты... Чего выделываешься? Плесни водочки, говорю.

— Подождёшь. — Девушка вышла из-за стойки с подносом и пошла к Артёму. — Вот, пожалуйста, ваш заказ. Приятного аппетита.

— А, ну да... Надо сначала обслужить клиента, — саркастично проронил обладатель красного галстука. Его спутник громко заржал.

Девушка вернулась за прилавок, налила в два стакана водку, положила на тарелку какой-то бутерброд и назвала сумму. Положив деньги на стойку, парень бросил через губу:

— Сдачу себе оставь. На чай.

— Не нужны мне твои подачки. Забери, — девушка положила перед ним мелочь.

— Гм, богатая? Серый, — кивнул парень своему спутнику, — забери, потом сигарет возьмём.

Артём искоса наблюдал за этой парочкой. Он не любил таких, презрительно называл их пижонами. «Самого соплей перешибить можно, а строит из себя», — подумал он, по привычке следя боковым зрением за парнями и мысленно оценивая их физические возможности. У него сформировался этот навык, когда он, отучившись полгода и получив лицензию охранника, первые три года после армии работал примерно в таком же кафе, только немного побогаче. Тогда они каждого вошедшего посетителя сразу пытались прошупать взглядом, прикинуть, что от него можно ожидать и каков может быть расклад, если вдруг что-то пойдёт не так.

Ещё раз бросив взгляд на парочку, усевшуюся за ближний к витрине стол, он отвернулся и сосредоточился на еде, которая на удивление оказалась вполне достойного качества. Парни продолжали что-то говорить девушке, время от времени громко хохотали, но Артём уже не обращал на них внимание. На улице начался дождь, и стало ещё темнее.

От своих мыслей его отвлек громкий женский возглас:

— Отвали, я тебе сказала!

За дальним столиком снова заржали. Артём посмотрел в их сторону. Тот, что был с красным галстуком, стоял возле стойки и тянулся к девушке рукой. Та, гневно глядя на него, отступала назад.

— Эй, ребята! — громко сказал Артём. — Дайте поесть спокойно.

— А? — долговязый повернул голову. Его глаза пьяно поблескивали. — Пардон, месье! Конечно, конечно... Приятного аппетита.

Он кивнул приятелю:

— Ладно, Серый, пошли отсюда. А то нам тут сегодня не рады. Но я не прощаюсь, — и он, скривив физиономию, подмигнул девушке за барной стойкой.

Та не удостоила его взглядом. Проходя мимо Артёма, парень манерно поклонился и ещё раз сказал:

— Приятного вам аппетита, месье.

Артём спокойно посмотрел на него и кивнул:

— Спасибо.

Когда парни ушли, он повернулся к девушке:

— А у вас что, охраны нет?

— Охране платить надо, — ответила та тихо, что-то делая за прилавком, — а от этих дебилов всё равно не отвяжешься.

Артём посидел ещё какое-то время, потом глянул на часы: была половина шестого. На улице начинали сгущаться уже обычные сумерки, и в некоторых местах даже зажглись фонари. Он рассчитался за заказ, подхватил сумку и, накинув капюшон, не спеша пошёл обратно на автостанцию, решив оставшееся время дожидаться автобуса там.

Пятьдесят километров до деревни скрипящий «ПАЗик» одолел за час. На улице стало совсем темно. Нет, не просто темно — это была та осенняя чернота, которая случается, когда небо затянуто низкими плотными тучами, когда не видно ни луны, ни звёзд, и взгляду абсолютно не за что зацепиться. В такие моменты, если нет поблизости какого-нибудь фонаря, приходится идти, опираясь лишь на внутреннее чутьё.

Дом дяди Гены был на крайней улице в деревне. По одну сторону там стоял редкий ряд домов, а напротив, сразу через дорогу, начинался березник. До самой улицы можно было вполне сносно дойти по центральной дороге, которую освещали не частые, но позволявшие хоть что-то видеть, фонари, а вот дальше начиналась крошечная тьма, и лишь светящиеся окна домов служили ориентиром, показывая, куда нужно двигаться.

Только Артём свернул с центральной дороги на дядькину улицу, как сразу же угодил в глубокую лужу. Он чертыхнулся, отряхивая вмиг промокшую ногу. «А вдруг дяди Гены дома нет? — мелькнуло у него в голове. — Вдруг ушёл куда-нибудь или уехал? Вот это будет номер. К Петру-то, считай, на другой конец деревни нужно будет топтать. Я впопыхах тут все ноги себе переломаяю, пока дойду».

Собаки, заслышав его шаги, подняли такой лай, что хотелось заткнуть уши.

— Да не к вам я иду, не к вам, — недовольно бурчал Артём, осторожно выбирая дорогу и пытаясь идти по краю, там, где была трава. Однако, как он ни старался, грязь вскоре тяжёлыми комьями налипла на туфлях.

— Ну, ёлки-палки, деревня родная... — продолжая ворчать себе под нос, он дошёл наконец до дядькиного дома.

Тот тяжёлым тёмным пятном смутно вырисовывался на фоне чуть менее тёмного неба. В окнах света не было. «Вроде здесь он жил, если я ничего не напутал. Но неужто и вправду дома его нет?» Артём осторожно нащупал калитку и, подойдя к окну, постучал в стекло. Собаки с разных сторон не унимались. Он постучал ещё раз, громче. Примерно через полминуты окно зажглось жёлтым светом, и Артём облегчённо вздохнул — дома!

Стукнул засов, и из-за двери послышался дяди Генин голос:

— Кто там?!

— Дядь Ген, это я, Артём!

— Какой ещё Артём?

— Ну я, Артём, племянник!

Брякнула щеколда, и входная дверь открылась, выпустив наружу полоску света от маломощной лампочки, висевшей в сенях.

— Артём? Тебя каким ветром занесло? На ночь-то глядя... Ну заходи.

Племянник разулся в сенях, чтобы не тащить грязь в дом. Дядька пропустил его вперёд, сам закрыл двери.

— Здорóво, дядя Гена! — Артём протянул руку, когда они вошли в избу. — Слушай, всех собак на улице поднял, пока до тебя дошёл. У тебя-то нету?

— Нет, я собак не держу.

— Дядь Ген, — смущённо улыбнулся Артём, — приютишь племянника на несколько деньков? Вот, выбрался в отпуск отдохнуть маленько, развеяться, так сказать... Решил тебя попроведать, а то сто лет уж не виделись.

— Ну что ж, милости просим. — Дядька смотрел на позднего гостя чуть прищурившись. — Не ждал, не ждал, если честно. Конечно, живи сколько хочешь, я только рад буду. Ты голодный, небось? Сейчас я тебе разогрею чего-нибудь, поешь с дороги.

— Да нет, спасибо. Я в райцентре поел, не хочу. А чего у тебя свет не горит? Вроде не поздно ещё.

— Так я рано ложусь. Встаю рано, вот и ложусь рано. Чего высиживать да электричество зазря жечь? — дядя Гена усмехнулся. — А то смотри, может, хоть чаю тебе разогреть?

— Не надо, я, правда, не голоден. Я прошлую ночь только почти не спал, думал, в дороге высплюсь, но не вышло. Если ты сам уже лёг, то я бы тоже завалился куда-нибудь. Устал за эти дни как собака, — засмеялся Артём. — А завтра уж и поболтали бы обо всём.

Дядя Гена пожал плечами:

— Как скажешь... Сейчас постелю тебе.

Он был старше племянника ровно на тридцать лет. Жену свою похоронил семь лет назад, вскоре после того, как вышел на пенсию по льготному шахтёрскому стажу. Когда-то дядя Гена закончил с красным дипломом горный факультет политехнического института. Работал на крупной шахте сначала начальником участка, а затем и горным диспетчером. Но через семнадцать лет, к удивлению многих, уволился и вернулся в родную деревню, где устроился на гораздо менее оплачиваемую должность начальника гаража в местном совхозе. Тут он и работал до пятидесяти двух лет. Затем, когда совхоз в конце девяностых приказал долго жить, плюнул на всё и оформил шахтёрскую пенсию, благо, право такое у него было. У дяди Гены с женой был единственный сын Роман,

который, отслужив срочную на Тихоокеанском флоте, остался после демобилизации жить на Дальнем Востоке.

Достав из шкафа постельное бельё с одеялом, дядя Гена застелил диван и бросил на него толстую пуховую подушку:

— Умывайся, там рукомойник в углу возле печки, мыло. Ну и ложись, свет погасить только не забудь.

Умывшись, Артём разделся и с удовольствием вытянулся на диване. Собаки умолкли, и он вдруг отчётливо услышал ту особую тишину, которая бывает ночами только в таких вот деревенских домах, стоящих где-нибудь на отшибе. Было только слышно, как тикают в прихожей старые ходики с гириями. Артём вздохнул и блаженно закрыл глаза. «Ну всё, — подумал он, — сейчас главное ни о чём не думать, никого не вспоминать, идут они все лесом. Отдохнуть хочу».

2 октября

Рано утром Артёма разбудили звуки, от которых он давным-давно отвык: дядя Гена растапливал печь — шумел кочергой и шумовкой, выгребая вчерашнюю золу из топки, гремел дровами, высыпал из ведра уголь. Вскоре печь загудела, и по избе постепенно стало расходиться уютное тепло.

В ногах у Артёма лежала свернувшаяся клубком кошка, которую он вечером и не заметил. Он пихнул её ногой, она спрыгнула с дивана и пошла на кухню, задрвав пушистый хвост.

— Иди сюда, молока тебе налью, — тихо сказал ей дядя Гена.

Артём посмотрел на часы: половина восьмого. «Рано вставать, ещё поваляюсь. Всё равно торопиться некуда», — он повернулся на другой бок и снова закрыл глаза. Если бы не пришедшие сразу мысли об Эльвире, он, наверное, был бы счастлив в эту минуту. Подумалось: «Чего я раньше к дядьке в гости не приезжал? Хорошо тут у него, уютно как-то».

Однако снова уснуть не получилось. Ещё немного поворочавшись с бока на бок, Артём встал и выглянул из комнаты. Дом у дяди Гены был небольшой: сразу при входе — прихожая,

выполнявшая также роль кухни, здесь была аккуратная побеленная печь-трёхходовка, за ней в углу — умывальник, напротив — небольшой буфет с посудой, возле окна стоял стол, у двери вешалка; налево от входа — совсем небольшая комнатуха, в которой стояла металлическая кровать с панцирной сеткой (на ней спал дядя Гена) да небольшой старый комод с пузатыми выдвигаемыми ящиками; прямо из прихожей другая дверь вела в просторную горницу с тремя окнами — здесь был диван, на котором ночевал Артём, центр занимал большой круглый стол с плетёными стульями вокруг него, в разных углах стояли: платяной шкаф, большой ларь да тумбочка с телевизором, возле телевизора обращал на себя внимание здоровенный книжный шкаф, битком набитый книгами.

Увидев вышедшего в прихожую Артёма, дядя Гена, прилёгший было в своей комнатке на кровать, поднялся:

— Ну как, выспался?

— Ага, выспался. А ты, дядь Ген, чего-то совсем рано поднялся. Ещё толком и не рассвело.

— Так, это уж я по-стариковски, — засмеялся дядька, — рано просыпаться стал. Часов в пять глаза продеру, и всё, нету сна. Полежу, полежу, да и встаю. А сейчас так уж и печку топить надо утрами, за ночь выстывает.

— Да ладно ты, чего прибедняешься — «по-стариковски». Какой ты старик? Тебе же шестидесяти ещё нет, кажется? — Артём присел на стул возле стола.

— Через два месяца стукнет.

Однако дядька и вправду немного хитрил. Несмотря на то, что скоро ему пошёл бы седьмой десяток, выглядел он значительно моложе: был довольно крепок, лишнего сала ни на животе, ни по бокам не имел. Конечно, морщины на лице да седина в коротко стриженных волосах выдавали возраст, но явно не стариковский.

Артём протяжно зевнул и выглянул в окно, за которым начинало светать.

— Дядь Ген, ты ничего, что я к тебе вот так, без предупреждения, без звонка? А то я даже не знаю какой у тебя номер мобильного.

— Так у меня и нет никакого мобильного.

— Как нет? Я думал, сейчас у всех уже есть.

— Выходит, не у всех. Я вот не обзавёлся, — развёл дядя Гена руками. Он отодвинул кружок на плите и пошурудил горящие уголья кочергой. — Вы-то как там живёте? Как мать?

Он имел в виду свою сестру, мать Артёма. В семье их было трое: младший Геннадий, средняя Галина и старший Дмитрий, отец двоюродного брата Артёма Петра.

— Да ничего, нормально.

— Чем она сейчас занимается-то? — Дядька сел на стул напротив племянника.

— Да чем... На пенсии. А как Роман? Пишет?

— Пишет реденько. Тоже вот советует телефоном обзавестись, чтоб созваниваться. Оно, может, и удобнее, но мне, когда почтальонша письма приносит, как-то больше нравится их читать. Не знаю, живым чем-то от него веет, что ли... Почерк видишь, понимаешь, что человек не просто на кнопку ткнул, а сидел, писал, старался. Я, вон, храню их все. Возьмёшь иной раз какое-нибудь старое, перечитаешь и словно в то время вернулся. А телефонный-то разговор так не переслушаешь. Хотя, понимаю, что в прошлое, конечно, бумажные письма уже уходят. Прогресс, ёлки-палки, никуда не денешься...

— Чем он занимается-то?

— Ромка-то? Рыбу ловит на сейнере каком-то. Женился три года назад, да всё никак до меня не доедут. Я невестку живьём ведь и не видал ни разу, фотокарточку только выслали и всё.

— Понятно. Будешь писать, так от меня привет ему передавай. — Артём подошёл к вешалке и достал из куртки пачку сигарет. — Дядь Ген, ты где куришь? В избе или на улице выходишь?

— А я, Артёмка, вовсе не курю.

— Ты же, вроде, курил раньше?

— Так, то раньше, а сейчас уж лет десять как бросил это дело, ещё Надя моя жива была. Тебе если надо, ты или на крылечко выходи, или, вон, в печку дыми, чтоб только в избу дух табачный не шёл, а то не люблю я его сейчас.

Артём присел на низенькую табуреточку около печи и немного приоткрыл кочергой дверку, за которой металось в топке пламя. Взяв лежавшие тут же спички, закурил.

— А я вот, как в армии начал, так и курю. Бросил бы тоже с удовольствием, но пока не выходит. Пытался пару раз, да всё без толку. Помаешься, помаешься неделю-другую, а потом снова... А ты как завязал с этим? Может, посоветуешь чего?

— Да как тебе сказать, племяш. Если честно, то я курить и не бросал, перестал просто и всё. Вот как-то так...

— Как это? Это разве не одно и то же?

— Не знаю, может, и одно. Только, когда говорят — брошу, это вроде как соберу силу воли в кулак и не буду больше! А как по мне, так от такого бросания только вред может быть, потому как человек насилие над собой совершает. Дескать, хочу, нутро просит, а я вот его переломаяю. Может, в каких-то случаях оно и так бывает нужно, только я по-иному на эти вещи смотрю. Не насиловать себя надо, а сознательно подойти к вопросу. Убеди сам себя, что вред тебе от этого, осознай хорошенько, думай об этом всегда. Со временем оно и отпадет. Само. Я имею в виду желание это.

— Гм, — усмехнулся Артём, выпуская струю дыма в топку, — интересно ты рассуждаешь. Я-то как раз так и делал — думал, силу воли проявлю.

— Ну так сам и видишь, что ничего не вышло. А если всё же получится, то насилие это над собой потом в другом месте вылезет, и чего похуже можешь натворить. Начнёшь злобу свою на других вымещать.

— Слушай, точно! У нас на работе один бросал курить, так к нему месяц подойти нельзя было — злой ходил как собака, кидался на всех, огрызался постоянно. А потом всё равно опять начал.

— Подобрел?

— Кто? Мужик-то этот? Ну да, как опять закурил, так подобрел сразу, — засмеялся Артём.

— Вот я и говорю. А если ты не дурак, если человек разумный, то и подход разумный к себе найди. Где-то обхитри хотелку свою, дай вместо курева что-нибудь другое — конфетку съешь, к примеру, или семечек пощёлкой; меньше делай того, после чего курить сильнее хочется; обходи стороной тех, кто смолит постоянно и тебя своим видом соблазнять будет; наконец, убеди себя во вреде гадости этой, посчитай хотя бы сколько денег на неё уходит. Глядишь, через месяц-полтора и бросать не придётся, просто перестанешь курить и всё. Вот как я, безо всякой силы воли.

— Дядя Гена улыбнулся и подмигнул племяннику. — Ты-то сам человек разумный или как?

Артём усмехнулся:

— Да как тебе сказать... Если твою логику послушать, так, выходит, что не очень.

— Вот и думай. — Дядя Гена поднялся со стула. — Ладно, ты тут пока один посиди, а я в погреб сбегая, достану кое-чего. — И он, накинув фуфайку, вышел в сени.

Затянувшись ещё раз, Артём швырнул окурок в огонь и аккуратно прикрыл топочную дверцу. Возвращаясь в горницу, подумал: «Может, и вправду курить бросить пока в отпуске? Хотя, бросишь тут с такими делами», — он вспомнил, что привело его сюда.

У печи было жарко, и, сидя там, он покраснелся, но в комнате было свежо и намного прохладней. Артём подошёл к книжному шкафу и стал рассматривать книги. Сам он в последние годы почти ничего не читал, хотя раньше любил это занятие: зачитывался Фенимором Купером, Джеком Лондоном, Конан Дойлом... В углу у шкафа было совсем темно, поэтому он включил свет. Паустовский, Лев Толстой, Куприн, Бунин, Пушкин, Горький, Тендряков, Астафьев, Распутин, — читал он фамилии на книжных корешках. С одного края на верхней полке стояли книги и вовсе занятые — здесь были Драгунский, Носов, Сотник, Кассиль, Крапивин. «Внуки, может, к нему приезжают, для них держит? — подумал Артём. — Хотя какие внуки? У него же Роман совсем недавно женился». Книги на нижних полках особенно привлекли внимание Артёма. Здесь стояли «Бхагават Гита», Кришнамурти, Вивекананда, были книги по психологии, религии. Он присел и достал одну, стоявшую у самого края, с потрёпанным корешком без названия. На обложке было два слова, написанных крупными тиснёными буквами: «Новый Завет». «М-да уж... — удивился Артём. — Дядька-то у меня какие книжки, оказывается, почитывает».

Хлопнула входная дверь. Артём подумал, что это вернулся дядя Гена, но услышал женский голос:

— Геннадий, ты дома, нет?

Он выглянул из горницы в прихожую. У двери стояла женщина, на вид лет пятидесяти пяти, может, чуть старше. В

простенькой болоньевой куртке, на голове повязан платок, на ногах галоши. Округлое лицо, несмотря на возраст, довольно свежее, даже румяное, с большими спокойными глазами. Увидев Артёма, женщина не смутилась, а с интересом стала разглядывать его.

— А Геннадий где?

— Он в погреб пошёл. — Артём продолжал держать в руках Новый Завет.

В это время дверь снова распахнулась, и в спину женщине ткнулся дядя Гена, держащий в руках банки с соленьями.

— Ой, Людмила, заходи. — Он поставил банки на пол и стал разуваться. — У меня, видишь, гость вчера приехал. Племянник, Артём. Ну заходи, заходи, разувайся, чего ты у порога-то встала?

— Да я на секундочку, молока тебе свежего принесла, в сених оставила на сундуке. В пакете там банка двухлитровая стоит.

— А-а... Спасибо. Молоко сейчас кстати будет. Ты молоко-то пьёшь? — спросил дядька Артёма, вешая фуфайку на крючок.

Тот пожал плечами:

— Пью.

— Парнёе. Не ваше стерилизованное или какое там оно у вас в магазинах.

Артём снова пожал плечами:

— Если честно, парнёе сто лет уже не пил, — он улыбнулся. — Но, конечно, выпью с удовольствием. Детство вспомнить.

— Он ведь наш, деревенский, — сказал дядя Гена Людмиле и кивнул на племянника. — Ты-то его не знаешь, вы позже сюда переехали.

Женщина тоже улыбнулась:

— Не знаю. Ладно, не буду вам мешать, общайтесь. — Она шагнула за порог.

— Ты потом-то хоть заходи, пообедаем вместе, посидим, — сказал ей вдогонку дядя Гена.

— Хорошо, зайду.

Артём вернулся к книжному шкафу и поставил Новый Завет на место.

— Это кто, дядь Ген?

— Людмила-то? Соседка, по правую руку от меня живёт. Ты вчера мимо её дома как раз шёл.

— Ты у неё молоко покупаешь, что ли?

— Почему «покупаешь»? Так даёт. Мы с ней хорошо живём, дружно. Помогаем друг другу по-соседски: я ей то забор поправлю, то уголь в углярку скидаю, то лопату наточу... Да мало ли дел в своём доме по мужской части. Она одна живёт, мужика у неё уж три года как током на работе убило. Дети — двое у них было, сын да дочь, — отдельно живут, самостоятельные уже, со своими семьями. Вот... А она мне иной раз то молока принесёт, то пирогом каким угостит, белить вот нынче помогала, ну и ещё чего по мелочи.

— Так, может, вам сойтись, да и жить вместе, чтоб не бегать вот так из дома в дом? Раз уж у вас такая кооперация наметилась.

Дядя Гена усмехнулся:

— Женщина она неплохая, но не так всё просто, Артёмка. Одно дело помочь друг другу по-соседски да по-человечески, а другое — под одной крышей вместе жить. Она от смерти мужа только год как отошла, а может, и по сей день ночами плачет. А ты говоришь — вместе живите.

— Ну я же не знал. Я так, спросил просто, — словно оправдываясь за своё не самое уместное предложение, ответил Артём.

— Ну вот и ладно. — Дядя Гена энергично потёр ладонями друг о друга. — Иди руки мой. Сейчас на стол накрою, и завтракать будем. Я, кстати, там, заодно, туфли твои помыл, а то грязнущие были.

— Да зачем ты? Я бы сам, дядь Ген.

— Ладно, ты же в гости приехал, так что отдыхай.

Всё это время дядька не приставал к племяннику ни с какими расспросами. Только после завтрака, пока ещё сидели за столом, спросил:

— Какие у тебя планы на день? Баню будем топить? Или как?

— Ой, дядь Ген, я бы с удовольствием, — обрадовался Артём. — Сто лет в деревенской баньке не парился. Когда к Петру приезжал три года назад, у них вот только.

— Ты тогда ко мне даже и не зашёл.

Артём, смутившись, виновато улыбнулся:

— Да как-то не получилось. Закрутились там у них... Они-то у тебя хоть бывают? Видитесь?

— Ага, как же... Дождёшься от вас, молодых. — Дядя Гена убрал со стола и стал мыть посуду в большом тазу под рукомойником.

В доме сделалось совсем тепло, даже немного жарко. Артём на какое-то время позабыл про свои семейные проблемы, про то, что случилось с ним два дня назад, про измену жены и предательство друга. Тихо и покойно было сидеть за столом на кухне, слушать размеренно гудящую печь и глядеть в окно на жёлтый березник, стоящий по ту сторону дороги. Давно рассвело, но небо, как и вчера, хмурилось, хотя дождя не было. Подошла кошка и стала тереться о ноги.

— Хорошо у тебя, дядь Ген, — тихо сказал Артём. — А где сейчас Пётр? Чем занимается?

— Вроде бы на грейдере работает у дорожников. Ездит, дороги равняет. Проезжал как-то летом по нашей улице, останавливался. Поговорили пять минут, да дальше поехал, вот и всё.

— Понятно. — Артём, поставив локти на стол, подпёр голову руками. Немного помолчав, сказал: — А у меня вот всё хреново, дядь Ген. Хреново.

Дядька, ополаскивая тарелку, молча посмотрел на племянника, ничего не сказал. Артём глянул на него и грустно усмехнулся:

— Знаешь, если честно, я ведь поэтому к тебе и приехал. Извини. Не просто в отпуск да в гости, тебя попроведать, а захотелось куда-нибудь уехать подальше, чтоб никого не видеть, не слышать... Обдумать всё. Вот, про тебя и вспомнил. Ты не сердись?

Дядя Гена вытер руки о полотенце и снова сел на стул напротив племянника:

— За что? За то, что про меня в трудную минуту вспомнил? — он пожал плечами. — Так я только рад. Чего мне сердиться? Вот и молодец, что приехал. Живи сколько надо, отдыхай, думай. И мне веселей будет.

У Артёма отлегло от сердца. Он почему-то боялся, что дядька может обидеться, скажет: вот, дескать, когда всё хорошо было, так

и не вспоминал, а как прижало, так сразу приехал тишину искать. Но дядя Гена смотрел на него со спокойной улыбкой, по-доброму и безо всяких подковырок.

— Отдыхай, — повторил он племяннику. — Пошли только в горницу, там попрохладней будет.

Артём свернул постельное бельё в рулон и, подогнув одну ногу под себя, уселся на диван. Дядька же сел на скрипучий стул у окна. Немного помолчав, племянник продолжил рассказывать:

— Семья у меня рушится, дядь Ген. Можно сказать, уже разрушилась. Жена змеей подколодной оказалась, а лучший друг предателем. — И он слово за слово поведал дядьке всё, что произошло с ним в эти дни.

Рассказал также про то, как жили они все последние годы, как Эльвира, в конце концов, бросила ему в лицо обидное «не люблю», про то, как потемнело у него в глазах от этих слов, как пнул её под зад, а она полицию сразу вызвала. Рассказал и про то, как узнал потом о предательстве друга.

— Дядь Ген, я же ведь её боготворил, я же любил её до безумия, на руках носил, пылинки сдувал с неё, и что в итоге? Что я заслужил? Вот это вот — «мне плевать на тебя»? Разве так можно? А друг? Он же мне роднее брата был, а сам, оказывается, мне же рога и наставлял? Дядь Ген, это как называется? Что же за люди они такие, а?

Дядька сидел и молча слушал Артёма, не перебивал, словно давая ему выплеснуть всё, что накопилось на сердце: обиду, горечь, злость... Но когда племянник умолк, он неожиданно спокойным тоном спросил:

— Значит, говоришь, любил жену свою?

Артём удивлённо посмотрел на него:

— Конечно, любил! Я что, вру, по-твоему?

— Да нет, не врешь, просто мне интересно, что ты под этими словами подразумеваешь?

— Я чего-то не пойму тебя, дядь Ген. Что тут ещё подразумевать? Любил, значит любил. Мне кроме неё никого не нужно было. «Эльвирочка... Эльвирочка...». Всё для неё, любой каприз! Не то что не изменял, я и смотреть-то на других девчонок не смотрел. Всё ждал, когда же у нас наладится, да заживём мы по-

хорошему. Надеялся на что-то. Вот и дождался... Тридцать лет уже, а ни семьи, ни жилья.

— Да я не об этом. Ты вот сказал: «что же я в итоге заслужил?». Я и смутился — ты любовью что-то заслужить хотел, что ли? Так это уже вроде как корысть получается. Ты мне — я тебе. Или я чего не так понял?

Артём совсем растерялся. Он не ожидал такого поворота. Он думал, дядя Гена посочувствует ему, поддержит, а тут...

— Да причём здесь корысть-то? Ведь вполне естественно, что если сам любишь, то в ответ хочется тоже и любви, и ласки, и уважения. Что в этом плохого? Ведь это нормально! Корысть какую-то увидел... Что это за семья такая получается, если один любит, а другой плюёт на него? Ты её, дядь Ген, оправдываешь, что ли? — Артём нагнулся к сумке и достал из неё новую пачку сигарет.

— К печке, к печке иди, — дядька кивнул в сторону прихожей. — Это ты прав, конечно, что при таких отношениях не семья уже получается, только ты мне вот что скажи... Ты её на руках носил, на божничку поставить готов был, а она тебя?

— Что — она меня?

— Ну она-то тебя любила?

Артём недоумённо пожал плечами:

— Ну а как, раз замуж пошла?

— Ну, милый мой, замуж ходят не только по любви. Есть браки и по расчёту. Может, у неё какой интерес был на тебя? Квартиру там получить, машину, денег, ещё чего. Я же с твоей женой незнаком.

Артём открыл пачку и задумчиво вынул сигарету:

— Я не знаю. Я думаю, любила. Как без любви-то семью создавать? У нас же и дочка есть.

— Да, дочка. Вот дети-то поболее вашего в таких случаях страдают, — вздохнул дядя Гена и покачал головой. — У них ведь весь мир рушится, когда родители разводятся.

— Дядь Ген, я всё же не пойму, ты к чему клонишь?

— Да чего тут понимать, племянш? Ты сам себе напридумывал про эту Эльвиру свою, чего у неё и в помине не было. Можно сказать, сел голым задом на печку, а потом печку же и

ругаешь. Дескать, я тебя, печка, люблю, а ты жжёшься. Или ты думаешь, когда женился на ней, она другая была, лучше, да потом испортилась? Нет, так не бывает, это я тебе точно скажу. Конечно, она тебе, наверное, какой-то пыли в глаза напустила, а ты и уши развесил. Надо было получше человека узнать, может и жениться бы передумал, сейчас бы не страдал.

— Да куда лучше-то? Мы же с ней ещё до армии познакомились, год дружили. Потом она из армии дождалась меня, ну я и подумал, чего тянуть-то? Вот и поженились.

— М-да... Неприятно, конечно, всё это, чего уж тут говорить. Только ты, Артём, не сердчай на меня, но я тебе в лоб скажу: её это всё, конечно, не красит, но ты виноват не меньше. Хотя бы в том, что слеп был от страсти к избраннице своей. Заметь, я не говорю «от любви», я говорю — «от страсти». Тем более что и второй раз снова на ней женился, считай, на те же грабли сам и наступил, а теперь её одну во всём винишь.

— Так я же говорю, дочка у нас уже была, — вконец растерялся Артём. — Считал, одумалась она, повзрослела, дурь всякая вышла. Надеялся, семья будет, наладится всё у нас, — он опустил голову.

— Вот видишь — думал, надеялся... Ладно, не кисни, чего ты голову повесил? Ты ещё молодой, у тебя всё впереди. А Эльвиру твою простить да пожалеть надо вместе с другом этим твоим. Как его? Олег, ты сказал?

— Как это? — Артём поднял голову и прищурил глаза. — Пожалеть? Олега пожалеть? Это за что же? За паскудство его, что ли? Её пожалеть за то, что семью разрушила, за то, что в душу наплевала, за измены? Ты чего говоришь, дядя Гена? Слушай, ну не ожидал я от тебя, честное слово.

Тот улыбнулся в ответ и спокойно кивнул:

— Да, Артёмка, пожалеть. Потому как у людей, которые так поступают, жизнь, ох какая нелёгкая бывает, поверь мне. Это попервости они гоголем ходят, думают, что высоко взлетели, да только жизнь-то она длинная, а цыплят по осени считают. Поэтому ты зла на них не держи, а лучше пожалей. Им ещё это аукнется, если не раскаются вовремя да прощения не попросят.

— У кого прощения? У меня, что ли?

— А зачем тебе их прощение, ежели ты сам их наперёд простишь да пожалеешь?

— А у кого тогда?

— У бога.

— А бог-то тут причём? — Артём окончательно запутался в дядькиных рассуждениях. Весь их разговор шёл куда-то не в ту сторону, не так, как он думал.

— Как это причём? Он-то как раз везде причём.

— Слушай, дядь Ген, ты мне чего-то голову совсем заморочил — жену-стерву прости, друга-предателя пожалей, чего-то там им когда-то аукнется... Но я-то сейчас живу! У меня сейчас душа на куски разрывается! — Артём встал с дивана и начал расхаживать взад-вперёд по горнице, так и держа незажжённую сигарету в руке.

— Ну и живи, кто тебе не даёт? — Дядя Гена спокойно посмотрел на племянника снизу-вверх. — Я ж тебе объясняю: вашей с женой вины в создавшемся положении ровно поровну — она тебя обманула, но ты ведь сам в ней не разобрался до конца и женился, да ещё и дважды. Или она тебя силком на себе женила?

— Смеёшься? — Артём хмуро глянул на дядьку и снова сел на диван.

— Ну так я и говорю: ты сам в ней толком не разобрался, боготворил, по твоим же словам (чего она явно не заслуживала), в жёны взял, а сейчас всю вину на неё перекладываешь. Это честно, по-твоему? Мне кажется, нет. Поэтому возьми свою часть вины на себя и отпусти эту голубку на все четыре стороны. А сам свою жизнь строй дальше. Сделай правильные выводы и живи. Только вот, «жена-стерва да друг-предатель во всём виноваты, а я бедный и несчастный, посочувствуйте мне» — это выводы неправильные будут. Жена и друг такими всегда были, такие сейчас есть, а будут дальше или нет, это нам с тобой не ведомо. У них своя жизнь, может, и изменится, но не нам их судить да переделывать.

Племянник сидел и молча смотрел в пол, вконец озадаченный дядькиными словами:

— Ну и не сочувствуй, не надо... Запудрил ты мне мозги своими рассуждениями. Я с этой стороны не смотрел на всё это.

— А ты посмотри, подумай. Сам сказал, что за этим ко мне и приехал. Тебя же никто не торопит. — Дядя Гена поднялся со стула, вышел в прихожую и стал одеваться.

— Ты куда? — поднялся следом Артём.

— Так, уже баню готовить пора. Она у меня большая, просторная, ей часа три-четыре топиться надо. Зато париться потом одно удовольствие, сам увидишь. Ты мне pomoжешь воды натаскать? Вон у нас колодец, за огородом, вёдра я тебе дам.

— Конечно, помогу. — Племянник тоже вышел в прихожую и стал надевать свою куртку. — Только покурю сначала.

— погоди, одень чего попроще. — И дядя Гена дал ему старенькую фуфайку.

После обеда, часам к четырём баня была готова.

— Ты сразу париться не начинай, полежи сперва на полке, попрей, чтоб пропотеть хорошенько, по сухому прожариться, — говорил дядя Гена, показывая Артёму, где и что у него в бане. — На вот, простыню на полók постели, чтоб не жгло. А потом уже, как выйдет из тебя вся гадость вместе с потом, тогда и веничком себя не жалей. Я свеженький запарил, в тазу вон лежит, на лавке. Да, чуть не забыл... Я ещё кипятком веток пихтовых залил с душицей. Как на полók ляжешь, так совсем чуток плесни на каменку, только чтоб для запаха. Оно дышать приятнее будет, да и для здоровья, для лёгких хорошо. Только немного, чтоб жар сухим оставался, без пара.

— Хорошо, дядь Ген, разберусь. — Артём стал раздеваться в предбаннике.

Плеснув на горячие камни пихтового настоя, он растянулся на полке. По парилке поплыл вкусный хвойный аромат вперемешку с запахом душицы. Сухой жар прогривал, но не обжигал. Закрыв глаза, Артём медленно вдохнул полной грудью: «Хорошо-то как! Почему вот только люди не могут жить так же просто и хорошо? Почему же мы делаем друг другу всякие гадости да подлости? Как же можно вот так обманывать, предавать? Дядьке хорошо говорить — прости да пожалей, отпусти на все четыре стороны. Это не его лучший друг предал. Нет, дядя Гена, тут я с тобой согласиться не могу. Если такие вещи прощать, так вообще на голову сядут и будут ноги о тебя вытирать. Гм, пожалеть их... Чего их жалеть? Они меня жалели, когда за моей спиной мне же рога наставляли? Нет уж, не будет им прощения от меня, не на того напали».

После того как оба сходили в баню, пришла Людмила:

— Я уж в обед не стала вас беспокоить, вижу — баню топите. А сейчас вот картошки с мясом натушила, дай, думаю, угощу. А то самим-то, поди, некогда готовить было. — В руках она держала большую сковороду, завёрнутую в полотенце.

— Заходи, Люда, заходи. — Дядя Гена взял сковороду из её рук. — Спасибо тебе. Я и вправду ужином ещё не занимался. Проходи, давай вместе посидим, поужинаем.

За столом болтали о разном. Дядя Гена расспрашивал о своей сестре — матери Артёма, тот рассказывал, говорил о городской жизни, о разных новостях, сам интересовался, как идут дела в деревне, что нового у родных и общих знакомых. Людмила посетовала на местного пастуха, который с октября наотрез отказался пасти коров, хотя вполне ещё можно было недели две-три гонять небольшое деревенское стадо на выпаса.

— Да стадо-то стало... Название одно. Сколько там? — дядя Гена повернулся к соседке. — Голов сорок наберётся на всю деревню?

— Всего? — удивился Артём.

— Вот тебе и «всего». Раньше-то три стада на село было. С разных концов собирали. По улицам шли, так конца-края не было видать, пыль столбом стояла. И коровы, и овцы, и козы... А сейчас все ленивые стали, никто не хочет за скотиной ходить. И за молоком, и за сметаной, и за яйцами в магазин бегут.

— Так, может, оно и к лучшему. — Людмила пожала плечами. — Значит, деньги у людей есть, да и в магазине всё купить можно. Раньше-то отчего скотину держали? Потому что в магазинах ничего не было. Вот, считай, натуральным хозяйством и кормились, а оно ведь дело-то хлопотное. И тяжело это — корову держать. Сено поставить надо, каждый день кормить, доить... И не оставишь ведь её даже на день, как привязанный всё время. Заболеть, и то нельзя. Ты же, Геннадий, сам сейчас уже ничего не держишь, кроме пчёл своих. Даже курей у тебя нету.

— Может, ты и права, — согласился хозяин. — Хотя разве сравнишь магазинное со своим-то? Качество-то и вкус совсем другие.

— Это да, что правда то правда. Я вот фабричную сметану да масло сливочное вообще есть не могу, — кивнула Людмила, — совсем невкусными кажутся.

— А что до меня, — продолжал дядька, — так мне одному разве много надо? Да и пенсии, слава богу, хватает. Ты вот иной раз чего подкинешь. А пчёлы — это так, для души больше, да за ними и ухода не так много, они сами кормятся.

— А сколько у тебя, дядь Ген? — спросил Артём.

— Четыре улья вон за домом стоят. Скоро уже в подпол надо будет убирать их, пока морозов больших нету.

Людмила ушла, когда совсем стемнело. Дядька с племянником перебрались в комнату.

— Ну что, Артём ба́тькович? Тебе, наверное, телевизор посмотреть охота? Если надо, так ты не стесняйся, включай. Я-то сам его редко когда смотрю. По праздникам великим.

— Да нет, не хочу я его тоже. В городе надоел. Всё равно ничего путного не показывают, криминал сплошной да сплетни: кто, где, с кем и сколько раз, — он вдруг осекся на этих словах и снова погрузился.

Немного помолчав, спросил дядьку:

— Дядь Ген, вот ты днём говорил, сам я, дескать, виноват. Не разобрался в человеке, а потом его и винишь. Забудь, прости, да ещё и пожалей. Так по этой логике надо всех мошенников, что у людей деньги обманом выманивают, тоже прощать да жалеть? Сам виноват, потому что не разобрался, что он жулик? Это что же тогда получится?

Дядя Гена сел на диван рядом с Артёмом:

— А что получится?

— Ну так, значит, выпускай их из тюрем на волю?

— Ну почему же? Не надо никого выпускать. Ты просто не путай общественное прощение и своё личное. Мы же все люди, живём в обществе, следовательно, должны соблюдать установленные законы и правила общежития. А одно из таких правил гласит: не воруй, причём, неважно как — мошенничество это, обман или разбой. Всегда так было, испокон веку, иначе общество не сможет нормально жить и развиваться. Поэтому тех, кто ворует, и наказывают. Но ты-то сам его при этом и простить можешь, и даже пожалеть. Душу его бестолковую пожалеть, потому

как тяжело ему придётся. Ты только подумай: что же это за жизнь такая у человека, что ему постоянно в страхе пребывать приходится — «Как бы не поймали, как бы в тюрьму не посадили»? Или думаешь, эти люди спят спокойно? Сомневаюсь. Ходи да озирайся.

Артём усмехнулся:

— Ну не знаю... И воруют, и живут в своё удовольствие, и спят, я думаю, вполне благополучно. Причём воруют-то миллионами да миллиардами.

— Так это только внешнее, напускное благополучие. А там, в глубине-то — страх сидит. Они бодрят себя, убедить пытаются, что всё им нипочем, что плевали они на всех, а покоя-то в душе всё равно нет.

— Ну ладно, бог с ними, с мошенниками этими, но всё равно не могу я никак принять, что и жену свою пожалеть должен. Отпустить на все четыре стороны — ладно, тут по-другому и не получится, но с чего мне её жалеть? Думаешь, её совесть мучает? Да она, поди, рада-радешенька, что меня удалось из дома выжить. И спит спокойно, да ещё и не одна, наверное, — Артём зло ухмыльнулся.

Дядя Гена вздохнул:

— Не понял ты меня, племяш. Давай по-другому объяснить попробую. Вот скажи, доводилось тебе такое видеть, что ребёнок маленький шагает, ходить только учится и — раз! — в стул врезался, упал, заплакал...

— Конечно, видел, — племянник снова удивлённо посмотрел на дядьку: «К чему он опять клонит?» — Полинка сколько раз стулья сшибала.

— Ну вот... Упал, значит, плачет, а тут бабуля сердобольная подскакивает, подняла дитятку и давай стул этот лупить да приговаривать: «Ах, какой стул нехороший, ах, встал он тут у нас на дороженьке, ах, вот мы ему, вот мы ему!» Видел такое?

— Ну да, бывает.

— Так скажи мне, кто виноват, что ребёнок в стул врезался? Неужели этот стул? Он вообще-то на месте стоит, никого не трогает, а ребёнок шпарит направо и — треск в него с разбегу!

Артём засмеялся:

— Естественно, ребёнок.

— А как ты думаешь, что для себя уяснит этот ребёнок после того, как его бабка всю вину на стул этот несчастный свалит? А он скажет себе: «Я-то молодец, оказывается, я хожу как надо, это стул дурацкий во всём виноват». Вместо того чтобы подумать: «А вдруг это я неправильно что-то сделал? Может, мне надо учиться ходить поаккуратнее? Может, на себя лишний раз посмотреть?» Конечно, ходить нормально он рано или поздно всё же научится и стулья постоянно сшибать не будет, но потом, что бы в его жизни ни случилось, он будет думать по-прежнему: «Я-то молодец, я-то ни при чём, а вот Ванька-Петька-Светка — это они во всём виноваты», поскольку не приучен он будет к себе критически относиться, к своим поступкам.

— погоди! — племянник поднял руку. — Во-первых, я не помню, чтобы при мне кто-то бил стулья, в которые я врезался, когда ходить учился. А во-вторых, Эльвира — это не стул, и я не просто врезался в неё сдуру. Стул никого не обманывает, он стоит и все его видят — хочешь врезайся, хочешь обходи. А она меня обманула, причём жестоко обманула!

— Не кипятись. Про стул это я так, для примера. В жизни полно других ситуаций, когда человек может уяснить, что в его проблемах виноваты все, кроме него самого. Да и вообще человек так устроен, что на себя в последнюю очередь смотрит. Эго не позволяет в собственной святости усомниться. А что касается Эльвиры... Да, она не стул, так ведь и ты уже не просто ходить учишься. Ты, мил человек, уже другие уроки в этой жизни проходишь, посерьёзнее. Я же тебе про принцип толкую на примере этого стула. Если ты изо всей этой ситуации с изменой жены, с предательством друга выйдешь с глубокой обидой и злостью на них — это они такие-сякие, а я ни при чём, то, считай, не прошёл ты свой урок. Поэтому это прощение в первую очередь тебе самому нужно. Ты ещё молодой, у тебя жизнь впереди, и если не научишься это делать сейчас, то потом намного тяжелее будет. И рискуешь ты потом этот урок заново проходить, только уже, возможно, на более серьёзном уровне.

— Куда уж серьёзнее, — нахмурился Артём.

— Ну, брат, жизнь она разные сюрпризы может преподносить, куда серьёзнее измены жены да развода. — Дядя

Гена встал, подошёл к печке и потрогал ладонью дымоходы. — Как думаешь, подтопить на ночь или так до утра дотянем, не замёрзнем?

— Да ладно, не топи, не зима же на улице. — Артём тоже встал с дивана.

Дядька продолжал:

— Вот представь, идёт человек, а за спиной рюкзак. Как затаил на кого обиду, злость или иной какой гнев, зависть, ревность, так, считай, положил камушек в рюкзак этот. И со временем там столько камней набирается, что дальше идти уже сил нет. Тянет рюкзак к земле, давит на плечи ношей непосильной, а человек вместо того, чтоб сбросить всё это, упирается, кажилится, пока совсем не свалится без сил.

— И что? Как сбросить этот рюкзак?

— Простить, — дядя Гена улыбнулся. — Простить тех, на кого гнев, злость, обида... Только по-настоящему, а не формально. Чтоб зла в душе не осталось ни капли. А уж каким образом ты это сделаешь, тут по-разному может быть. Я вот тебе предложил посмотреть на ситуацию с женой с другой стороны — что ты сам человека переоценил, а потом претензии ему предъявляешь, почему он не соответствует твоим требованиям. Да потому и не соответствует, что он совсем другой. Чего же сейчас на неё бочку катить? Расцени эту ситуацию как жизненный урок, словно ты в стул врезался, сделай выводы и живи дальше, но уже без Эльвиры своей, а ей скажи «спасибо» за всё и «до свидания». То же самое и Олегу своему. Впрочем, что делать, это тебе решать, жизнь-то твоя. Я просто тебе совет даю, не более.

— Вот, если честно, дядь Ген, то я тебя не очень понимаю с этими уроками. — Артём, задумавшись, неспешно ходил по комнате из угла в угол. — Это же не школа, в конце концов.

— А что же это? Жизнь как раз и есть одна большая и долгая школа.

— Гм, но в школе-то потом экзамены сдал и дальше, в институт, потом ещё куда-нибудь. А тут что? Рано или поздно помрешь и всё — кончились твои уроки.

— Кто знает, кончились они или нет.

— В смысле? Ты о загробной жизни, что ли?

Дядя Гена пожал плечами:

— Может, и о загробной, а может, вдруг, да и опять тут же, на земле этой.

— Ну ты даёшь! Вот договорились мы с тобой. Я там у тебя Библию видел на полке, а ты сейчас словно буддист какой-нибудь рассуждаешь или индус. Да брось ты!

— Так я ж и говорю: тебе решать, как дальше жить. Это твой выбор, я же не настаиваю. Раз уж у нас с тобой разговор такой зашёл о жизни, вот я тебе и высказал своё мнение. Поделился, так сказать, не более того. А там уж тебе решать, — повторил дядя Гена и улыбнулся. — Ну что, может, спать уже ложиться будем?

— Давай, правда, спать будем, — согласился Артём. — А то что-то у меня уже голова кругом пошла от разговоров этих.

На душе у него стало как-то беспокойно, словно взерошили там против шерсти. В бане, да и потом, когда сидели втроём за столом и разговаривали, он немного успокоился, даже смирился с мыслью, что никого жалеть не собирается, что всё само как-нибудь устаканится, а тут дядька опять со своими стульями, уроками да рюкзаками... Разбередил чего-то, только непонятно чего.

Когда племянник уже лёг, дядя Гена заглянул в горницу:

— Да, совсем из головы вылетело, забыл сразу тебе сказать. Там в сумке твоей телефон, похоже, звонил пока ты в бане мылся.

Артём достал мобильник. Было два пропущенных вызова и оба от Олега. Усмехнувшись, он отключил у телефона звук и бросил его обратно в сумку: «Звонит ещё, гадёныш. Совсем совести нет. Что, ему Эльвирка не сказала, что я из дома ушёл?» Повернувшись лицом к спинке дивана, он закрыл глаза и постарался выкинуть всё из головы, иначе точно не заснуть.

3 октября

— Дядь Ген, я сегодня, наверное, к Петру в гости схожу, попроведу их, — сказал после завтрака Артём. — Как-никак выходной, воскресенье, он дома должен быть, а завтра, может, на работу уйдёт.

— Ну что ж, сходи. От меня привет передавай. Когда собираешься? После обеда?

— Нет, пораньше. Думаю, часов в двенадцать пойти, у них и пообедая.

— Ночевать там останешься или обратно придёшь?

— Да, думаю, засветло к тебе и вернусь. Долго сидеть не буду. Просто выйти охота, по деревне прогуляться, а то вчера почти весь день в доме просидели, проболтали с тобой, в бане только и были. Ну и повидаться с ними, конечно, охота.

— Сходи, сходи. — Дядя Гена подошёл к ходикам и подтянул гирию вверх. — Проветрись.

— Слушай, а чего ты себе нормальные часы не купишь?

— Это какие — нормальные?

— Ну электронные, на батарейках. Они сейчас недорого стоят. Можно такие же, со стрелками, а можно и с цифрами. И не надо будет каждый день заводить, гирию подтягивать.

— А мне не тяжело, Артёмка, я никуда не тороплюсь. Ведь эти часы как живые, словно душу свою имеют. А на батарейках чего? Кончится заряд, и умерли твои часы. В магазин сразу бежать. А если не будет там батареек? А тут — гирию вверх поднял, и всё, ничего больше не надо. И так скоро без электричества шагу ступить не смогут.

Погода с утра снова хмурилась, но дождь, шедший всю ночь, всё же перестал.

— У вас бы тут хоть щебнем засыпали, что ли, — собравшись идти, Артём подошёл к калитке и подозрительно посмотрел на дорогу. — А то грязи по колено. Ни пройти ни проехать.

— Так ты одевай, вон, сапоги мои резиновые. В туфельках-то своих утонешь, это тебе не город.

Переобувшись в сапоги, Артём пошёл.

В деревню с одной стороны широким клином заходил березник, и если посмотреть на неё с высоты птичьего полёта, она походила на корявую, квадратную букву С. Домá дяди Гены и Петра стояли в разных её концах. Поэтому к Петру можно было срезать путь, если пойти напрямую через березник, а можно было идти по более длинной дороге, в обход, через центральную улицу села, там, где Артём шёл, когда приехал сюда. Он выбрал второй вариант. Ему хотелось прогуляться по знакомым улицами, пройти

мимо дома, где он родился и вырос, мимо школы, в которой учился, а может, и встретит кого-то из старых приятелей.

Выйдя на центральную дорогу и немного пройдя по ней, он свернул в переулок, где стоял их дом. Когда Артём окончил деревенскую десятилетку, и они переезжали в город, то дом продали, и в нём давно уже жили другие люди. Артём и раньше, когда изредка бывал в деревне, проходил по родной улице мимо их старой усадьбы. Сердце в такие моменты щемило, так как многое новыми хозяевами было переделано на свой манер, и дом с участком потеряли привычный вид.

Сейчас, подойдя ближе, он не поверил своим глазам: забора со стайкой и баней не было, а дом, открытый со всех сторон, представлял собой лишь серый бревенчатый сруб с пустыми прогалами вместо окон. Над голыми стенами с остатками штукатурки, цеплявшейся за дранку, тонкими рёбрами торчали в хмурое небо стропила.

У Артёма сжалось сердце. Как так? Что случилось? Неужели пожар? Но нет, ничего горелого не было видно. Вокруг дома мёртвыми будулугами торчала сухая полынь. Было очевидно, что дом в таком состоянии находился уже года два, не меньше.

Краем глаза он заметил, что к калитке соседнего дома подошла старая женщина. Это была баба Нюра, их бывшая соседка. Повернувшись, он подошёл к ней:

— Баба Нюра, здравствуй! Узнала, нет? Это я, Артём.

Старуха прищурилась и посмотрела на него, прикрыв глаза рукой:

— Артёмка? Ты, что ли?

— Я.

— Ох ты, тебя и не признать сразу-то. Какой стал.

— Баба Нюра, а чего с домом-то стряслось? Приехал вот к дяде Гене погостить, дай, думаю, пройдусь по родным местам, а тут вон чего...

— Так вот видишь, Артёмушка, как жизнь-то поворачивает. Уехали все отседова.

— Так, а почему дом-то такой стал? Почему сломали всё?

— Так это не сразу. Сперва-то продать хотели, да только покупателей нету. В деревню-то нынче никто ехать не хочет. —

Старуха постояла, пошамкала губами. — Года три, однако, дом пустой стоял, а потом вот на слом продали его. Баню-то со стайкой, да забор сразу разобрали да увезли, а дом стоит вот ещё. На следующий год, наверное, и от него ничего не останется. Усадьбу жалко, зарастает всё.

— Да, жалко, — Артём с тоской посмотрел на остатки родного дома.

— Ну вот... — вздохнула баба Нюра. — Да чего уж тут, теперь вся жизнь наша такая. Всё под закат идёт. Я вот помру, так тоже всё растащат. Кто захочет тут жить?

— А чего они уехали-то? Хозяева эти, которые после нас жили.

— Так они сами-то городские ведь. Сюда приехали, как в городе жизнь совсем плохая стала. Скотину сперва завели, корова была у них, овечки, думали насовсем останутся. Да всё газ они ждали, печку топить им шибко не нравилось. С углём да с золой таскаться кому интересно? Это мы уж привычные, родились здесь, а они городские. Ну и газ-то этот всё сулились, сулились: проведём, дескать, погодите ещё немного, а его нету и нету. — Баба Нюра вытерла краем платка слезящиеся глаза. — Сколько они?.. Годов десять пожили, однако, да и плюнули. Говорят, обратно в город поедем, там мужику работу какую-то посулили, вот и уехали.

— Я помню, газ этот обещали, когда ещё мы тут жили, — усмехнулся Артём. — Столбы-то бетонные под трубы тогда ещё вкопали. Я совсем пацаном был.

— Ну вот, вот... Они, вон, по сей день, столбы-то эти торчат. Это ещё при советской власти было, а сейчас и вовсе никому ничего не нужно стало, — закивала баба Нюра. — Вы-то как там в городе живёте? Как Галина-то? Одна всё или нашла себе кого?

— Да нормально, баб Нюр. Нормально живём. Мать одна, привыкла уже, говорит, никого ей не надо.

Постояли ещё немного, поболтали о жизни, о здоровье. Баба Нюра рассказала о своих дочерях, живших сейчас тоже в городе:

— Редко бывают, редко. Но совсем не забывают, проведуют всё же, тут грех жаловаться.

— Ладно, баба Нюр, пойду я дальше, — засобирился Артём. — К Петру зайти хочу, не был ещё у них.

— Ну давай, давай, ступай с богом. Матери поклон от меня передавай, — соседка мелко закивала головой и снова приложила к глазам сухонькую руку, глядя на пошедшего прочь Артёма.

Настроение у него испортилось. Он думал, что пройдёт по деревне, вспомнит золотые деньки детства, всколыхнётся в душе далёкая радость тех дней, а тут оно вон как выходило. Не радость, а совсем наоборот.

Перед тем как идти к Петру, он решил зайти в магазин, купить каких-нибудь гостинцев. Вся торговля в деревне была сосредоточена в центре. Вокруг небольшой заасфальтированной площади, на которой останавливался рейсовый автобус из райцентра, стояли почта, сельсовет да сберкасса, а чуть в сторонке — пара продовольственных и промтоварный магазины. Это место в деревне так и называли — «площадка». В советские годы здесь на столбе висел большой громкоговоритель, который днём всегда работал, вещая передачи центрального радио. Бодрым голосом дикторы оповещали селян о выплавленном чугуне, надоях молока, о новостях на международной арене, звучали песни, концерты... Такое звуковое сопровождение вызывало ощущение бурно идущей жизни, постоянного движения, даже если на «площадке» никого и не было. Но сейчас тут было совсем тихо и действительно пусто, несмотря на то, что было воскресенье и день был в самом разгаре. Казалось, деревня, словно вымерла.

Артём вошёл в магазинчик с вывеской «Продукты. Круглосуточно». Покупателей не было. Худая остроносая продавщица в очках, увидев посетителя, встала со стула, стоявшего у небольшого зарешёченного окошка и, поджав губы, подошла к кассе.

— Добрый день, — поздоровался Артём.

— Здравс-сьте, — чуть слышно ответила та, не глядя на него.

На вид ей было лет сорок, сорок пять, короткая стрижка, форменный синий халатик поверх вязаного свитера с высоким воротом, на халатике приколот небольшой бейджик с надписью красным фломастером «Зинаида». Артёму она была незнакома, видимо, не из местных. Он посмотрел на заставленный товаром стеллаж позади продавщицы:

— Зинаида, скажите, пожалуйста, что у вас можно из пряников или печенья купить? Только, что-нибудь хорошее и свежее.

— Всё на полках. — И ленивый взгляд в окно с выражением лица уставшей непонятно от чего страдалицы.

Артём посмотрел на женщину и усмехнулся.

— Понятно всё с вами, — тихо пробормотал он.

Добрая часть стеллажа была отдана под напитки. Здесь завлекала всеми цветами радуги газированная вода в пластиковых бутылках, яркими упаковками привлекал внимание разномастный сок, пару полок занимали пиво и водка. Вторая половина была уставлена кондитерскими изделиями, консервами, крупами, лапшой и прочим. Роль прилавка выполнял здоровенный холодильный ларь, в котором жались друг к другу замёрзшие пельмени и мороженое.

Купив булку хлеба, пакет пряников и коробку конфет, Артём, никуда больше не заходя, пошёл сразу к Петру.

Жена Петра Светлана, когда в двери вошёл Артём, сидела у стола, листала какой-то журнал и курила. Подняв глаза на гостя, она отложила сигарету в пепельницу:

— Ёлы-палы, какие люди! Петька, иди сюда, Артёмка в гости появился! — растянув в улыбке рот и сверкнув золотой коронкой, Светлана поднялась со стула. — Здорово! Каким ветром тебя в нашу дыру занесло?

— Привет, — Артём улыбнулся в ответ и протянул пакет с гостинцами. — На вот, взял кое-что к чаю.

— Ха! — Светлана растянула рот ещё сильнее. — Чаем, что ли, решил отделаться? Не выйдет! — она погрозила пальцем.

Из комнаты вышел хмурый и небритый Пётр.

— Здорово, брательник, — протянул он Артёму руку.

— Привет! — Артём поздоровался с братом, они обнялись.

— Заходи, раздевайся. Ты как в наши края?

— Да вот отпуск взял, решил съездить, родню попроведать. Как говорится, себя показать да людей посмотреть.

— Чё тут у нас смотреть-то? Или забыл уже всё? — вставила Светлана, криво усмехнувшись. — С каждым днём только хуже да хуже.

Пётр махнул на неё рукой и поморщился:

— Да ладно тебе! Хуже ей... И так дома сидишь, ни хрена не делаешь, а всё чего-то жалуешься.

— Ага! «Ни хрена не делаешь...» А кто тебе каждый день жрать готовит, кто тебя обстирывает, кто за детьми смотрит, а? Это что, по-твоему, ни хрена не делаю? — сердито зыркнула на мужа жена. — Не слушай его, Артёмка, он тебе наговорит сейчас.

Пётр был на три года старше двоюродного брата. С будущей женой, которая в свою очередь была старше его тоже на три года, он познакомился, когда служил в армии в соседней области. Когда Пётр демобилизовался, она неожиданно согласилась ехать с ним в деревню. Так они и поженились, родили двоих мальчишек и жили здесь вот уже двенадцатый год. Светка, родив детей, на работу больше не выходила, объясняя это необходимостью воспитывать сыновей. Пётр ей периодически пенял на это, но спорить со Светкой было трудно, да считай и невозможно: баба она была горластая, нахрапистая и переорать могла любого.

— Ой, Артёмка, только вот у нас сейчас правда жрать ничего нету, — протянула она, жалобно глядя на мужнина брата. — Слушай, а ты деньгами не богат?

Артём пожал плечами и улыбнулся:

— Да есть, конечно.

— Всё! Я сейчас Славку в магазин отправлю, и посидим нормально, а то чего с чаем одним да с пряниками. — Она повернулась к двери. — Славка, ты где там? Иди сюда!

Из небольшой комнаты в глубине дома вышел мальчишка, старший сын Петра Славка. Увидев Артёма, он кивнул:

— Здравствуйте, дядя Артём.

— Привет, Славка. Как у тебя дела? — Артём улыбнулся парнишке.

— Да погоди ты, потом целоваться будете, — перебила его Светка. — Славка, сейчас тебе дядя Артём денег даст, ты дуй бегом к тётке Зине и возьми у неё пару пачек пельменей и две бутылки «Пшеничной». Скажи, я послала. И лимонаду какого-нибудь возьми.

— Не много будет? — с сомнением уточнил Артём. — Две-то бутылки?

Светка цыкнула в ответ и добавила:

— Не много. Зато потом бегать не придётся.

Славка оделся, взял у Артёма деньги и убежал.

— А разве ему дадут? Он же маленький ещё, — Артём кивнул вслед мальчишке.

— Это у вас в городе не дадут, а у нас тут свои порядки, — заверила его Светка.

— А младший ваш где? Максим?

— В комнате сидит у себя. В первый класс нынче отдали. Да бог с ним... Рассказывай, как вы там в области живёте. Ты на чём, кстати? На машине? — задавала вопросы Светка, выглядывая в окно. — Чего-то не видать.

Пётр сидел тут же и молча курил возле печки.

— Да нет, я на автобусе. Позавчера вечером приехал, у дяди Гены остановился. Вчера вот баню топили, а сегодня к вам решил сходить.

— А чего не на машине? — Пётр повернул голову к брату. — Ты когда у нас был? Года два, три прошло? Тогда на машине же приезжал.

— Да продали мы её. Надо было, как говорится, жилищный вопрос решать. Мы с однокомнатной на двушку обменялись, вот и нужны были деньги на доплату. С тех пор на общественном транспорте и катаюсь, — засмеялся Артём. — На новую машину пока не накопил. Да, наверное, ещё не скоро и накоплю.

— А чего так? — Светка достала новую сигарету и снова закурила. — Сейчас, вон, кредиты на каждом шагу, бери — не хочу. Подвинься. — Она пихнула мужа ногой. — Расселся тут, ни пройти ни проехать.

Пётр подвинулся в сторону. Артём немного помялся и в двух словах рассказал, что разводится с женой.

— Вот дела! — Светка вытаращила на него и без того большие, на выкате, глаза. — А ты говоришь, двух много будет. Тут как бы ещё за третьей бежать не пришлось с такими новостями.

Артём тихо засмеялся:

— Так чего сейчас, упиться, что ли, с горя?

— Ну не упиться, но раз такое дело... — Она снова пихнула мужа в бок. — Ты чего расселся? Ставь воду, сейчас Славка уже

вернётся. И в погреб сгоняй, достань там огурцов да помидоров солёных.

Пётр недовольно глянул на неё:

— А ты, случаем, не оборзела? В погреб схожу, а воду сама ставь.

Артём усмехнулся. Ему всегда было интересно, что общего нашли друг в друге его брат со своей женой? Пётр был немногословен, всегда, обычно, спокоен и рассудителен. Он был работащ, ростом невысок, но жилист, с длинными, сильными руками. Светка же была громкоголосая широкозаядая тараторка, любительница шумных компаний и выпить. Она, хоть и жила в деревне уже довольно долго, всегда старалась подчеркнуть своё городское происхождение, много красилась, часто надевала яркие, броские наряды.

Вскоре вернулся Славка. Сварили пельменей, сели за стол, выпили по первой.

— Ну и чего делать сейчас будешь? — Поморщившись, Светка поддела на вилку дымящийся пельмень.

Артём пожал плечами:

— Пока не знаю. Вот и отпуск взял, чтобы отвлечься немного, обдумать всё спокойно.

— Да чего тут думать?! Мне твоя Эльвира эта никогда не нравилась. Фифа этакая, всё ходила нос задирала.

— Ты-то откуда знаешь? — угрюмо спросил Пётр. — Ты видала-то её, может, раз или два, да и то мимоходом.

— А я сразу людей вижу, понятно? — Светлана мотнула головой на Артёма. — Вон, Артёмка — хороший парень, сразу видно. Ты давай наливай, а то расселся тут...

Она пододвинула свою рюмку к Петру, возле которого стояла початая бутылка. Потом снова повернулась к Артёму:

— А с квартирой чего? Ей, поди, не оставишь?

— Да не знаю. Ей бы одной, конечно, оставлять не стал, но там же дочка, Полинка. Хочется, чтоб у неё своя комната была, отдельная.

— Не вздумай оставлять! Что дочка? Им и одной комнаты за глаза хватит. А тебе где жить? Снимать, что ли, будешь или у

матери ютиться? Ишь! Она там, поди, уже губу раскатала. Мужиков водить. Артёмка, не вздумай!

— Да плевать мне на неё саму да на мужиков её. Я же говорю: хочу, чтоб у дочери нормальные условия были.

— Ну не знаю... Дурак будешь, если всё ей оставишь. — Светка громко икнула. — Ой, пардон.

В кухню заглянул второй сынишка Петра и Светки, шестилетний Максим:

— Мам, а нам со Славкой чего-нибудь поесть можно?

Мать кивнула на чайник:

— Воды, вон, набери, чайник поставь, сами чаю себе сделайте. Дядя Артём вам пряников купил с конфетами. Берите к себе их туда, а нам тут не мешайте. У нас тут взрослые разговоры. — Она протянула сыну коробку с конфетами. — На, держи.

Светка сама разлила по рюмкам и протянула свою к Артёму:

— Давай, Артёмка, за тебя. А этой не оставляй ничего, пополам дели всё, как по закону положено. Потом же тебе ещё и алименты платить придётся.

— Да тебе-то какое дело? — подал слово со своего места Пётр. — Пусть сам решает, не маленький. Оставлять, не оставлять... Вечно лезешь, куда тебя не просят со своими советами.

— А чего это ты её защищаешь, Эльвирку эту, а? — накинулась на мужа Светка. — Ты-то чего тут вякаешь? Тебя вообще никто не спрашивает. А Артёмке мы здесь новую бабу найдём, деревенскую, нормальную, а не фифу городскую. — Светка, похоже, в данный момент совсем забыла, что сама была родом из города.

— Ну нет, — покачал головой Артём. — Мне сейчас голову в этот хомут пихать ни к чему. Я один пожить хочу, ну их всех в баню.

Незаметно за этой пустой болтовнёй и препирательствами допили первую бутылку. У Светки уже вовсю блестели глаза, она явно захмелела, но, похоже, только входила в кураж. Пётр с Артёмом были заметно трезвее и молчаливее.

— Как там тётя Лариса поживает? — Артём посмотрел на брата.

Тётя Лариса была матерью Петра. Она три года назад схоронила своего мужа Дмитрия. Врачи так толком и не сказали от чего тот умер — как-то быстро сгорел человек за каких-нибудь три месяца и всё. В больницу ложиться отказался, так дома и помер на своей кровати. Жила тётя Лариса в этой же деревне на соседней улице.

— Да, вроде, нормально, — Пётр пожал плечами.

— Чего ей сделается? Она ещё всех нас переживёт, — опять вставила свои пять копеек Светка. У неё со свекровью отношения не заладились с первых лет, и общались они мало.

— Она одна или сошлась с кем?

— Одна.

— Так и не разобрались, отчего дядя Дима умер?

— Нет, — покачал головой Пётр. — Да кто там разбираться будет... Кому оно надо-то? Помер, да и всё.

Какое-то время посидели молча. Светка о чём-то задумалась, вертела в руках пустую рюмку, Пётр хмуро курил возле печки, а Артём смотрел в окно на стоявших чуть в стороне от дома двух тёток, болтавших друг с другом и активно при этом жестикулировавших.

— Дядя Гена говорит, сам виноват, что так вышло, — Артём решил поделиться тем, о чём говорили вчера с дядькой. — Дескать, не разобрался в Эльвире своей, женился, так чего сейчас на неё бочку катить? Дескать, она всегда такая была. Пожалеть, говорит, её нужно, потому как ещё аукнется ей это когда-нибудь.

— Дурак ваш дядя Гена, — ухмыльнулась Светка. — Он всё добренького из себя строит. Ага, жди, когда ей там аукнется. А сам с голым задом останешься. Я не помню, когда уже, встретила его как-то возле магазина на «площадке», разговорились, так он начал мне про любовь какую-то толковать. Какая к чертям собачьим любовь?! Где он нашёл её, любовь эту? Запомни, Артёмка — всем на всех наплевать, каждый только о себе думает да под себя гребёт. Любовь... Стою тогда, смотрю на него, а сама про себя думаю: дурак, не дурак? Вроде не маленький, а собирает ерунду какую-то.

Артём пожал плечами:

— Не знаю, может, в чём-то он и прав.

— Да брось ты! — Светка потянулась сигаретой к мужу. — Дай подкурить. — Затянувшись, снова повернулась к Артёму: —

Дядя Гена тебе насоветует. Ты меня слушай, Артёмка, я плохого не подскажу. — И снова мужу: — Давай, открывай вторую, а то уснуть с тобой можно.

— Мне-то на работу завтра, — недовольно протянул Пётр. — Это вам никуда не надо.

— Какая работа?! Сам же говорил, солжары нету, будешь весь день дрыхнуть под своим грейдером. Наливай давай!

И опять потянулись полупьяные разговоры, советы чего да как делать, как делить жильё и прочее имущество. Когда вторая бутылка подходила к концу, резко зазвонил мобильник, лежавший тут же на подоконнике.

— Алло! — закричала в трубку Светка. — Танька, ты что ли? Да мы тут сидим, у нас гости. Брат Петькин двоюродный в гости приехал. Ну... Давайте! Давайте приходите. Вы вдвоём или ещё кто с вами? Ну давайте, ждём.

— Сейчас Тиуновы придут с самогонкой. — Она, пошатываясь, встала. — Петька, слазь ещё в погреб, достань капусты квашеной. Пельменей почти не осталось, закусывать нечем.

— Да вы сдурели что ли? — Пётр поднял голову. — Куда её глыкать-то столько?

— Иди давай без лишних разговоров! Не хочешь — не пей, а мы с Артёмкой ещё посидим, да и Тиуновы сейчас придут, я говорю. Правда, Артёмка? Ты их не знаешь? Это соседи наши, через огород живут.

— Да я как-то тоже особо напиваться не хотел сегодня, — поддержал Артём брата. Сильно пьяным он себя не ощущал, но и трезвым после двух бутылок на троих, естественно, не был. — Засветло хотел к дяде Гене вернуться, а уже темнеет.

— Да мы не много, так... Слушай, а чего?.. Оставайся у нас ночевать! У тебя горе вон какое, надо же поговорить по душам, обсудить всё. — Светка стояла, склонившись над Артёмом и положив тяжёлую руку ему на плечо.

— А то не обсудили ещё, — проворчал со своего места Пётр. Он от спиртного становился ещё более хмурым, только речь начинала чуть-чуть запинаться.

— Тебя забыли спросить! Дуй в погреб за капустой, тебе горвят!

Пётр тяжело вздохнул, но, поднявшись, всё же побрёл на улицу.

— Нет, Свет, я пообещал, он ждать будет, — ответил Артём на предложение невестки остаться ночевать у них.

— Ну как знаешь... Давай ещё хоть часик посиди, с Тиуновыми познакомишься, они нормальные. Тебе сейчас сколько годов? Тридцать-то есть? Им-то обоим по двадцать семь или восемь, не помню. Месяц назад у Ваньки на дне рождения гуляли. Ну и вот... — Она облизнула губы. — Посидим с часик, ещё не сильно темно будет, дойдёшь. Да и сейчас фонари тут у нас везде светят.

В кухне было уже так накурено, что резало глаза.

— Может, проветрим? — предложил Артём.

— Давай двери откроем. А Петька придёт, я ему скажу, пусть печку затопит, чтобы избу совсем не выстудить. Хотя рано ещё, конечно, но ладно.

Открыли двери, и в них сразу же из сеней шагнули молодая женщина и мужчина.

— О-о-о! Нас уже встречают, ха-ха-ха, — громко захохотала гостья, крупная рыжая деваха с конопатым лицом.

— Танюха, заходите! — закричала Светка. — Это мы проветрить решили маленько, а то накурили тут. Знакомьтесь, это Артёмка, брат Петькин, а это Танька да Иван.

Иван, невысокий губастый парень с довольно уже приличным для его возраста брюшком, достал из-за пазухи бутылку с жидкостью белёсо-мутного цвета.

— Куда тут крепкие напитки поставить можно? — радостно заулыбался он, зыряка по сторонам весёлыми нагловатыми глазами. Гости были тоже навеселе.

Вошёл Пётр с трехлитровой банкой квашеной капусты. В кухне сразу стало шумно, зазвучали громкие возгласы, смех. Кто-то о чём-то спрашивал, горластая Светка старалась всех перекричать, стали резать хлеб, брякали посудой. «Рюмок не хватает! — кричала рыжая Танька. — Рюмки ещё нужны!» — и лезла в шкаф, шаря по полкам руками. У Артёма разболелась голова, он встал со своего места, сунул ноги в первые попавшиеся галоши.

— Я пойду на улицу выйду, проветрюсь маленько.

— Ты ненадолго только. — Светка дёрнула его за руку. — Давай по-быстрому и обратно. — Она подумала, что он пошёл в туалет.

На улице быстро сгущались сумерки. Артём отошёл к калитке, где было потише, и не так были слышны пьяные голоса из дома. Он энергично растёр лицо ладонями и с облегчением вздохнул. Мимо, виляя по грязи из стороны в сторону и объезжая лужи, проехал мужик на старом «ИЖе» с коляской. «В городе таких уже и не встретишь, а тут по сей день ездят», — усмехнулся про себя Артём. Треск мотоцикла удалился, и вокруг снова стало по-деревенски тихо. Где-то в стороне перебрехивались собаки, на соседней улице в стайке натужно мычала корова, требуя к себе хозяйку.

— Артём, ну ты куда пропал? — из-за двери высунулась Светкина голова. — Мы тебя уже потеряли, заходи давай!

— Иду, — он повернулся, хотя желания возвращаться в тесную душную кухню не было никакого.

У него возникло желание тихонько обуть сапоги, накинуть куртку и улизнуть, как говорится, по-английски, но это вряд ли бы осталось незамеченным. Светка сразу как клещ вцепится и не отстанет, пока снова за стол не сядешь.

— Я тут уже рассказала Таньке с Иваном, что ты там со своей этой, как её... Элькой разводишься, так она тоже говорит, чтоб ты к нам сюда перебирался. Мы тебе тут быстро невесту найдём! Да ещё и с домом! — горланила на всю кухню Светка и хохотала при этом. — Танюха, я ему предлагала уже, так он говорит, я в этот хомут сейчас уже не полезу.

Танька тоже захохотала, затрясла своей рыжей шевелюрой, поддакивая пьяной соседке.

— Ванька, наливай свою самогоновку, а то от Петьки не дождёшься! — Светка махнула рукой.

— А это нас долго просить не надо! — широко и радостно улыбнулся сосед, берясь за бутылку.

Артём, севший на другой стул (на его месте сейчас сидел Пётр), взял в руки рюмку с мутной жидкостью.

— Ну, за всё хорошее! Чтоб у нас всё было, а нам за это ничего не было! — пузатый Иван, не переставая улыбаться,

протянул свой стакан, чокаясь со всеми по очереди. — Петруха, сосед, давай!

Артём выдохнул в сторону, нехотя выплеснул в себя самогон и его сразу же чуть не стошнило. В нос ударил противный запах сивушных масел и ещё чего-то ужасно гадкого. Однако он сдержался. Кое-как проглотив жидкость, быстро схватил полную ложку капусты и отправил её себе в рот, чтоб перебить неприятный вкус.

— Кху, кху, — закашлялся он, сморщившись, — как вы это только пьёте.

— Нормально пьём, чего ты? — Иван удивлённо пожал плечами, глядя на Артёма непонимающими глазами.

— Да он уже городской давно, привык там к коньякам пятизвёздочным, — засмеялась Светка. — Ничего, здоровее будешь!

— Что-то я сомневаюсь, — тихо сказал Артём, отодвигая свою рюмку подальше. — Я пока пропущу.

— Как знаешь, — Иван качнул головой, — нам больше достанется, правда девчонки?

Пока все галдели да обсуждали непонятные для Артёма деревенские новости и дела, он встал и незаметно для всех снова вышел на двор: «Лучше здесь постою, подышу свежим воздухом», — подумал он, накидывая капюшон: заморосил мелкий дождик. К этому времени на улице стало совсем темно.

У ограды мелькнула чья-то тень, скрипнула калитка, и от неё к Артёму нетвёрдой походкой стал приближаться какой-то невысокий мужичок. Когда тот подошёл поближе, он разглядел его: лет пятьдесят, не меньше; кепочка на вполне густой ещё и чернявой шевелюре; такая же чернявая и кучерявая бородка; старая засаленная фуфайка да кирзовые сапоги. Судя по маслянисто блестящим глазам и глуповатой улыбочке, мужичок был под хмельком.

— А я мимо иду, слышу — гуляют у вас. Дай, думаю, загляну на огонёк. Не помешаю? — тихо спросил он Артёма, глядя ему прямо в глаза.

Артём неопределённо склонил голову:

— Да я сам тут гость. Заходите, — он посторонился, и мужчина, сняв сапоги прямо на крыльце и оставшись в серых портянках, вошёл в избу. Артём пошёл следом.

— Мир дому сему, — сказал мужчина, входя на кухню. — А я мимо иду, смотрю — гуляют у вас. Дай, думаю, загляну. Не помешаю? — повторил он слова, сказанные на улице Артёму.

— О! Семёныч! Ну проходи, раз зашёл, чего уж, — распорядился по-хозяйски Иван.

Светка подняла совсем уже пьяные глаза на вошедшего и достала из пачки сигарету:

— Семёныч, входи, входи. Петька, достань там рюмку ещё, угостим Семёныча.

Артём остался стоять у двери. Заходить и садиться к столу желания не было, тем более что и стульев свободных больше тоже не было: пришедший Семёныч сел на его место.

За столом снова налили по рюмкам, чокнулись, выпили. Опять пошли какие-то разговоры, но Артём уже и не пытался вслушиваться в них. Он думал, как бы сейчас выбрать момент половчее да сбежать.

— Давай, Семёныч, сбациай чего-нибудь! — вдруг громко сказала Светка.

— Так, чего же? — новый гость, сидевший, как и пришёл, в засаленной фуфайке, скромно потупился. Он покосился на пустую рюмку.

— Ванька, плесни ему ещё рюмаху, — Светка толкнула Ивана в бок.

Тот налил и пододвинул рюмку.

— Так, чего я один-то? — смущённо сказал Семёныч, беря самогон.

— Давай, давай, мы тут уже с обеда гужуемся, — хозяйка поощрительно махнула рукой.

Мужичок выпил, крякнул, взял кусочек хлеба и понюхал его. Откусывать не стал. Артёма даже передёрнуло, когда он представил вкус этой противной жидкости.

Между тем Семёныч повёл глазами по сторонам, они у него смотрели и грустно, и весело одновременно.

— А можно, я что-нибудь про любовь почитаю? — неожиданно для Артёма вдруг сказал он, и, не дождавшись разрешения, сразу же начал:

*— Я тебя увидел на закате
Там, где речка тихая текла.
В ситцевом цветастом платье
Ты по берегу неспешно шла.*

*Волосы распущены на плечи,
А в руках ромашковый букет.
Каждый миг той первой нашей встречи
В памяти оставил счастья свет.*

Артём зажмурил глаза и встряхнул головой. «Во даёт мужик», — он перестал понимать, что тут происходит.

*— Ты прошла как ветра дуновенье,
Поразив волшебной красотой,
Только на какое-то мгновенье
Взглядами мы встретились с тобой.*

*Синих глаз лучистое сиянье,
Тонкой шеи ласковый изгиб.
Уловив на миг твоё дыханье,
Понял я, что навсегда погиб.*

За столом сидели пьяные люди и пьяными глазами смотрели на чтеца. Тот же проникновенно, с выражением, тихим голосом читал стихи. Всё это в табачном дыму, на столе лежат остатки холодных пельменей вперемешку с квашеной капустой, пепельница, полная окурков, ещё почти полная бутылка мутной самогонки и посреди всего этого — стихи.

«Какой-то сюрреализм», — подумал Артём, прислонившись плечом к дверному косяку. У него даже слегка закружилась голова.

Семёныч между тем продолжал:

*— Солнце яркое в камыш садилось,
Я ж стоял тобой заворожён.
Неужели это мне приснилось?
Неужели это только сон?*

Светка, покачиваясь, махнула головой, потянулась за бутылкой и налила всем самогонки. Молча кивнула на налитое, приглашая присутствующих выпить.

— Семёныч, красавчик, давай, — она пододвинула ему рюмку.

Мужичок замолчал и обвёл присутствующих тоскливым взглядом. Вдруг в глазах у него блеснули слёзы:

— Зачем? Может, оно и не надо, а? Не надо ведь... — тихо сказал он, опустив голову, но потом всё же взял свою рюмку и, вздохнув, залпом опрокинул в себя. Снова отломил кусочек хлеба и опять лишь занюхал, не откусив.

— Молодец, Семёныч, молодец! — Иван похлопал его по плечу. — Давай, шпарь дальше.

Мужик помолчал немного, потом сказал:

— Ну, может, вот это ещё... — Он на пару секунд задумался, закрыл глаза и начал:

*— А жизнь ведь прекрасная штука!
И жить так чудесно на свете!
Какая простая наука
С улыбкой идти по планете.*

*Встречать где-то в море восходы,
В горах любоваться закатом,
В мелодию складывать ноты,
Всё время стремиться куда-то.*

Иван достал из пачки сигарету и, посмотрев на присутствующих, молча замахал рукой, словно чиркая спичкой о коробок. Светка кивнула и так же молча протянула ему зажигалку.

— *А может, не всё так прекрасно?
Ведь есть на планете и горе,
И жизнь зачастую ужасна,
И слёз уже пролито море.*

*Страдания, боль и паденья —
Не выдумки вовсе всё это.
Жизнь кажется просто мученьем,
И нет никакого просвета.*

— *А как же любовь? Скажите!
Ведь там, где она, там и счастье!
Не страсть, а Любовь! Поймите,
Не может быть с нею ненастья!*

— *Да, всё это так, и вы правы.
Но всем ли Она достаётся?
Ведь часто бывает травой
Обман что "любовью" зовётся.*

— *Но жизнь — всё же классная штука.
Признайтесь, она ведь прекрасна!
И в этом, быть может, наука,
Что так она многообразна?..*

«Обман, что любовью зовётся, — повторил про себя Артём.
— Это точно, сплошной обман. Чьи это стихи, интересно?»

Иван затыкнулся, выпустил струю дыма к потолку.

— Почитай ещё чего-нибудь, Семёныч. Про любовь. А, девчонки? — он глянул на сидящую рядом жену.

Семёныч отрицательно замотал головой:

— Нет, всё, всё, я больше не буду. Извините меня, зря я это...

Артём с удивлением смотрел сзади на сидящего на его месте мужика. Потом взглянул на Петра, их взгляды встретились. Артём чуть заметно кивнул брату на дверь и потихоньку вышел. Через минуту за ним вышел Пётр. Он тоже не пил самогонку, поэтому был не сильно пьян.

— Я пойду, темно уже. Дядя Гена там, наверное, беспокоится.

— Ну давай, братуха! Молодец, что зашёл. Ты вообще надолго к нам?

— Не знаю, как получится. Может, на неделю, может, подольше задержусь.

— Ты заходи ещё. А может, я заеду к дяде Гене, давно уж его не видел, с лета, считай.

— Слушай, Петро, а кто это? — Артём кивнул на светящееся окно кухни.

— Семёныч-то? Да как тебе сказать... Он в соседней деревне директором клуба когда-то был. Ещё в советские годы. Сам стихи по молодости писал, говорят, даже печатали его в каких-то журналах, лауреатом был чего-то там, в Москву ездил.

— Так это что, его, что ли, стихи? Собственные?

— Ну да, его. Он иногда ещё Есенина читать начинает, как-то по памяти всю «Анну Снегину» прочитал, а так всё больше свои.

— Ничего себе... — удивился Артём.

— Ну вот, а потом, когда Союз загнулся, всё развалилось, клуб закрыли, он и остался ни с чем. Потерялся, короче, мужик, не смог к новой жизни приспособиться. Сейчас вот срубы рубит. Кому баню, кому стайку, иногда на заказ, а когда заказов нет, так сам, а потом продаёт. Продаст сруб — денег заплатят, он тем и живёт. Два-три дня погуляет, ходит вот так вот по гостям, а потом опять трезвый. А как выпьет, так стихи читать начинает. Наверное, и сейчас заказ какой-нибудь сделал, раз гуляет ходит по деревне. Так-то его особо не видеть.

— Понятно, — Артём протянул ладонь. — Ну ладно, пошёл я.

— Пока! — Пётр пожал руку. — Насовсем не прощаюсь, думаю, увидимся ещё.

Идти обратно снова через всю деревню Артёму уже не хотелось, и он решил срезать путь напрямую через березник. Конечно, было уже совсем темно, на землю снова навалилась осенняя непроглядная чернота, однако хмельной кураж убеждал: не бойся, Артёмка, ты же тут все тропки знаешь, в детстве через этот березник мог с закрытыми глазами бегать, вот и сейчас не заблудишься. Тем более на ногах были резиновые сапоги, так что грязи и луж бояться тоже было нечего.

Пройдя по небольшому переулку, он вошёл в лес. Там Артём выставил вперёд левую руку, чтобы впотьмах не дай бог не

напороться на какой-нибудь сук, и, аккуратно ступая, двинулся в том направлении, куда подсказывало ему внутреннее чутьё.

Если честно, то вечер, только что проведённый у Петра, ему хотелось уже выкинуть из головы. Артём отвык от таких откровенных пьянок. Да и как-то всё коряво вышло, сумбурно, шумно: Светка эта горластая, водка, самогонка, гости ни к селу ни к городу. Он думал, что они посидят спокойно с братом, потолкуют о том о сём. Но, вот, не получилось. Только деревенский поэт Семёныч, потерявшийся в новой жизни человек, вызвал в нём неподдельный интерес, но и о нём сейчас думать тоже не хотелось. Артём шёл, обходя попадавшиеся на пути деревья, но старался направление держать верно, чувствуя, куда надо идти буквально ногами, ощущая каждый изгиб рельефа, каждый холмик, каждую ямку.

Мысли как-то сами собой вернулись к разводу с женой и к разговорам с дядей Геней. «И правда, какой-то он добренький, что ли, — думал Артём, отодвигая рукой встречающиеся ветки. — Если прощать всех этих гадов, так вообще заклюют. Им того и надо. А нужно наоборот — силу показывать, чтоб не смели больше... А то ишь какие! Жалеть я их буду, щас! Эльвира эта, змея подколодная. «Обман, что любовью зовётся», — повторил он запомнившуюся строчку из стихов Семёныча. — Олега этого, засранца, жалеть, что ли? Да я ещё морду ему набью, если попадетсЯ где». В голове шумело, мысли путались, но ноги ступали довольно твёрдо. «Не-ет, дядя Гена, шалишь. Ты тут живёшь один как сыч, возле леса своего, никого не видишь, тебе легко рассуждать. А надо наоборот — спуску всяким гадам не давать. Нашли дурака! Да и Светка, может, права насчёт квартиры. Подам на размен, Полинке места хватит».

Он не успел додумать, так как, сделав следующий шаг, вдруг не ощутил твёрдой почвы под ногами. Взмахнув руками, словно пытаясь ухватиться за воздух, Артём полетел куда-то вниз. Через секунду он грохнулся на мокрую липкую глину. И внезапно от резкой боли, пронзившей левое плечо, перехватило дух так, что не получилось даже вскрикнуть. Сморщившись, Артём громко замычал и выругался сквозь зубы. Через пару секунд первый болевой шок прошёл, и он понял, что, падая, вывихнул в плече руку.

Немного отдышавшись, Артём ощупал здоровой правой рукой пространство вокруг себя. Это была какая-то длинная канава около метра шириной. Он прислушался к ощущениям в левой руке. Она, неестественно вывернутая, торчала куда-то в бок, было больно, но терпимо, если не пытаться шевелить ею.

С ним уже было, когда он вывихивал это же самое плечо. Случилось это в армии. Тогда они в расположении занимались с гирями да штангами, как было принято говорить — «качались». Он взял довольно большой вес и стал жать штангу из-за головы. Видимо в какой-то момент плечевой сустав не выдержал нагрузки и выскочил из связок. Боль была дикая, у него потемнело в глазах, а штанга тяжело упала на шею. Пацаны, стоявшие тут же, быстро подскочили и подхватили её, а потом, не зная, что делать и вытаращив глаза, смотрели на Артёмову руку, торчащую в бок откуда-то не из плеча, а чуть ниже. Он и сам не знал тогда, что делать. Перетерпев первую боль, подумал было о медсанчасти. Но какой смысл идти туда в девять вечера, если там в это время дежурит только простой солдат-фельдшер? Что он сможет сделать? Да и как дойти туда с такой рукой? И Артём решил: надо ставить руку на место самому. Он крепко взялся ею за дужку кровати, нагнулся и, стиснув зубы, стал медленно отходить назад, вытягивая плечо как бы вверх. Боль снова накатила такая, что в глазах потемнело. Он остановился на секунду, перевёл дух и, зажмурившись, шагнул дальше назад. Сустав перекатился и встал на место. У Артёма даже выступили на глазах слёзы, но сразу же пришло и облегчение, а резкая боль сменилась тупой, ноющей. Пару дней он тогда проходил, держа руку на перевязи, пока она более-менее не зажила.

Вспомнив всё это, Артём осторожно выпрямился в яме в полный рост. «Какого лешего они тут понарыли посреди березника? — Морщась от боли, он здоровой рукой ощупывал грязные стены канавы вокруг себя. — Хорошо, что ещё голову не расшиб, а то так ведь и совсем убиться можно было, шею себе свернуть». Пройдя по канаве немного дальше, Артём нащупал толстый корень, свисавший сверху. И снова, как тогда в армии, он ухватился за него левой рукой и, согнувшись и стиснув зубы, медленно пошёл назад. На этот раз он уже знал, что будет дальше, надо было только потерпеть — перекатившись, кость встала на место. Артём тихо выругался от

боли и присел на корточки перевести дух. «Ладно, руку на место поставил, но как выбираться-то отсюда?» — он повертел головой во все стороны, но вокруг не было видно ни зги. Яма была глубиной с его рост, то есть примерно метр восемьдесят. Он пошарил рукой в карманах в поисках зажигалки, но не нашёл её: видимо, оставил у Петра. Тогда Артём подёргал корень, пробуя его на прочность, и стал карабкаться по нему наверх. Левая рука отчаянно ныла в плече и не давала напрячь себя в полную силу. Но он мог хотя бы чуточку помогать себе ею, и то было хорошо. Упёршись коленями в стену канавы и перехватывая корень руками, он наконец-то смог выбраться из ямы. Сев на траву и прислонившись спиной к толстой берёзе, — а это её корень свисал в яму — Артём вытер вспотевший от напряжения лоб рукавом куртки и усмехнулся: «Срезал дорогу, называется». Но сиди не сиди, а надо было идти дальше. Поднявшись, он пошёл в сторону дядькиного дома, снова вытянув вперёд руку, на этот раз правую.

Хмель после такой прогулки у него почти весь вышел, и дальше до дяди Гениного дома Артём добрался уже без приключений. Внутренний компас его не подвёл, и он вышел точно в нужное место.

— Ты где так угваздался? — с порога спросил его дядька, когда грязный, в налипшей на джинсы и куртку глине, племянник вошёл в дом. — И чего так поздно? Неужто всё у Петра был?

— Ой, дядь Ген, не спрашивай. Был-то у Петра, да вот назад решил срезать и через березник пошёл, напрямки, а там у вас канав каких-то понарыли, вот и грохнулся.

— Ну ты даёшь! — покачал тот головой. — Там водопровод тянут, вот и канаву под него вырыли, до морозов хотят закончить.

— Так, а чего не огорожено совсем?

— Да кто там в лесу будет огораживать? Свои-то все знают, и ночью там никто не шарится. Кроме тебя вот, выходит... — и дядька тихо засмеялся, потрепав Артёма по голове. — Ладно... Раздевайся да мойся иди. Не на трубы хоть упал-то? Просто в яму? А то точно ноги бы переломал. Ну дела... Чай пить будешь?

— Не откажусь.

Умывшись, Артём устало сел на стул. Плечо неприятно ныло, но он старался не обращать на него внимания — заживёт. Главное, что он был на месте.

4 октября

На следующий день Артём проснулся поздно. Голова после вчерашнего застолья всё же немного побаливала, плечо тоже ныло. Дядя Гена, видевший, в каком состоянии вчера вернулся племянник, решил печку затопить попозже, чтобы не шуметь и не будить его раньше времени.

— Ну как? Оклемался? — спросил он Артёма, когда тот встал и вышел умываться.

— Нормально, — кивнул тот, — оклемался.

— С утра уже Людмила приходила, молока опять принесла. Я её попросил, она твои джинсы постирает сегодня, а куртку так почистим, щёткой. Ты пока в моих штанах походи.

— Спасибо.

Артём выглянул в окно. Погода никак не хотела улучшаться. Опять небо от края и до края было затянуто тучами, и по всему было видно, что перед рассветом снова прошёл дождь, так как с крыши мерно падали редкие крупные капли.

После завтрака Артём достал было сигарету, но, задумчиво повертев её в руке, спрятал обратно в пачку — курить не хотелось. «А ведь и вправду гадость», — подумал он. Вынул из сумки телефон, посмотрел — добавилось ещё два звонка от Олега. Артём хмыкнул, прошёлся по комнате и остановился в углу у книжных полок:

— Дядь Ген, это ты всё читаешь?

Дядька только закончил мыть посуду, подошёл к племяннику:

— Конечно. Или ты думаешь, они у меня так, для красоты стоят? Но, если честно, то не читаю, а просто перечитываю время от времени.

— А детские зачем?

— Так я и их перечитываю.

Артём удивлённо глянул на дядьку:

— В смысле? Ну Толстого с Тургеневым я ещё понять могу, а Носов-то тебе зачем?

— А ты думаешь, взрослому человеку это ни к чему? Ошибаешься, племяш. Я считаю, детские книжки время от времени всю жизнь перечитывать нужно. Это же не «Колобок» с «Курочкой Рябой», это весьма серьёзная литература, и зря ты так про неё.

Почитай Крапивина, Сотника, других... Это же сплошное удовольствие.

Артём помолчал немного и потом спросил:

— Это ты в книжках прочитал, что жалеть надо тех, кто тебя обманывает да гадости всякие делает?

Дядя Гена серьёзно посмотрел на племянника:

— Почему ты так решил?

Тот пожал плечами:

— Ну не знаю... Просто спрашиваю. Я вот всё же не до конца понимаю эту твою философию. Ладно, про стулья ты там говорил, дескать, сам виноват, что врезался в него. Но со стулом-то проще, он — деревяшка. А я не могу вот себя убедить, что, к примеру, жена моя ни в чём не виновата, и мне её надо просто так отпустить на все четыре стороны, да ещё и пожалеть при этом. Не получается у меня так, понимаешь? Чем больше думаю об этом, тем больше только злость берёт. Разве может вообще человек реагировать на подобное так, как ты говоришь? Я вот вчера шёл и думал, попадись мне сейчас навстречу Олег, дружок мой бывший, так в морду заеду без разговоров!

Дядя Гена присел на стул:

— А разве я говорил, что твоя жена да Олег этот ни в чём не виноваты? Я же тебе говорил совсем о другом, о твоей реакции.

— Ну хорошо, пусть про реакцию. Я тебе про неё и говорю, вообще-то, — разве может человек по-другому на всё это реагировать? Так, как ты говоришь? Что-то я таких не встречал.

Дядя Гена помолчал какое-то время, встал, подошёл к висевшему на стене отрывному календарю и сорвал лист.

— Октябрь уже идёт. Скоро, наверное, и снег выпадет. — Он вернулся к столу и снова сел. — Понимаешь, Артём, ты, по-своему, прав, конечно. Но давай, я попробую тебе рассказать, как вообще люди реагируют на многие вещи, которые вокруг нас происходят. Ты не против?

Племянник подошёл к дивану и сел, приготовившись слушать:

— Конечно, нет. Рассказывай.

— Смотри, вот у животных реакции на внешние раздражители основываются на инстинктах, то есть на врождённых

рефлексах, а также на рефлексах приобретенных. Эти реакции автоматические, они возникают помимо воли самого животного. Но человек, это ведь тоже животное по своей сути. Поэтому наши реакции тоже во многом автоматические. Но поскольку человек всё же организован более сложно, то наши реакции гораздо богаче, они более разнообразны, но по сути своей также рефлекторны. В какой-то степени человека можно даже назвать биороботом.

— Здравсьте, — удивлённо протянул Артём. — Как это — роботом?

Дядя Гена поморщился и поднял ладонь:

— Погоди, не придирайся к словам. Я же образно говорю. Но, кстати, если ты задумаешься, то, действительно, человек — это робот, который банально управляется информацией. Конечно, если он сам не способен критически её анализировать и переваривать. Вот робот — он как действует? По программе, заложенной в него создателем. При определённых условиях он делает одно, при других — другое. В людях, как и в животных тоже есть подобные программы, заложенные за огромное количество лет эволюции в их сознание, а точнее в подсознание. Одна информация вызывает в человеке одну реакцию, другая — другую. Так, кстати, и манипулируют людьми, давая им ту информацию, которая выгодна манипулятору.

Так вот, то же самое касается и многих эмоций, поскольку они тоже являются одним из вариантов реакции человека на внешние раздражители. Поэтому эмоции также возникают рефлекторно, автоматически. Давай, я тебе для примера покажу это на эмоциях обиды и вины. Вот смотри, предположим, есть два человека. У каждого из них есть свои представления о правильном поведении. Эти представления могут совпадать у этих людей полностью, могут частично, но могут и вовсе не совпадать. Этаким своеобразный набор понятий что такое хорошо и что такое плохо. Как правило, если эти представления совсем не совпадают, то такие люди навряд ли вообще будут общаться друг с другом, поэтому возьмём вариант, когда люди являются в основе своей единомышленниками. И вот один из них совершает нечто, что нарушает общепринятые правила поведения. Естественно, этот поступок находит отражение в сознании второго, и он понимает, что тот, первый, поступил неправильно. Это осознание происходит

через переживание соответствующей негативной эмоции. Именно эмоция говорит второму, что что-то не так. Это может быть осуждение, обида, злость, ревность... Но мало эмоцию испытать самому, при нормальных взаимоотношениях ведь нужно ещё как-то донести эту реакцию до первого, указать ему на допущенное им нарушение правил. Как это сделать? Можно просто сказать: «Вася, ты был не прав». И если Вася адекватный человек, то он признает свою ошибку, скорректирует своё поведение, и больше так поступать не будет. А дело, так сказать, можно было бы считать закрытым. Но люди часто не говорят друг другу ясно и чётко о своих переживаниях, а ограничиваются лишь демонстрацией своих эмоций. Так вот, продолжая про обиду и чувство вины... Если второй не скажет первому, что тот поступил неправильно, он будет просто демонстрировать, что обиделся на него. Первый обязательно это почувствует, если он не полный дурак, и в итоге он ощутит в себе чувство вины. Эта реакция тоже будет автоматической, так сформировано той же эволюцией. Вообще чувство вины в нас возникает, когда мы осознаем, что поступили неправильно. Если мы видим, что кто-то на нас обижается, это даёт нам сигнал, что мы поступили в чём-то неверно, поскольку понимаем, что обида другого возникает именно как реакция на наше неправильное поведение. И даже если мы сами не видим, в чём именно наше поведение было нехорошим, обида другого человека является как бы свидетельством того, что неверное поведение всё же имело место. И мы испытываем чувство вины. Понимаешь? Так вот, чувство вины, это довольно тяжёлая эмоция, с которой человек не может долго жить. Ему нужно как-то избавиться от неё. Но как? В принципе, довольно просто — сделать так, чтобы на него больше не обижались, ведь раз нет обиды, значит, я в порядке, значит, я веду себя правильно. Но как именно это сделать? Да просто загладить эту вину и всё: либо вернуть своё поведение к норме, либо принести извинения, если сделанного уже не вернуть, либо как-то компенсировать иным образом. Человек делает что-то одно или несколько из вышеназванного, на него перестают обижаться и все счастливы, жизнь идёт дальше.

Понимаешь? Это всё является довольно сложной схемой человеческих взаимоотношений, сформированной за тысячи и

тысячи лет коммуникации. Это, по идее, должно облегчать нам общение, но, увы, на практике всё получается совсем не так.

— Погоди, погоди... — Артём жестом остановил дядьку. — Так ведь по этим твоим рассуждениям получается, что моя реакция на поведение Эльвиры была хоть и автоматической, но, по большому счёту, вполне нормальной, поскольку ты же не будешь говорить, что она поступила хорошо. Что ни говори, а измену жены нельзя причислить к «нормальному» поступку, с какой стороны ни поверни. Так в чём же моя вина? При чём здесь вообще то, что я сам в ней не разобрался, как ты мне в субботу говорил?

— Как это причём? Ты связал свою жизнь с человеком, у которого совсем иные морально-этические принципы. Для неё измена мужу не является чем-то плохим и неприемлемым. Понимаешь? Ни один человек не будет совершать какой-либо поступок, если заранее знает, что поступает плохо. Как минимум на тот момент, он найдёт для себя оправдание. Когда твоя жена изменяла тебе с твоим же другом, она не считала, что поступает плохо. Иначе она бы испытывала чувство вины, а она, как я понимаю, его не испытывает. Вот и всё.

— Хорошо, пусть так, пусть я виноват в том, что действительно не разобрался в ней как следует, когда женился. Но реакция-то моя всё равно от меня не зависит! Сам же говоришь, что она автоматическая. Как я могу не обижаться на неё, а просто отпустить на все четыре стороны, как ты предлагаешь?

— А ты дальше слушай... Если бы все люди были психически и эмоционально здоровыми, то общение даже только на уровне эмоций было бы делом вполне нормальным и исчерпывающим. Один испытал и продемонстрировал обиду, другой, заметив это, испытал чувство вины, загладил её и всё, все живут дальше. Но разве есть среди нас абсолютно здоровые люди? — дядька пожал плечами. — Нет, Артёмка, люди в большинстве своём это невротики, они корыстны, эгоистичны, подвержены всевозможным страстям. И я совсем не пессимист в этом вопросе, я стараюсь смотреть на вещи объективно. Поэтому эмоции давно перестали быть нормальным средством коммуникации, мы стараемся с их помощью манипулировать другими людьми, а иногда мы подавляем свои эмоции, когда нам тяжело, и даже меняем свои моральные принципы. Ты во многом прав, когда говоришь, что измена не

может быть причислена к понятию «хорошо» ни при каких обстоятельствах. Но ведь изменяют же! И находятся те, которые открыто говорят: а что в этом такого? То есть человек поддаётся своей животной похоти, а чтобы освободить себя от тягостного для него чувства вины, банально меняет свои моральные принципы, отказывается от них, переводя супружескую измену в разряд нормы. На самом деле это довольно страшная вещь, поскольку супружеская измена, это лишь измена, но ведь и вор оправдывает своё воровство, и убийца оправдывает убийство и так далее. Под это подводятся целые философские теории.

Ладно, я отвлёкся, тут можно долго говорить. Вот смотри, я тебе банально на примере той же обиды и вины покажу, как это может работать в извращенном варианте. Ты уже понял, что чувство вины возникает автоматически, когда мы видим, что кто-то на нас обижается. Но здесь есть один нюанс — мнение того, кто на нас обижается, должно быть для нас значимым, мы должны в целом уважать этого человека. Точно так же и обижаться имеет смысл на того, для кого твоё мнение ценно. Кстати, вот поэтому твоя Эльвира и не терзается угрызениями совести, когда ты на неё обижаешься, потому что ты для неё банально незначим, не уважает она тебя, если совсем уж по-простому сказать. Извини, что я тебе так в лоб этого говорю.

Артём хмыкнул. Он чувствовал внутри некое раздвоение. С одной стороны, то, о чём говорил дядя Гена, было ему интересно, так как раньше он ни с кем о подобных вещах не разговаривал. Вернее, никто ему ничего подобного не говорил. С другой же стороны, эти разговоры уводили в какую-то непонятную для него сторону. Это было незнакомо, он просто не знал, к чему вывернет дядька через минуту. А некоторые вещи, о которых тот рассуждал, были Артёму не просто непривычны, они были ему даже неприятны и болезненны, так как перекладывали определённый груз ответственности за происходящее на него самого.

— Так вот... — как ни в чём не бывало продолжал дядя Гена. — Только ты не сердись, ведь лучше это понимать, чтобы не наделать новых ошибок. Что ещё можно сказать про обиду? Ты наверняка сталкивался с людьми, которых называют обидчивыми. Казалось бы — с чего им такими быть? Неужели все вокруг постоянно делают что-то не так, раз они так часто обижаются на

окружающих? Нет, дело в том, что эмоция обиды уже давно стала способом манипулирования людьми. Вспомни, стоит кому-то сказать что-то типа: «Эх, ты! А я-то думал...», как тот, к кому эти слова обращены, сразу же начинает оправдываться. И обижающийся понимает на подсознательном уровне, что тот, на кого он обиделся, начнёт испытывать чувство вины и кинется заглаживать её, то есть всячески его улаживать. Вот и всё. И этим пользуются, чтобы вызвать в ком-то чувство вины. Ведь чувствуя себя виноватым уязвим, ему можно ставить условия, как лучше загладить эту самую вину. Но потому-то с обидчивыми людьми и не хотят общаться, кому ж хочется всё время чувствовать себя виноватым? И мы стараемся избегать их, а они начинают отрываться на тех, кто не может от них просто так убежать, кто всегда рядом: на родственниках, на близких им людям. Этим часто старики грешат. При этом такая обидчивость может быть даже не преднамеренным поведением, а просто дурной привычкой — привыкает человек, когда вокруг него все прыгают в желании ему угодить. Однако обидчивый человек не понимает, что в итоге роет яму себе самому, так как постоянно испытывать чувство вины никто не хочет, а следовательно, от него будут постоянно убегать, и рано или поздно он останется в одиночестве.

Артём задумался. Его озадачили дядькины слова: «А ведь и правда, Эльвира любила пообижаться. На ровном месте недовольную физиономию состроит, губки надуёт, а я перед ней потом распинаюсь: Эльвирочка... Эливирочка... Вроде бы ни в чём и не виноват, а виноватым себя чувствовал. Выходит, как биоробот действовал, если дядькиным словам верить. Может, что-то в этом и есть». Но, повернувшись к дяде Гене, он сказал:

— А к чему ты это мне говоришь? Я что, по-твоему, такой вот обидчивый, что ли?

— Нет, нет... Это я тебе в качестве иллюстрации ненормального использования эмоций рассказал, когда они не свою функцию выполняют, а являются способом манипуляции другими. На самом деле тут много разных вариантов есть. Но к тебе это, кстати, тоже имеет отношение.

— Какое же? — не понял Артём.

— Так ведь те эмоции, которые ты испытываешь по отношению к своей жене и своему другу, они же тоже деструктивные.

— Погоди, но мы же разобрались, что мои эмоции от меня не зависят. В чём же я виноват, и в чём эта деструктивность?

— Но я же тебе ещё сказал, что обижаться имеет смысл лишь на того, кто к твоему мнению прислушивается. А как мы поняли, твоей жене плевать на твои обиды, она вины не испытывает и извиняться перед тобой не намерена. Так зачем тогда всё это?

— Гм, хорошо. Но что я могу поделать с собой, если, повторяю, по твоим же собственным словам моя реакция автоматическая? Я же биоробот, ёлки-палки!

Дядя Гена улыбнулся:

— Так в том-то и дело, что не простой робот. Мы же, всё-таки, не просто животные с набором инстинктов, а люди. Человек разумный — *Homo sapiens*! А где эта разумность, если ты вот сейчас разводишь руками и говоришь, а что я могу сделать? Да, я тебе сказал, что человек, по сути, это животное; да, у нас есть такие же рефлексy; да, наши реакции во многом автоматические, но у нас ведь есть ещё и разум. Неужели этого мало, чтобы вести себя не только лишь как животное?

Вот скажи мне, если кошка пошла к другому коту в соседний двор, как ты думаешь — долго её предыдущий ухажёр будет страдать от этого? Мечтать отомстить своему сопернику, морду ему расцарапать, мучиться по этому поводу? Да он через минуту забудет про всё и дальше жить станет как ни в чём не бывало. Так, выходит, его эмоции намного здоровее наших, человеческих? Ты-то вон уже сколько негатива выплеснул на этой почве.

— Слушай, дядя Ген, тебе легко говорить, это не тебе жена изменила! Так в том-то и дело, что ведь я живой человек! А вот был бы настоящий робот, так тумблер переключил бы и всё — не переживаю больше. Думаешь, это легко?

— Конечно, нелегко, согласен. Поэтому я тебе и толкую обо всём этом, чтоб ты понял и отпустил ситуацию. И не просто отпустил, а сделав правильные выводы на будущее. Реакция твоя вполне объяснима, я тебе уже сказал это, но, по большому счёту, тебе уже через пару часов надо было жить дальше спокойно и всё.

Забывать про Эльвиру, про Олега и жить дальше. Как тот кот, — дядя Гена улыбнулся.

Артём молчал, не зная, что сказать. Потом развёл руками:

— Ну не знаю... Но тогда ведь совсем бардак будет, если каждый начнёт творить, что захочет, а мы будем лишь утираться, чтобы только негатив не выплёскивать.

— Да я разве говорю о том, чтоб отказаться от всех норм и правил и жить в бардаке? Я же тебе уже сказал: есть личное, а есть общественное. Правила общежития и моральные нормы нужны, и наказание за их нарушение необходимо, но вот супружеская измена в наше время законом не карается (а раньше, кстати, кое-где каралась). Я тебе про тебя толкую — сколько ты негатива выплеснул, а толку что? Вернулась к тебе твоя Эльвира? Покаялась? Отказалась от своего поведения? Я об этом тебе и говорю, что мы хоть и разумные, а ведём себя подчас хуже животных. Мы ведь люди, у нас ведь ещё и душа есть! И спрос с нас должен быть строже, чем с котов да медведей. — Дядя Гена спокойно смотрел на племянника.

— Да при чём тут душа-то? Она только болит и всё, — пробормотал Артём. Как-то он расстроился от всего этого разговора. Выходило, что он действительно, переживал, как истеричка какая-то, вместо того чтобы плюнуть с высокой колокольни на эту Эльвиру с Олегом да растереть. Им-то действительно наплевать на то, что он тут мучается. — Да и про какой спрос ты говоришь? Кто спрашивать-то будет?

— А тот, кто создал всё это, — дядька посмотрел вокруг, махнул рукой на окно. — Кто нас людьми сделал по образу и подобию своему да поселил на земле этой.

— Ну-у... — протянул племянник. — Ты сейчас наговоришь. — Он подошёл к книжному шкафу и достал Новый Завет. — Ты про это что ли?

— В том числе и про это. А ты что-то против имеешь?

Артём хмыкнул. Он не решился вот так вот взять и заявить, что всё это ерунда, побоялся чего-то. Просто пожал плечами и сказал:

— Ты к этому серьёзно относишься?

— А почему я не должен относиться к этому серьёзно?

— Так ведь двадцать первый век на дворе! Это же так... — он снова пожал плечами, не зная какие слова подобрать.

— И что? — дядька продолжал смотреть на него прямо и спокойно.

— Ну не знаю...

— Что тебя смущает? Что там сказано такого, что к двадцать первому веку не должно иметь отношения? Ты читал эту книгу?

Артём молча поставил Новый Завет на место, прошёлся по комнате, потом встал перед дядей Геной, заложив руки за спину, и честно признался:

— Ну, не читал. Но все эти религии у меня всё равно интереса не вызывают. Не доверяю я им, головы только людям морочат.

— А когда я говорил про религии?

Племянник удивлённо посмотрел на дядьку и показал рукой на книжный шкаф:

— А это что? Это ведь Библия. Это что, не религия?

— Нет, не религия, — дядя Гена прищурил глаза и чуть заметно улыбнулся.

— Слушай, хорош мне мозги пудрить, чего ты опять?! — разозлился Артём.

— Я ничего тебе не пудрю, просто говорю, что это не религия. По крайней мере, для меня.

— А христианство это что?

— Христианство, это религия, а ты мне показывал Библию.

— Так разве христианство не на Библии основано?

— Вот тут ты прав, христианство основано на Библии. По крайней мере, должно быть основано на ней, но посмотри — Библия одна, а сколько разных видов христианства существует? Только самых крупных три: православные, католики, протестанты. Да и эти потом ещё делятся на несколько видов. Я где-то слышал, что сейчас уже насчитывается несколько тысяч разных толков христианских, представляешь? Как такое вообще может быть, если Библия одна единственная?

Артём пожал плечами и снова сел за стол перед дядькой:

— Вот этого я не знаю, это не ко мне с такими вопросами. А действительно, как такое произошло?

— Понимаешь, Артём, я тоже долго не понимал этого, но потом пришёл к выводу, что в вопросах веры люди больше озадачены не тем, как надо жить по этой вере, а тем, как надо молиться, как совершать обряды, как правильно поклоняться своему богу. Вот и начинается разброд и шатание. А Новый Завет, который ты доставал, как раз не о том, как молиться, он о том, как жить. Вот в чём дело. Поэтому он не есть религия, он есть руководство к действию. Впрочем, как и другие учения.

— Я всегда думал, это одно и то же. А почему ты говоришь учения, а не религия? В чём разница?

— Потому что религии создаются людьми на основе этих учений, которые в свою очередь даются свыше через избранных, назови их как хочешь — мессия, пророк, учитель. И, к сожалению, в своей основной массе люди начинают больше поклоняться именно тому, через кого это учение пришло на землю, а не стараться жить так, как в этом учении сказано. Понимаешь? Суть уходит на второй, а то и на третий план. А это, по большому счёту, мало чем отличается от язычества. Неужели ты считаешь, что язычество, это лишь поклонение множеству богов вместо одного? Разве дело в количестве? Если богов или идолов пять, десять, двадцать, то это — язычество, а если один, то уже нет? Не в этом ведь дело, хотя некоторые утверждают, что это именно так. На мой взгляд, главное — это характер взаимоотношений между богом (или богами) и человеком. В язычестве эти взаимоотношения сводятся к принципу «ты мне — я тебе». Я тебе жертву, я тебе поклонение, всяческое восхваление, а ты мне за это жизнь хорошую здесь и сейчас, ну или потом на небесах, но в любом случае выгоду какую-нибудь взамен. Вот суть язычества! А есть другие отношения с Богом, когда я стараюсь жить так, как он говорит, ничего не требуя взамен. Понимаешь? Это не жертва, это любовь. Я люблю Его, и поэтому делаю так, как Он говорит, а не потому, что хочу получить что-то взамен из корысти.

Если бы все стремились именно *жить* так, как сказано в Новом Завете или в Коране, то и не было бы никаких разногласий. Но ведь начинают во главу угла ставить вопросы, как креститься, сколько раз молиться, как правильно обряды проводить, вот и пошли отсюда распри, потому что один считает правильным так, а

другой — этак. Вот и выходит, что Христос был один, Новый Завет один, а церковей разных полно.

Кстати, по поводу количества богов... В древней Греции, к примеру, их было воз и маленькая тележка: главный бог — Зевс, а потом шли рангом пониже, каждый имеющий свою зону ответственности, если так можно выразиться: бог торговли Гермес, богиня охоты Артёмиды, бог виноделия Дионис и так далее. Всех не перечислишь, да я и не знаю. Где-то были боги по видам стихий: огня, земли, неба... Так было и в Древнем Египте, и в Древнем Риме, и в Древней Руси, да везде. А теперь скажи, как тебе нравятся христианские святые, покровительствующие той или иной профессии или ещё чему-нибудь? Святая Татьяна — покровитель студентства, Пантелеймон Целитель — покровитель врачей и медицины, Матфей — покровитель финансистов и налоговиков, Трифон — охотников и рыбаков, и так далее. Даже в предпринимательстве и бизнесе есть свой православный покровитель — святой Иосиф Волоцкий, и, кстати, не он один. Скажи мне, чем это отличается от всего сонма языческих богов? Хочешь на рыбалку удачно сходить — молись святому Трифону о хорошем улове, хочешь экзамен сдать — святой Татьяну попроси об этом перед сном. Чем это отличается от языческого подхода с их обилием богов? Зачем это надо и кому это нужно? Понимаешь, я совсем не против того, чтобы кого-то причисляли к лику святых. Но что это, по идее, должно означать? То, что с этого человека остальным христианам следует брать пример, равняться на него в повседневной жизни и в вере. И такие примеры, естественно, нужны как образец для подражания. Но вот зачем назначать их покровителями чего-то? Почему нельзя во всех случаях обращаться с молитвой просто к Богу, зачем привлекать какого-то посредника? У меня на это есть единственный ответ — когда-то в христианство перешло огромное количество язычников, но не потому, что они душой и сердцем приняли новое учение и захотели *жить* по нему, а потому, что их убедили, что вот есть новый бог гораздо более сильный, чем их старые боги. Ему и стали поклоняться, то есть банально заменили им своих предыдущих богов, а формат отношений какой был, такой и остался. Хотя самые первые христиане, те, которые или сами с Христом общались, или знали таковых, когда ещё была жива свежая память о нём, они ведь

старались именно *жить* так, как Он говорил. Но потом, увы, со временем форма стала побеждать содержание.

Дядя Гена вздохнул и на какое-то время замолчал, глядя в окно.

— Дядь Ген, по поводу учений... — произнёс Артём. — Так они же все разные, учения эти.

— Разные-то разные, да мне кажется, не слишком. Я вот ни одного не знаю, где говорилось бы «убий», «укради» и прочее. Я вообще считаю, что все учения, которые в разное время были даны людям, это просто части чего-то единого целого, того, что Бог хочет донести до нас. По мере того как человечество меняется, Бог даёт людям какую-то новую часть знаний, либо почти то же самое, но в другом месте, на другом языке, для другой цивилизации. Как в школе — сперва выучили буквы, потом из них научились слова составлять, потом предложения и так далее. Так, может, и тут надо всё рассматривать как одно целое? Но люди, как я сказал, начинают возносить до небес своего мессию или пророка, поклоняться ему, а остальных сразу записывают во врагов, иные учения отрицают вплоть до уничтожения тех, кто их исповедует, кто не принимает их веру. Хотя и тут, кстати, изначально было не так. Например, первые мусульмане очень дружно жили с христианами. Христиане спасали мусульман от гонений, когда тех притесняли язычники, давали им защиту и приют. Мусульмане относились к христианам, как к братьям, пусть не по вере, но по духу, так как принимали учение Иисуса за истинное. Просто у них был свой пророк — Мухаммад, но учил он практически тому же: все люди братья, надо быть милосердным друг к другу, жить в любви и мире.

А потом получилось то, что мы имеем сейчас. Некоторые мусульмане стали считать, что христиане должны отказаться от своей веры только потому, что их пророк был позже, а, следовательно, его учение и должно остаться единственным на земле. Но почему? И начались распри, войны. Понимаешь, целью стало не жить самому как велел твой учитель, а принудить другого молиться ему! Всеми правдами и неправдами распространить свою религию на как можно большее количество людей и стран. Не хочешь? Заставим или же убьём! Ну или деньги плати за возможность молиться своему богу. Это вообще бизнес какой-то получается. Язычников насильно в веру облекали, но что толку от

того? Вера же должна от сердца идти, а не из-под палки. Надо своим примером показывать, как хорошо жить по твоему учению, либо проповедью убеждать. Но ведь это долго, да и не известно получится ли вообще, а так — раз, дал по морде или мечом пригрозил, вот и новый христианин или мусульманин. Впрочем, тут по-разному было за множество веков. Были, конечно, и мирные миссионеры-проповедники, но и насильно в свою веру обращали предостаточно. У буддистов только, по-моему, такого не было. Те как-то более мирные, никого к себе силком не затаскивают, и к другим более лояльно относятся.

Конечно, не везде так жили, иначе вообще было бы худо. И сейчас есть места, где живут в добрососедстве представители разных религий, но всё равно, когда речь заходит о вере, то это является не объединяющим, а разделяющим людей фактором. Понимаешь? Вот в чём беда! А это должно объединять людей — вера в единого Бога. Да что там говорить о разных учениях (ну или пусть будет религиях), если даже в рамках одной веры люди подчас убивали и убивают тех, кто просто молится или даже одевается по-другому. Вспомни хотя бы Варфоломеевскую ночь, или раскол в Русской Православной церкви в семнадцатом веке. Вроде все христиане, но только за то, что человек крестится двумя пальцами, а не тремя, убивали, ссылали, притесняли всячески. Ты вдумайся только! А всё потому, что веру поставили на службу политике, своим амбициям. Если бы Иисус всё это видел, что бы он сказал? «Вы обезумели, люди? Какая разница, сколько пальцев кто ко лбу подносит — два или три? Ведь главное, чтоб вы жили, как я вас просил, любили друг друга, прощали обиды друг другу! А вы что творите?» Именем того, кто призывал до седмижды семидесяти раз прощать врагов, убивают ближних своих! Страшно ведь становится, когда подумаешь об этом.

Дядя Гена снова замолчал. Слышно было лишь как в прихожей тикают ходики. Подошла кошка и, запрыгнув на колени Артёму, громко замурчала.

— И что дальше? Как тогда быть? — тихо спросил Артём.

— Дальше? Да в принципе дальше всё просто: возьми, прочитай хотя бы тот же Новый Завет, и живи, как там сказано. Больше ничего и не нужно.

— А при чём тут эмоции, про которые ты говорил? При чём тут обида, чувство вины?

— Так там и сказано, как человек должен вести себя в таких ситуациях. Именно человек, а не кот или медведь. Понимаешь?

— И что там сказано? Как надо себя вести в таких ситуациях? Ударили по одной щеке — подставь другую?

— Вот видишь, — улыбнулся дядька, — выходит, и ты что-то знаешь.

— Ну да, слышали... То-то радости хамью всякому будет. Подходи, бей народ по морде, а он ещё и подставляться сам будет. А если кто с ножом на тебя или пистолетом, грабители, убийцы — тоже им щёки подставлять?

— Да ты опять всё в одну кучу валишь. Я ведь тебе уже про это говорил: не путай ты своё личное отношение с общественным. Ведь про это там тоже сказано: «Богу богово, а кесарю кесарево».

— Так это же, вроде, про налоги говорилось.

— Почему же только про налоги? Ты шире смотри. Это вообще про то, что есть мирские, так сказать, земные дела, те же правила общежития, законы государства, о которых я тебе уже сто раз говорил, а есть дела духовные, высшего порядка. Так вот про щёку, это как раз про случай с женой твоей. Это про умение прощать, не реагировать на всё, как биоробот. А про мирское — это как раз про «не убий». Ведь если сказано «не убий», это же не значит, что только убивать нельзя, а до полусмерти избивать можно. Убийство — это крайняя степень насилия, поэтому про неё и говорится, для краткости и убедительности, так сказать. Не будут же тебе всё перечислять: не наноси побоев, лёгких, средней тяжести, тяжких телесных повреждений, ну и не убивай.

Артём засмеялся:

— Ну да, как-то бы не очень звучало ... Так, значит, щёку подставлять не нужно?

— Про щёку, это про то, что не отвечай злом на зло, не реагируй на внешние раздражители, как животное. Но если кто бьёт тебя по лицу в прямом смысле этого слова, я думаю, вернуться или блок поставить имеешь полное право, если сумеешь, конечно, — и дядька тоже засмеялся. — Кстати, вот тот же пророк Мухаммад, про которого мы только что говорили. Он ведь прямо разрешает давать отпор захватчику, но при этом говорит о милости к пленным,

говорит, что сражаться можно только с вооружённым агрессором, который притесняет мусульман за их веру, и только до тех пор, пока тот не откажется от своих злых намерений, а никак не с целью насильственного обращения в веру. Иисус задал высшую планку непротивления злу, но ведь понятно, что если бы христиане или мусульмане не могли защищаться, то их просто всех перебили бы со временем те же язычники. И поэтому христиане так же с мечом в руках защищали и свою веру, и своих родных. Вспомни, как говорил Александр Невский, причисленный, кстати, церковью к лику святых: «Кто к нам с мечом придёт, тот от меча и погибнет». И церковь, которая его к святым причислила, не нашла здесь противоречия со словами Иисуса о щеке, которую нужно подставить, если тебя по другой ударили. И Преподобный Сергий Радонежский благословил Дмитрия Донского (тоже, кстати, святой) на битву на Куликовом бое.

— Ну, допустим. Выходит, тогда Эльвире и Олегу мне тоже надо другую щёку сейчас подставить?

— В духовном смысле — да! Не отвечай им злостью и ненавистью на их измену и предательство. Понимаешь, проходя через такие вещи в своей жизни, человек и становится человеком. Да — больно, да — обидно, да — первые эмоции возникают сами по себе, но тем ты и будешь отличаться от животного, которое живёт лишь на инстинктах, что не будешь злом на зло отвечать.

Артём хмыкнул:

— Гм, легко сказать.

— Согласен. Сказать легче, сделать — труднее. Поэтому-то мы и живём по сей день так, как живём. Войны, преступность, злоба, ненависть... И подчас кажется, что меньше этого совсем не становится с веками. Впрочем, не знаю. Я пятьсот лет назад не жил, а если и жил, то не помню, как там было.

— Как это? — Артём непонимающе глянул на дядьку.

Тот махнул рукой:

— Не заморачивайся. Сейчас не об этом. Может, раньше ещё больше было всякой гадости в людях. Но в те времена народу меньше на земле жило, а сейчас нас уже под восемь миллиардов набралось, человеку даже уединиться порой негде, чтоб спокойно подумать о жизни. Да и той же информации стало столько, что человеку даже полсотни лет назад и не снилось.

— М-да... — Артём, сбросив кошку с коленей, встал и в задумчивости прошёлся по комнате. — А почему ты мне сразу так не говорил, в субботу, а про стулья всякие рассказывал?

Дядя Гена улыбнулся:

— А ты бы стал всё это слушать? Для меня важнее было, чтоб ты думать начал, а не просто упивался своей злостью на жену. Хотя я и понимал, что вряд ли у тебя так сразу получится. А уж тем более я не знал, как ты отнесёшься к тому, что в Новом Завете сказано. Но раз ты сам его достал и вспомнил про него, вот и поговорили об этом. И я только рад буду, если ты согласишься на всё это именно с этих позиций.

— Понятно. — Артём остановился у окна.

В дверь постучали.

— Есть кто дома? — раздался Людмила голос.

— Заходи, Людмила, мы здесь, — дядя Гена тоже встал и вышел в прихожую. — Сидим вот, о жизни толкуем, философствуем.

— Да я зашла сказать, что джинсы Артёмовы, наверное, не скоро высохнут, может, к завтра только. Сырость какая стоит, я их у печки повесила, но всё равно.

— Да ладно, тётя Люда, не к спеху. — Артём тоже вышел в прихожую. — Мне дядя Гена свои брюки дал, да и я всё равно сегодня никуда не собирался.

— Ну вот и ладно, — дядя Гена хлопнул в ладони и потёр руки. — А давайте обедом займемся, а? Артём, ты картошки почищишь?

— Конечно, — согласился племянник.

— Ну а я тогда оладьев постряпаю, — предложила соседка. — Тесто завести недолго.

— А давай! Не откажемся от оладьев, племяш?

— Да я-то не откажусь, — засмеялся Артём.

— Ну вот и ладно! Людмила, ты постряпаешь и приходи, все вместе и пообедаем.

Артём сел на табуретку возле печки, взял нож и стал чистить картошку.

— Слушай, дядь Ген, — с одной стороны, ему было интересно слушать дядькины рассуждения, но, с другой, как-то

даже немного разболелась голова от разных мыслей, — я вот всё же не пойму, как на практике быть со всем этим. Ты вот сам говоришь, что наши реакции автоматические, а потом говоришь: прочитай Библию и живи, как там написано, ударили по одной щеке — подставь другую. Как же я так смогу?

— Как сможешь? А только пониманием и осознанием того, что ты — человек. — Дядя Гена достал из ящика, стоящего под его кроватью, лук с морковью и принялся чистить их. — Не тот человек, который простое животное, а тот, который создан Богом по образу и подобию его. Иначе никак. Поверить и принять всем сердцем и душой то, что Богом сказано, полюбить Его, а полюбив — жить так, как Он говорит. Не из-за страха наказания, не из желания получить какую-то выгоду, а именно по любви. Каждый день, каждый час, каждую минуту. Я согласен, бывает очень трудно справиться с первыми нахлынувшими эмоциями, тем более, когда узнаешь о таких вещах, как измена жены и предательство друга. Даже слово такое придумали — состояние аффекта. Тут можно и бед натворить под горячую руку.

«Это точно», — подумал Артём, кладя чищеную картошку в кастрюлю с холодной водой. Он вспомнил, как у него померкло в глазах, когда Эльвира сказала своё «не люблю» и как дал он ей пинка под зад.

— Но потом-то ты должен взять себя в руки, — продолжал дядька. — Вот в том же Новом Завете, не помню, где точно, но в одном из посланий апостола Павла сказано: «Гневаясь, не согрешайте: солнце да не зайдёт во гневе вашем». То есть гнев сам по себе допустим и понимаем, поскольку является естественной реакцией человека в определённых ситуациях, но долгий гнев, обида, месть, растянувшиеся на дни, недели, а подчас и годы — это уже неприемлемо для человека верующего. Вот о чём речь идёт.

— Не знаю, не знаю... — покачал головой племянник. — Всё же разные случаи бывают. В руки себя взять, это одно, а вот простить да пожалеть, это уже другое. Ведь всяких отморозков хватает. Ладно — жена изменила, но ведь и дикие вещи иногда случаются, если, не дай бог, кто на ребёнка твоего руку поднимет. Как такое прощать, да и не гневаться потом? Ты всё же перегибаешь, дядя Гена. Нереально это всё.

Дядька тяжело вздохнул.

— Да, племяш, как ни печально, но люди подчас действительно ведут себя хуже животных. Я не берусь никого судить, так как просто не имею на это права, и тебе ответить на твой вопрос до конца не смогу. Но понимаешь в чём дело... Мы ведь пока что с тобой говорим только об ответной реакции. Жена изменила, друг предал, ударил кто-то... А как по мне, тут гораздо важнее другой вопрос: как сделать так, чтобы люди вообще друга по щекам не били.

— Ха! — Артём выпрямился на табуретке. — Вот именно! А то как-то интересно выходит — как реагировать, когда тебя бьют, сказано, а как жить так, чтоб не били? Там про это что-нибудь написано?

Дядя Гена вытер руки о полотенце и стал крошить картошку с луком на сковороде.

— Написано. Только давай потом об этом поговорим, а то уже Людмила, наверное, скоро придёт.

Соседка действительно пришла минут через пятнадцать с полной тарелкой толстых, поджаристых и горячих оладьев. Картошка тоже удалась на славу, и обед получился что надо. Дядя Гена ещё достал из погреба квашеной капусты и солёных груздей.

— М-м-м... — Артём блаженно улыбался, с удовольствием хрустя упругими грибами. — Груздочки... да с картошечкой жареной. Мечта!

— Ты, я смотрю, совсем деревенскую еду позабыл. В городе-то чем там питаешься?

— Да чем... Эльвира готовить-то не особо любила. Так... макароны, спагетти, в обед в столовке супчика похлебаешь и ладно. Пиццу какую-нибудь иной раз заказывали.

— Ну-у, разве же это еда? — улыбнулась Людмила. — Давайте вот оладьи в варенье макайте. — Она ещё принесла с собой небольшую баночку клубничного варенья.

— Люда, ну зачем ты варенье-то принесла? У меня же своё есть, малиновое, да и мёда полно, — ворчал на неё дядя Гена.

— Малиновое, это малиновое, а моё клубничное, полевое, оно вкуснее.

У Артёма на какое-то время на душе сделалось вовсе спокойно и хорошо. В избе было тепло, уютно, под ногами лежала кошка, никто ни с кем не ругался, не спорил, не выяснял

отношения. Однако он понимал, что та, городская реальность никуда не делась, что есть на этом свете изменившая жена, есть предавший друг, есть куча других проблем. Дядя Гена говорит много чего интересного, рассказывает про то, что написано в Библии, но для него эти слова всё равно звучат как-то очень уж непривычно и нереально, словно из какого-то другого мира, как ни старался он вникнуть во всё это.

После того как Людмила ушла, а дядька с племянником убрали со стола и вымыли посуду, они снова ушли в горницу и сели на диван.

— Ну так что там говорят о том, как жить надо, чтобы тебя вовсе по щеке никто не бил? — спросил Артём.

Дядя Гена усмехнулся:

— Не забыл, о чём говорили перед обедом?

— Так интересно же, раз речь зашла. Давай уж до конца рассказывай.

— Да с этим тоже всё довольно просто, и ты наверняка слышал это уже не раз.

— А конкретно?

— Возлюби ближнего своего, как себя самого, — спокойно сказал дядя Гена и с улыбкой посмотрел на Артёма.

Тот непонимающе качнул головой:

— И всё, что ли?

— И всё, — кивнул дядька. — Чего уж проще.

— И как это поможет, чтоб тебя по щеке никто не бил?

— Так ведь это же сказано абсолютно всем, а не только тем, кого ударили. Как ты думаешь, если человек любит ближнего своего, он станет бить его по щеке?

— А-а, — протянул Артём, — вон ты о чём.

— Да это не я.

— Ну это понятно. Только, как по мне, так это ещё более нереально по сравнению с тем, что вторую щёку подставить нужно.

— Почему же?

— Дядь Ген, ну ты как с луны свалился. Ты посмотри вокруг! Не видишь, какие люди тебя окружают? Какая любовь? Где она? Смеёшься?

— Ну что ж, если говорить только про «сейчас», то ты, наверное, прав, но это же сказано в целом, без привязки к какому-то конкретному времени. Ты подумай, если бы все люди так жили. Тогда и не надо было бы говорить про прощение, так как просто некого и не за что было бы прощать, не надо было бы говорить про вторую щёку, так как просто никто бы никого не бил ни по каким щекам. Разве не так?

— Ну это же утопия! Неужели ты такой наивный? На земле, сам говорил, почти восемь миллиардов человек, и чтобы все друг друга любили? Чушь!

— На сегодняшний день, с сегодняшним уровнем сознания — чушь, но если хочешь знать моё мнение, то мне кажется, что у человечества просто нет другого выхода. Мы рано или поздно либо банально уничтожим себя, либо же придём к необходимости жить именно так.

— Да ну брось ты! Любовь... Даже говорить не хочется. Я вот тебе тоже уже рассказывал, что любил Эльвиру больше всего на свете. И что в итоге? Плевала она с высокой колокольни на мою любовь! Любовь... — повторил Артём. Его почему-то взяла злость. Он встал и начал ходить по комнате. «Правда, дядька ерунду какую-то несёт. Любовь выдумал...» — вспомнил он Светкины слова. — Да и как я могу любить всех подряд? Ну ладно мать, дочку, жену, а чего мне до... ну не знаю, вот, например, до продавщицы вашей, Зинаиды этой, которая детям водку продаёт? Её-то мне чего любить? Да и как ты это себе представляешь?

Дядя Гена тоже встал с дивана и подошёл к окну. Он делал вид, словно и не слышал слов племянника. Или, может, снова давал ему выговориться, выплеснуть первые мысли и эмоции.

— Опять дождь пошёл Неделю уже, считай, солнца нет, — пробормотал он, глядяваясь куда-то вдаль. — Ну что ж, на то она и осень. А чего нам ещё делать? В огороде всё убрано, можно дома сидеть с чистой совестью.

Он вернулся и снова сел:

— Любил, говоришь, Эльвиру свою? Я, Артём, ещё одно небольшое отступление сделаю, — он глянул на племянника, продолжавшего ходить по комнате. — Ты не против? Ещё одну лекцию тебе прочитаю. Иначе ты не поймёшь, о чём речь.

Тот раздражённо пожал плечами:

— А чего я против буду? Читай, раз считаешь нужным.

— Вот смотри... Что такое язык? Не тот, который у тебя во рту, а тот, с помощью которого мы общаемся друг с другом. Грубо говоря — набор слов, так ведь? Но каждое слово в свою очередь, это не просто набор букв. За каждым словом прячется некий образ, который мы представляем, когда говорим или слышим это слово. К примеру, я говорю «стол» и тут же представляю некую плоскую твёрдую поверхность, стоящую на ножках. В других языках тот же самый образ будет выражаться через иной набор букв, то есть иным словом. И стол по-английски будет уже «table», а по-немецки — «tisch». Но образ, я повторяю, за этими разными словами один и тот же — плоская твёрдая поверхность на ножках. Когда в жизни людей появляется что-то новое: вещь, событие, явление, то формируется некий новый образ, и под него придумывается и новое слово, новый набор букв. Если это новое приходит извне, то одновременно может прийти и слово, обозначающее этот образ. Кстати, в русском языке вообще довольно много слов, заимствованных из других языков. Почему? Потому что многие вещи, новые образы к нам приходили извне, а с ними и уже готовые названия. Мы просто переделывали их на кириллицу, адаптировали под наш язык и в таком виде использовали. И это, в принципе, нормально, так как если ты живёшь не на необитаемом острове, то происходит постоянный обмен, взаимопроникновение культур, экономик и прочего. Во времена монгольского нашествия в наш язык с новыми понятиями-образами пришло много слов из тюркских языков. Пётр Первый, прорубив своё «окно в Европу», наряду с новыми знаниями, техникой, архитектурой, вещами и прочим открыл дорогу в Россию также и новым словам, читай — новым образам, тем, которых раньше у нас и в помине не было. Так у нас появилось много слов, адаптированных с голландского, немецкого языков. Сейчас очень много заимствуется из английского языка.

Артём вспомнил табличку «бизнес-ланч» на столе в кафе, где он обедал:

— Да уж, это точно, заимствуем что надо и не надо. Только подчас это смешно выглядит. — Он немного успокоился и сел на стул у окна.

— Согласен, не без этого, — продолжал дядя Гена. — И когда кто-то переводит с одного языка на другой, главное — это уловить тот образ, который стоит за изначальным словом, а потом подобрать правильное слово на другом языке, означающее тот же самый образ и применить именно его. Тогда перевод будет точным и наилучшим образом передавать смысл сказанного. Здесь может быть очень много разных нюансов, поэтому настоящих, грамотных переводчиков не так уж и много, поскольку такому человеку нужно очень хорошо разбираться в обоих языках, различать эти самые нюансы. И если с такими вещами, как стол, дело обстоит проще, то с эмоциями, чувствами всё может быть намного сложнее. Поэтому-то определённую литературу иногда лучше читать вообще в первоисточнике, то есть на языке автора (конечно, для этого надо самому знать этот язык). А уж про множественные переводы с языка на язык я вообще молчу. Там в итоге, как в игре «глухой телефон» может получиться: автор изначально имел в виду одно, а читатель потом читает совсем другое.

Так вот, на мой взгляд, у нашего русского языка (который, конечно, и великий, и могучий) со словом «любовь» как-то не сложились отношения, а в последнее время так вообще происходит что-то не то. Если говорить про любовь к природе, к еде, к наукам, то тут ещё более-менее всё понятно. Скажет кто-то: «Я люблю географию» или «Я люблю кофе», и всем вполне ясно и понятно, что за этим стоит: это почти как «нравится», только посильнее. Но вот когда речь заходит о любви человека к человеку, то тут образ, стоящий за словом «любовь» в последние годы как-то очень уж сузился. Я бы сказал, опошлил, что ли. Скажет Вася: «Я люблю Петю», и сразу ухмылочки, усмешечки начинаются. Васю этого, того гляди, в сексуальные меньшинства запишут. А почему, спрашивается? Или скажет какой-нибудь взрослый дядька: «Я люблю детей», так и на него коситься начнут. А с чего, вдруг? Детей уже любить не надо? Или это имеют право делать только родные мама да папа с бабушками-дедушками? А если мужчина говорит, что любит какую-то женщину, то обязательно это понимается как любовь плотская, любовь самца к самке. Понимаешь? Мне кажется, что проблема в том, что вот тот самый образ, который стоит у нас за словом «любовь» применительно к человеческим отношениям, в последние годы сузился до какого-то

узкого сексуального контекста. А между тем, раньше ведь такого не было. Скажи, Артём, ты читал «Мёртвые души» Гоголя?

— Читал, в школе проходили, — кивнул тот.

— Ну... В школе это ерунда, такие вещи, племяш, надо в зрелом возрасте перечитывать. Так вот там Ноздрёв Чичикову как-то заявляет (точно не помню уже, но примерно): «Поцелуй меня, брат Чичиков, смерть, как люблю я тебя!». И ничего, нормально это воспринималось читателями, никто не хихикал. Или более поздний пример — фильм про войну «Два бойца» видел?

— Конечно.

— Ну вот... Там один герой, который «Паша с Уралмаша», говорит командиру про своего друга, которого Бернес играет и с которым они перед этим поссорились: «Я люблю его, товарищ майор». И это тоже нормально воспринималось, никто из зрителей не ёрничал и ухмылочки не строил по этому поводу. А сейчас я не представляю, чтоб такое какой-нибудь здоровенный мужик о другом сказал.

Вообще русский язык как-то скуповат оказался на названиях всех тех образов, которые прячутся у нас за одним единственным словом — «любовь». Этим набором из шести букв называют всё: и любовь к природе, и любовь к жареной картошке, и любовь матери к ребёнку, и любовь мужчины к женщине. А согласишься, Артём, какие это всё разные любви, а? Разве можно сказать, что любовь ребёнка к своей матери ничем не отличается от его же любви к мороженому? Разве это одно и то же?

Артём усмехнулся:

— Да уж, совсем не одно и то же.

— Вот видишь, какие разные образы, а у нас лишь одно единственное слово — «любовь». Я думаю, что отсюда и возникает непонимание этой библейской фразы «Возлюби ближнего своего, как себя самого». А с учётом того, что образ, стоящий за словом «любовь» применительно к отношениям между людьми, вообще в последнее время опошвился, о чём я только что тебе говорил, так вообще швах получается. Вот и ты говоришь: чего это я вашу продавщицу Зинаиду любить должен? Естественно, если свести дело лишь к сексуальному контексту, то не должен. И не просто не должен, а в христианстве это вообще грехом будет считаться, блудом.

— Так объясни тогда, о чём речь, — нетерпеливо спросил Артём. — Как мне её любить?

— Объясняю. Наше Евангелие, ну или Новый Завет, — Дядька кивнул на книжный шкаф, — переводное. Ведь не на русском же языке Иисус говорил, а на древнеарамейском. Какими словами он пользовался, когда говорил про любовь к ближнему, может, ещё и есть возможность как-то выяснить, но вот какой именно образ в древней Иудее за этим словом скрывался, я думаю, сейчас, наверное, никто уже не скажет, а было бы неплохо. Но для этого надо жить в то время. И вот получается, что сначала греки перевели Евангелие на свой язык, а мы уж потом с греческого на русский. А известно тебе, что в греческом языке в отличие от русского есть, как минимум, четыре разных слова, обозначающих те виды любви, о которых я тебе говорил? Вернее, те образы, которые за ними скрываются.

— Четыре? Это какие, интересно? Первый раз слышу, — удивился Артём.

— Думаю, что не первый. Некоторые из них ты наверняка уже слышал, просто не знал об этом. Так вот, я постараюсь коротко говорить, не вдаваясь слишком глубоко в филологические тонкости, а то и так тебе голову загрузил по полной. Ты наверняка слышал слово «филия».

— Конечно.

— В греческом за словом «филия» скрывается весьма широкий образ, означающий некую общность, единство с чем-то, привязанность к кому-то, дружба, наконец. Конечно, в определённых случаях, сюда тоже и сексуальные отношения можно привязать.

— Ну да, я в этом контексте и слышал, — кивнул племянник.

— Это уже в русском так стало, я же про греческий образ тебе говорю. А на наш язык эту «филию» переводят словом «любовь». Идем дальше... Есть такое слово «сторге», которое несёт образ семейной, родственной любви: матери к ребёнку, брата к сестре и так далее. А у нас опять же — «любовь». Дальше поехали... Слово «эрос» слышал?

— Конечно, — Артём улыбнулся, — бог любви, кажется.

— Вот видишь — бог любви. А какой любви?

— Ну... секс и всё такое, я так понимаю.

— Правильно понимаешь. Это то, что ты к своей Эльвире испытывал — «эрос». Это любовь чувственная, страсть, вожделение. Понятно? Отношение самца к самке, продолжение рода и всё такое. А на русский этот «эрос» снова переводится как «любовь». Ты видишь? Три разных слова в греческом, а на русском — одно единственное. И последнее, и, думаю, самое главное, то, к чему я всё веду — слово «агапэ».

— Вот такого не слышал, — признался племянник. — Хотя погоди, у нас в армии был Вовка Агапов, так, помнится, он как-то говорил, что его фамилия означает «любовь». Точно! Мы ещё тогда посмеялись. Только он говорил «агапы».

— Ну вот видишь, и это тебе, оказывается, знакомо. Так вот, «агапэ» в греческом означает сострадать, приносить пользу, ценить, относиться с сочувствием, по справедливости. Да, сюда тоже можно при определённых условиях отнести и дружеские отношения, и даже отношения между супругами, но оттенок этих отношений уже совсем другой, понимаешь? На первое место выходит совсем другой образ. И греки, когда переводили слова Иисуса о любви к ближнему, использовали именно «агапэ», то есть именно такой образ они увидели в первоисточнике. Это же слово использовали они, когда писали про любовь к Богу и про любовь Бога к людям — тоже «агапэ». Любовь-забота, любовь-благословение, любовь-сострадание, милосердие, ценить человека, вот что это такое, уважать его, в конце концов. А у нас на русский это «агапэ» опять же как «любовь» переводят и всё. А с учётом того, что эту самую «любовь» каждый трактует, как ему ближе, ну или в меру своей испорченности, в итоге и получается — как это я буду любить ближнего как себя самого? Кто он мне такой и как такое вообще возможно? А сейчас скажи мне: кто тебе мешает любить нашу Зинаиду-продащицу, как под этим «агапэ» подразумевается?

— Не знаю, я об этом не думал, — Артём улыбнулся в ответ. — Слушай, так, а почему тогда в Новом Завете так и не написать: относись к ближнему по справедливости, с состраданием, ну и что ты там ещё говорил... Ведь было бы понятнее тогда.

— Согласен, только кто же сейчас на такое отважится — Евангелие править? Так что, думай. Ты парень неглупый, думаю, поймёшь, что к чему. И, кстати, — думай сам! Мои слова все на веру не бери, я тоже могу ошибаться. Я же не богослов, не ученый,

не теософ какой-нибудь, я с тобой лишь своими взглядами делюсь, теми выводами, к которым сам пришёл. Может, тебе что другое на ум придёт, — дядя Гена улыбнулся. — Ладно, я тебя оставлю ненадолго, мне надо пойти угля да дров набрать на вечер.

Когда он ушёл, Артём подошёл к книжному шкафу и снова достал Новый Завет. Открыв наугад, он прочитал: «Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нём». Он пролистнул пару страниц назад, это было первое послание апостола Иоанна. «Гм... Пребывающий в любви, пребывает в Боге», — повторил Артём вслух. Поставив книгу на место, он тоже вышел на улицу, впервые за весь день.

Дождь перестал. Выйдя на крыльцо, Артём вдохнул полной грудью свежий, но вполне тёплый ещё осенний воздух. Подойдя к бочке, полной дождевой воды, он зачерпнул её в пригоршни и плеснул на лицо. Вода была холодной, бодрящей. Фыркнув и стряхнув капли, Артём прислонился к забору. Прямо перед домом чуть слышно шумел остатками листвы прозрачный березник. Понемногу смеркалось. Достав сигарету, Артём закурил. Из углярки с охапкой дров и полным ведром угля пришёл дядя Гена:

— Что, тоже проветриться вышел?

— Да надо бы, а то дома весь день сегодня просидел. Хоть сигарету выкурить. Кстати, первая за сегодня.

— Ну вот видишь, — рассмеялся дядька, — так и совсем перестанешь.

— Если б у тебя жить остался, наверное, и перестал бы.

— Так, живи сколько хочешь, не жалко. Мне всё веселее.

— Ну-у... Отпуск же не бесконечный, сам понимаешь. Всё равно рано или поздно надо будет возвращаться на работу. Да и семейные дела выруливать куда-то придётся, как ни крути. Завтра вот хочу ещё в райцентр съездить.

— Зачем?

— Да у меня там дружок армейский живёт. Лет пять уже не виделись, думал, повидаться заодно, пока в этих краях. Когда из деревни автобус туда идёт? В районе обеда примерно?

— В двенадцать есть автобус, к часу на месте будешь.

— Нормально. Джинсы, поди, высохнут к тому времени?

— Надо к Людмиле зайти, спросить. Да она сама принесёт, как сухие станут.

Постояли какое-то время молча, глядя на лес.

— Слушай, дядь Ген, я ещё вот что хотел у тебя спросить, — Артём вернулся к крылечку и присел на верхнюю ступеньку.

— Спрашивай. Что знаю — скажу, — дядька сел рядом, поставив ведро с углём и положив дрова на лавку.

— Ты вот про разные религии говорил. Они ведь каждая только себя правильной считают. А у тебя получается, что они часть одного целого. Как это?

— Ты правильно говоришь, это у меня так получается, а не у них, — засмеялся дядя Гена. — Любой поп ведь меня в еретики сразу запишет. А что до религий... Я тебе уже сказал: я не богослов, не теософ и не отношу себя к великим мыслителям, просто сам думать пытаюсь, вот и всё. Но вот смотри... И христианство, и ислам говорят, что человек живёт лишь единожды. Обе религии также утверждают, что спасти свою душу (ну или попасть в рай — считай, как хочешь) может только адепт именно этой религии. Как по мне, так при таком подходе все люди должны на свет появляться в абсолютно равных условиях, стартовать с одного места, так сказать. Родились все одинаковые, с одинаковыми характерами, с одинаковыми способностями, возможностями и наклонностями, всех одинаково воспитали до определённого возраста и в одинаковых условиях, сказали им: вот есть такие правила жизни, за их соблюдение вам будет то-то, за несоблюдение то-то. Всё, дальше живите как хотите, у вас полная свобода выбора. Ну и живут потом все, как считают нужным, а в конце каждому и воздаётся по заслугам. А у нас что получается? Представь, где-нибудь в джунглях Амазонки в каком-нибудь племени родился человек. Живёт он среди таких же соплеменников, которые и связи-то с внешним миром не имеют. Живёт, взрослеет, умирает. За всю свою жизнь он толком и не узнает, что такое ислам, кто такой Христос, а если и услышит, то для него это всё пустым звуком, по большому счёту, останется. Может, конечно, придёт в те края какой-нибудь миссионер и начнёт завлекать в свою веру. Но как этот человек примет её? Скорее всего, просто заменив своего бога на Христа, если убедит его в этом проповедник, но поймёт ли он по-настоящему суть учения? То, о чём я уже говорил. Но, скорее

всего, он так и умрет, поклоняясь своим духам. И что, после этого Бог милосердный, Бог, который есть любовь, откажется от этой души? А жил он, предположим, абсолютно так, как в Библии написано: не воровал, никого не убивал, любил маму-папу, жену, детей своих, других соплеменников. То есть любил ближнего, как себя самого. Неужели же его в ад отправлять только за то, что крестик не носил или намазы не совершал? Разве это справедливо, разве это милосердно, разве это по любви?

— Во-во, — поддакнул Артём, — я как раз прочитал, когда ты выходил: «Бог есть любовь», апостол один сказал.

— Правильно. Апостол Иоанн. Я как-то с одним священником разговаривал, спрашиваю его, а откуда вообще души берутся? Они до рождения человека уже где-то пребывают, а потом их — раз! — и в какое-то тело на землю? А после, как помрёт, на суд божий и без права на обжалование? Нет, говорит, нигде они не пребывают, их вообще нет до самого момента зачатия, и лишь в этот момент молодая душа и зарождается, так сказать, одновременно с телом. Ну, говорю, тогда вообще здорово получается — душу эту никто не спрашивает, хочет она, не хочет, но папа с мамой дитя сделали, вот и живи. Я про Амазонку тебе пример приводил, но представь другую ситуацию: родился такой ребёнок, допустим у нас в России в семье идейных коммунистов в каком-нибудь 1920-м году. Ему с детства твердят про то, что бога вообще нет, про атеизм и всё такое. А ребёнок ведь родителям верит, он как губка — всё в себя впитывает, они для него авторитеты непререкаемые, что вполне естественно для человеческой природы, и он растёт именно с этим пониманием мира. И его ведь за это даже винить нельзя, потому что устроен так человек, тем более маленький. Он ещё сам соображать не научился, не разбирается в жизни. Потом война, он идёт на фронт в двадцать один год и его убивают. И что дальше? Была у такого человека хоть какая-то возможность прожить свою жизнь иначе? Был у него выбор, кем стать: христианином, мусульманином, атеистом? Ведь нет же! А если и был такой выбор, то это скорее будет исключение из правил, такие люди какие-то особые условия имели, чьё-то влияние со стороны помимо родительского. Но разве можно такой душе поставить в вину то, что она досталась атеисту и именно в такое время? Её же, как мы понимаем, никто и не спрашивал, когда

и где родиться. И за что же её потом судить да на муки вечные в ад отправлять? И таких примеров можно сотни придумать. Да они и были.

Нет, Артёмка, такой подход моя душа принять не может. По делам Бог судить будет, по тому, *как жил* человек, была ли в нём эта самая любовь к ближнему, а не по тому, к какой вере он формально принадлежал, да и принадлежал ли вообще. А ближнего любить и коммунист может, вот в чём дело. И мне даже кажется, что одной жизни мало для того, чтобы человеку такой вердикт выносить. Слишком уж неравные условия у нас у всех. Я думаю, каждый несколько шансов получает, рождаясь в разных ситуациях и в разное время. Не знаю, ты можешь и не согласиться со мной, но мне здесь буддийский подход более верным кажется. И что перерождаемся мы, и что карма есть у нас, от которой зависит, где и когда ты потом опять на свет появишься. Как там Высоцкий пел? Если туп как дерево, родишься баобабом? Может, не до такой степени, конечно, но лучше хорошим человеком при жизни быть, если не хочешь потом облезлым котом по подворотням бегать. Вот так как-то у меня с другими религиями. И я лично в этом ничего предосудительного для себя не вижу.

— Погоди, — возразил Артём, — но если, как ты говоришь, души не рождаются заново, а просто переселяются из одного тела в другое, то на земле должно быть всегда примерно одно и то же количество людей.

— Ну почему же? Ведь законы физического размножения никто не отменял. Допустим, род людской начался с минимального количества людей. Давай даже согласимся, что их было всего двое: Адам и Ева, как в Библии сказано. Они стали размножаться, ну и вот доразмножились до семи с половиной миллиардов. А души этих миллиардов до этого времени могли находиться где-нибудь во Вселенной. Ведь вполне возможно, что наша цивилизация далеко не первая на земле, что они многократно появлялись и погибали. Говорят же про всяких там лемурийцев, атлантов... Может, их души потом и воплощались неоднократно в современных людях. А может, и на других планетах где-нибудь во Вселенной. Да мало ли, чего мы не знаем. Почему бы и нет?

— Ну не знаю... Хорошо, а вот буддисты, про которых ты говорил... Там тоже о любви говорят?

— Конечно! Хотя буддизм довольно сильно отличается по форме и от христианства, и от ислама. Там вообще нет понятия Бога-творца или Бога-спасителя, буддисты отрицают существование бессмертной души, вечного наказания или блаженства, а их целью является освобождение от страданий, от земных воплощений и переход в нирвану. Какие там основные моменты? Если двумя словами, то жизнь — это страдание, страдание проистекает от привязанностей, освободишься от привязанностей — освободишься от страданий. Поэтому освобождайся от привязанностей ко всему земному. Но вот если ты опять посмотришь на то, каким образом достичь всего этого, то есть, как следует человеку жить и что делать, то увидишь много общего с другими религиями. Но повторяю: если смотреть именно на то, *как жить* здесь, на земле.

А что касается любви, то Будда говорил, что ненависть нельзя победить с помощью ненависти, что ненависть побеждает только любовь. Чем не христианское «ударил тебя по одной щеке — подставь другую»? Или его слова, что нужно излучать безграничную любовь ко всему миру? Буддизм учит сострадать всем живым тварям на земле, не причинять никому вреда. Там говорят, что нельзя убивать, красть, прелюбодействовать, лгать, быть скупым и так далее.

И ты понимаешь, что получается... Если не погружаться в теоретические вопросы, кто такой Бог и есть ли Он вообще (а это именно теоретический вопрос, так как ни один человек на него достоверно ответить не может), кому и как молиться, а думать лишь о том, *как жить здесь на земле*, как относиться к тем, кто рядом с тобой живёт, то все учения говорят практически об одном и том же! О любви! Да что религии! Без религий хватает философских теорий, фактически учащих тому же. Почитай древних стоиков, например, Эпиктета. Там только что упоминаний о Христе нет, а когда читаешь, так полное ощущение, что это какой-то христианский святой или просветитель писал: практически всё то же самое. Я опять же имею в виду именно «как жить». Понимаешь?

Иногда я вообще думаю, что Бог, не зная, чего ждать от человека, посылает на землю разные учения в надежде, что хоть где-то мы да начнём жить по любви. Если одно мы испортим, второе, так к третьему, может, прислушаемся. Ну или чтоб каждый

выбирал себе по вкусу, людей-то много. А иногда кажется, что одно учение лишь дополняет и усиливает другое. Я вообще думаю, что Бог, который даёт эти правила людям, делает это для того, чтобы мы *именно здесь* жили так, как там сказано, а не для того, чтоб этим заслужили себе какую-то райскую жизнь после смерти. Если Бог есть любовь, и Он милосердный и прощающий, то он потом всех к себе примет. Не за что Ему души людские судить, по большому счёту. Их, эти души, никто не спрашивает, хотят они жить на земле или нет, где и когда им родиться. Ему надо, чтобы мы *именно здесь* жили так, как он просит. Понимаешь? А все разговоры про рай и ад, это для нашей же мотивации, чтоб подвигнуть человека жить соответствующим образом.

Дядя Гена замолчал.

— Погоди, как это — Бог всех примет? — не понял Артём. — Даже тех, кто преступления всякие страшные совершал, кто жил совсем не так, как этот Бог указывает? Гитлера какого-нибудь или убийц всяких? Им что, тоже жизнь райская уготована, как и праведникам?

— Не сразу, но потом когда-нибудь — да. Я же тебе говорю, что считаю, что люди не один раз на землю приходят. Тот же Гитлер ведь не сам по себе взялся, он тоже продукт своего времени, воспитания, каких-то качеств характера, которые были заложены в него от рождения на генетическом уровне. Натворил дел в этой жизни — в следующей сам окажется в роли жертвы, будет искупать страданием, пока не искупит. Пока жить по любви не научится. Грубо говоря — рано или поздно все святыми станут. Но кому-то на это понадобится тысячи жизней и не факт, что при нашей цивилизации, а кто-то за сотню или десять уложится. Впрочем, может, я и ошибаюсь, может, какие-нибудь души и сгинут напрочь, вовсе исчезнут. Думаю, тут никто точно знать не может, только предполагать. Вот и я лишь предполагаю.

— Гм, интересно. Слушай, дядь Ген, а ты сам в церковь ходил когда-нибудь? — чуть погодя спросил Артём.

В их деревне была небольшая деревянная церквушка, построенная на закате советской власти.

— Ходил, — вздохнул дядька. — И причащался, и исповедовался, но потом перестал.

— Почему?

— Как тебе сказать... В душе я себя, конечно же, христианином считаю, но выходит, что по сути, а не по форме. Вот церковники перечисляют разные грехи, выделяют из них основные — кто семь, кто восемь: гордыня, чревоугодие, сребролюбие, тщеславие и так далее. А как по мне, так есть только один единственный грех — отсутствие любви к ближнему, и от него уже все остальные произрастают.

— И чревоугодие, что ли?

— А почему нет? Человек развитый духовно, который любит и Бога, и ближних своих, и себя самого вряд ли будет обжираться за столом. Он будет разумно относиться к своему телу, которое обильная еда огрубляет, и не будет потакать своим животным страстям. Ну так вот... А про отсутствие любви к ближнему, как про грех, почему-то никто ни слова не говорит. А мне кажется, надо сразу в корень смотреть. Чего толку рубить эти головы, если о любви и не помышляем? Не одно, так другое вылезет. И вот поймал я себя как-то на том, что каждый раз на исповеди в одном и том же каюсь, в том, что нет во мне этой самой любви к ближнему. И каждый раз мне этот грех как бы отпускается. А я через две-три недели опять то же самое говорю, и снова мне это прощается. И знаешь, какое-то ощущение возникло, что будто обманываю я Богато. В Евангелии как написано? Иисус, когда отпускал грех человеку, говорил: «Иди и больше не греши». А я что делаю? Покаялся, мне этот грех отпустили, а я потом то же самое повторяю, выходит по-прежнему грешу. Опять же вот говорят, что человек не может не грешить. Так, дескать, он устроен. Но если это так, и человек грешит только потому, что он человеком уродился, то какой смысл тогда вообще каяться в своих грехах? Ведь он по-другому, выходит, просто жить не может! Не понимаю я таких покаяний. Стыдно мне стало за эти исповеди, и перестал я делать это. А каяться в том, что я, допустим, в постный день бутерброд с маслом съел или кусок рыбы, так этого тем более не понимаю. Что было в холодильнике, то и съел. Какой тут грех? Кому от этого плохо? И если я не съем в среду или пятницу кусочек колбасы, у меня что, от этого любви к ближнему прибавится? — дядька пожал плечами. — А что касается причастия, так по мне самое настоящее причастие — это наличие любви в душе, вот и всё. Что толку, если ты вином и хлебом причастился, а в душе-то любви вовсе и нет ни к

кому? Говоришь, успел прочитать, как там апостол Иоанн сказал: «Пребывающий в любви, пребывает в Боге»? Вот оно самое настоящее причастие и есть — пребывание в любви.

— Значит посты разные, по-твоему, вовсе не нужны?

— Нет, Артём, нужны, и очень даже нужны! Но если они к месту, если пост этот вовремя. Понимаешь? Точечно, а не по графику. А у нас часто пост называют своеобразной жертвой Богу. Дескать, я вот жертвую ему тем, что не ем чего-то ради Него, а Он мои молитвы услышит и поможет мне. Но это ведь и есть языческий подход, о котором я тебе уже говорил. Ведь Иисус ясно сказал: «Не жертвы прошу я, а милости». Пост должен быть не жертвой, а своего рода духовной тренировкой, упражнением таким: через него я свои животные страсти побеждаю, показываю, кто тут хозяин — тело моё или дух. Сегодня в еде себя укротил, а завтра — в гневе. Ведь Христос так и постился в пустыне, чтоб дух свой укрепить перед служением, а не принести жертву Богу через это. Но если пост переходит в разряд регулярной диеты, то человек просто не ест определённую пищу в определённый период и всё. Но помогает ли это возрастать ему духовно? Больше ли в нём становится той же любви? Если это делается без внутреннего побуждения, без осознания этих глубинных мотивов, то я уверен, что нет. Такой пост может даже стать наоборот предметом гордыни: вот я какой молодец, я Богу милее, так как сорок дней без скоромного выдержал, а другие — слабаки!

Мне кажется, что человек, идущий по пути духовного совершенствования, должен сам принимать решения, когда ему нужен пост. Сам должен видеть необходимость в нём. А не так, что срок подошёл и — вперёд! Выкинул из холодильника все яйца, всё молосное, мясное и сел на диету. Пост как таковой был и раньше: у иудеев, у некоторых язычников даже, но если опять говорить о первых годах христианства, то там ведь и не было такого количества постов, как сейчас. Сначала, насколько я знаю, постились лишь в пятницу; позже, только примерно в четвёртом-пятом веках церковь установила один пост — сорокадневный, перед Пасхой. А там уже стали добавлять и другие. Посидят попы, посмотрят на народ — что-то плохо люди молятся, нет рвения в человеке, недостаточно о Господе радеют, надо бы новый пост ввести или тот что есть увеличить. Вот, например, перед

Рождеством пост сначала был всего неделю, а потом увеличили его постепенно до тех же сорока дней. Да только вот история-то показывает, что количество постов и их продолжительность не привели к тому, что люди больше друг друга любить стали, вот в чём вопрос. А повод наложить епитимью за несоблюдение поста появился. Не соблюдаешь пост? Грешник! Виноват! А я уже тебе говорил, когда про эмоции рассуждали: виноватого проще в повиновении держать, им проще управлять, он всё сделает, чтобы его простили. Тем более, тут не просто сосед или жена, тут — церковь!

Или вот ещё говорят, что человек должен вечно каяться за первородный грех. Дескать, мы все сами виноваты в том, что изгнаны из рая и живём так, как живём. А мне опять же непонятно: в чём именно мне каяться? Какое отношение это ко мне имеет, к моей душе? Если Адам с Евой Бога послушались, так они путь и каются. А они, кстати, церковь к лику святых причислены. Но остальные-то миллиарды душ при чём? Выходит, все они отвечают за грех, когда-то совершённый двумя людьми, которые, в отличие от них, вообще-то с Богом напрямую общались. А как же опять быть с тем, что Бог есть любовь и Он милосерден? Разве это милосердно, наказывать детей за то, что когда-то совершили их родители? Да не просто детей, а пра-, пра-, пра- и так далее. Даже в наших законах, далёких от понятий любви и милосердия, а построенных более по принципу «око за око, зуб за зуб», то есть по-ветхозаветно-му, такого нет. Я так думаю, это тоже придумали, чтоб в людях всегда комплекс вины перед Богом держался. Вот так как-то.

Артём посмотрел на дядьку:

— Выходит, в храмах да мечетях необходимости и нет вовсе?

— Почему нет? Я так не говорил. Я же про себя только сказал. Мне, чтоб Богу помолиться, достаточно глаза закрыть. Ведь главное при этом твой внутренний настрой. Но тут уж пусть каждый сам решает: кому-то это нужно, кто-то без этого не может. Службы, литургии, молитвы коллективные — пусть будет, ничего плохого в этом ведь нет. Многим, чтоб просто к Богу обратиться, нужна вся эта обстановка вокруг, убранство церковное, иконы, лампы и прочее. Я знаю таких людей. Они на службы могут не ходить, а просто в церковь регулярно заходят, чтоб в одиночестве

там в тишине постоять, помолиться. Я просто думаю, тут гораздо важнее, чтоб человек не заикливался на внешней форме, на разных обрядах, а смотрел вглубь, не забывал о сути учения. Вот в чём дело. Чтoб самой жизнью старался ему соответствовать.

Кстати, по поводу храмов... У нас ведь тут тоже многое с ног на голову поставили. Впрочем, не только у нас. Раньше-то как было? Вот живут люди общиной, вера у них есть своя, и им нужно где-то собираться для той же совместной молитвы, для служб, для отправления обрядов. То есть возникает потребность в соответствующем помещении и человеке, кто бы это всё делал. Вот они и сбрасываются деньгами, строят на свои средства храм, ну и, соответственно, все потом посещают его.

— Погоди, а если денег нет?

— Что значит — нет? Значит, насколько хватит. Значит, пусть в обычной избе службы идут, в пещере. Когда это высота потолков в храме да количество золота на иконах способствовали увеличению в прихожанах любви к ближнему? Это опять же говорило лишь о степени поклонения, но какое отношение это имеет к вере как таковой, к силе духа? А старцы разные, которые жили отшельниками в пустынях да в дебрях лесных, монахи, которые стали святыми, живя в тесных кельях? Как же они смогли прийти до такой степени святости без всей этой дорогой помпезности? Так что деньги в вопросах веры ни при чём, милый мой. Это, кстати, и годы советской власти подтвердили, когда те, кто хотел, веру в душе хранили там, где и вовсе никаких храмов да церквей не было. Вот это и есть настоящая вера.

Ну так вот, о чём я говорил?.. Значит, строят они на свои средства храм, приглашают к себе священника, которого так же сами и содержат. Он их окормляет духовно, и всем хорошо. То есть, ты понимаешь принцип? У церкви не могло быть иных денег, кроме как снизу, от своих прихожан. И это, как мне кажется, правильно. По идее, для храма этого должно быть достаточным, чтобы выполнять свою функцию. Но что произошло потом? Церковь срослась с государством, где-то даже подменила его, где-то стала служить ему и в итоге стала сама хозяйствовать и зарабатывать деньги. Причём весьма немалые. И стали храмы строиться не там, где людям надо, и не на их деньги, а там, где захотят те же священники или государственные мужи. Но это ведь ставит всё с

ног на голову! Ты понимаешь? Сначала должна быть вера, потребность в храме, а только потом и сам храм строиться. А у нас получается — сначала храмы, и только потом мы начинаем через них веру распространять. Если честно, я не знаю, есть ли вообще толк от такого подхода. Вон, революция семнадцатого года показала, сколько было в людях веры и любви к ближнему, хотя храмов было полным-полно. Храмы стали не помещением, которое построила на свои средства религиозная община для удовлетворения своих духовных нужд, а способом расширить территорию присутствия определённой религии, способом расширить власть государства. Но это же в корне неверно. Это меняет весь вектор взаимоотношений между служителем церкви и простым прихожанином. Священник должен служить простому человеку, а не наоборот.

— М-да, интересно, — Артём почесал затылок. — Никогда не задумывался об этом. Дядь Ген, ты вот ещё сказал, что на исповеди каялся в том, что у тебя любви нет. Но ты так говоришь про всё это, что я подумал, уж ты-то сам всех подряд любишь.

Тот горько усмехнулся:

— Эх, Артёмка. Говорить, это одно, а на деле делать — совсем другое. Я же обычный человек, из костей да мяса, не святой, не монах, среди людей живу. У меня тоже, бывает, всякое в душе творится. Этому всю жизнь учиться надо — любви, да и, думаю, когда помирать будешь, то страшно станет, что так и не научился. Иной раз вот кажется — всё хорошо, живёшь, мир в душе и покой, а потом встретишь кого-нибудь и ужаснёшься: «А где любовь-то твоя? Куда подевалась?» В тот же райцентр за бумажкой какой-нибудь поедешь, так иной раз кажется, будто тебя кто-то специально искушает на гнев и злобу. Если уж в монастырях монахи друг с дружкой, бывает, в согласии не живут, то что о нас говорить? И чашка с чашкой бьются. Только вот, если честно, то мне кажется, что любовь-то, она здесь нужнее, среди людей, а не в келье. Хотя не мне судить об этом, кто я такой... У каждого свой путь. Вот так вот, — он встал и взял ведро с углём. — Ладно, пошли в избу, а то что-то заболтались мы с тобой не на шутку, совсем темно да холодно стало. Я уж замёрз, печку топить надо да ужинать. А ты дрова прихвати.

Артём встал и повёл плечами. Только сейчас он заметил, что тоже стал замерзать. За разговорами это было как-то и незаметно.

— Как твоя рука? Получше? — спросил дядя Гена, когда племянник с охапкой дров пришёл в дом. — А то попросил тебя дрова взять, а про руку твою позабыл совсем.

— Нормально. Так, ноет чуть-чуть, но не страшно. Сильно высоко поднимать только не даёт. Думаю, завтра намного лучше станет.

— Может, компресс водочный сделать?

— Не надо, так заживёт. Не обращай внимания.

5 октября

Артём проснулся ночью от стука дождя в окно. Капли мерно лупили по стеклу, и, казалось, старались подстроиться под тиканье ходиков. Было слышно, как на улице шумят берёзы. «Опять ветер поднялся, — подумал Артём. — Когда же погода наладится?»

Полежав немного, он повернулся на другой бок, потом на спину. Сон не шёл. Встал, сходил в прихожую, на ощупь, осторожно, чтоб не разбудить дядьку, попил воды. В доме было чёрно, даже не разобрать, сколько времени показывали часы.

Снова укрывшись одеялом, Артём задумался. Удивительно, но сейчас он почему-то совсем не ощущал ни обиды, ни злости к жене и бывшему другу. «А ведь, действительно, знал же, что Олег бабник. Знал, что мимо юбки, не оглянувшись, не пройдёт. Чего же ждал тогда от такого? С чего ты решил, что жена друга для него это такое же табу, как и для тебя? Разве он когда-нибудь говорил тебе такое? Нет. Выходит, и вправду — за него решил, что он подобного не сделает, а тот совсем так и не думал. Или Эльвира эта... Ведь прекрасно видел, что нет у неё к тебе никаких чувств, что не любит она тебя. Зачем же тогда второй раз женился на ней? Из-за дочери? Сам себе внушил чего-то, напридумывал, а потом и страдаешь: ах, ах, как так? Ведь прав дядька: сам слеп был, так чего сейчас слёзы лить? Действительно — наплевать на них да растереть. К чему тебе такая жена, к чему тебе такой друг? Наоборот, хорошо, что так всё вышло. Зачем тебе жить бок о бок с теми, кто на подлость готов? М-да уж... Так, выходит, прав дядька, получается? Ну хорошо,

простить да отпустить — это ещё ладно. Но он про любовь толкует, хоть и по «агапэ» этой. Не знаю, не знаю... Насчёт этого как-то посложнее получается. Быть милосердным к Эльвире да к Олегу? Ценить их? Сострадать им? Не знаю, дядя Гена, тут что-то ты лишка загнул».

Думая так, он ворочался на диване с боку на бок. Дождь через какое-то время стал стихать, и постепенно Артём снова заснул.

Проснулся он довольно поздно, когда дядя Гена уже затопил печку. После завтрака дядька спросил:

— Когда тебя обратно-то ждять? Сегодня вернёшься или завтра?

— Сегодня, на последнем постараюсь приехать, как в пятницу.

— Ну давай... Смотри только в ямы больше не падай.

— Постараюсь, — улыбнулся племянник.

К двенадцати часам он пошёл на «площадку». Сев на место позади водителя, Артём привалился к окну и прикрыл глаза. Судорожно вздрогнув всем своим железным телом, «ПАЗик» тронулся. «Любовь, любовь... — снова задумался Артём о вчерашнем разговоре с дядькой. — Да... какая она, получается, разная любовь эта бывает. «Агапэ». Люби ближнего, как самого себя. А кто, кстати, этот ближний? Если все, то почему так и не сказано прямо: люби всех, кто живёт на земле? Или ближний, это только родня твоя да те, кто рядом в данный момент находится? Так, они ведь могут меняться. Сегодня один, завтра может быть другой. Вот кто сейчас рядом?» Он открыл глаза.

Прямо напротив него сидела женщина средних лет. Довольно полная, на коленях лежит старая пошарпанная сумочка из кожзаменителя, которую она придавила крупными пухлыми руками с обветренной кожей. Такое же обветренное лицо с массой мелких морщинок вокруг глаз. Но при этом ресницы накрашены, брови неумело подведены, яркая помада на губах. Видно, что проводит много времени на открытом воздухе, руками работает, а вот макияж — нет, не её это, чужое, но вот поехала в город, надо же красоту навести. Глаза какие-то вялые, без эмоций, смотрит в окно на проплывающие мимо деревья, кусты, поля. Кажется, что видела всё это уже сотни раз и не смотрела бы больше, да другого ничего нету, вот и приходится. «Ну и как мне любить её? — думал Артём,

исподволь разглядывая женщину. — Ценить? Заботиться? Сострадать? Но я её совсем не знаю, первый раз в жизни вижу. Может, она дура последняя, или выпить любит, или мужа бьёт? Такая, в принципе, может. Кулаком своим врежет, мало не покажется».

Он перевёл глаза влево. В соседнем ряду сидел молодой парень, лет под двадцать. На ногах джинсы в обтяжку и слишком уж яркие, вычурные кроссовки на толстой подошве и с торчащими наружу здоровенными язычками. Закрыв глаза, руки в карманах такой же броской куртки, голову, на которую накинута капюшон, опустил на грудь и делает вид, что спит, показывая всем своим видом: «Мне нет никакого дела до того, что вокруг творится. Я всю ночь гулял, не выспался, так хоть в автобусе вздремну». «И этого, что ли, любить? — продолжал размышлять Артём. — Сострадать ему? С какого перепуга? Ценить его, но за что? Такие мне вообще никогда не нравились, для них главное, это понт, крутым казаться, а заглянуть внутрь, так там и нет ничего, пустота. Выклянчил денег у родителей на кроссовки да на куртку, а сам за свою жизнь копейки не заработал». Парень откинулся на спинку сиденья и забросил ногу на ногу, выставив огромный кроссовок в проход. «Ну вот, ему-то самому плевать на всех — мешает его лапоть кому-то или нет, главное, чтоб ему удобно было, — продолжал коситься на парня Артём. — Самый такой возраст, когда они чего-то всем доказывают, выпендриваются. В армию таких надо, там спесь-то быстро собьют. Так и тут, поди, папа с мамой отмажут, плоскостопие какое-нибудь придумают».

Он посмотрел дальше. Через одно сиденье за парнем сидела молодая ещё женщина лет двадцати пяти, может, чуть постарше с ребёнком-дошкольником. Не красавица, но и не дурнушка, не худая и не толстая. Как говорила его баба Дуся — справная. Самая обычная внешность, даже макияжа у неё меньше, чем у тётки перед Артёмом, но от этого она выглядела только лучше. И одета средне, без вызова. Ребёнок, мальчишка лет четырёх, задремал рядом с ней, прислонившись к матери. Она обняла сына одной рукой, второй придерживает его голову, чтоб не сильно болталась на кочках, а сама смотрит в окно и вообще не ясно, думает ли о чём, либо просто провожает взглядом проплывающие осенние пейзажи. Глядя на них, Артём почувствовал даже некую симпатию: «Ни дать ни

взять — мадонна с подросшим младенцем. Деревенский вариант в автобусе. Наверное, к таким и любовь испытывать можно, тут я ничего против не имею. Но, выходит, я как-то выборочно ближних люблю? Опять что-то не так получается, или с ближними тут ерунда какая-то. Может, пассажиры эти, никакие и не ближние мне? Но Эльвира-то ближней была, да и Олег тоже. Ближе некуда. И что? Перестали быть таковыми, можно не любить их дальше? Или как? Что-то совсем я запутался».

Остальных пассажиров Артём разглядывать не стал, снова закрыл глаза и вздохнул: «Хорошо сказать — возлюби. А возможно ли это вообще? Пусть даже и по «агапэ». Не знаю, не знаю...»

В какой-то мере Артём ехал в гости к Игорю наугад. Он помнил, что во время их последней встречи тот работал простым специалистом в районной администрации в каком-то отделе, связанным не то с местной промышленностью, не то с торговлей. До армии он успел окончить торговый техникум, а потом его пристроили по знакомству на тёпленькое и непыльное местечко. Впрочем, за эти годы многое могло измениться. Теоретически Старченко вполне мог даже переехать жить куда-нибудь на новое место, но Артём надеялся, что в таком случае он всё же известил бы его об этом.

На входе в здание администрации строгий вахтёр спросил Артёма, куда он идёт, сказал, что — да, Старченко работает здесь, переписал с Артёмова паспорта его данные, назвал номер кабинета и объяснил, как туда пройти. Поднявшись на второй этаж, Артём заглянул в нужную дверь. Ближе к нему сидела за столом пожилая женщина в массивных очках и в толстом вязаном кардигане.

— Здравствуйте, скажите, а Старченко где можно найти? — негромко спросил он её.

Та повернула голову с пышным шиньоном в сторону:

— Игорь Михайлович, тут вас спрашивают.

Артём заглянул в кабинет поглубже и увидел армейского сослуживца, также сидевшего за столом в самом углу у окна.

— Оба-на! Тёмыч! — громко закричал Игорь, увидев товарища. — Вот сюрприз так сюрприз!

Губы его растянулись в радостной улыбке, в глазах блеснул огонёк, и он, громыхнув стулом, быстро выбежал в коридор.

— Ты как тут? Специально приехал? Проездом? — завалил он Артёма вопросами после того как они обнялись.

— Специально, тебя вот повидать, из деревни.

— Так ты уже давно в наших краях, что ли?

— Да нет, не очень. В пятницу к дядьке приехал, отпуск взял. А сегодня до тебя решил доскочить, повидаться.

— А в пятницу чего не зашёл? Эх, ты! Тут был и не зашёл? В пятницу-то лучше было бы, выходные впереди, посидели бы по-человечьи, переночевал бы у меня, а потом и в деревню б свою ехал, — Игорь укоризненно посмотрел на бывшего сослуживца.

— Да времени мало было, торопился, — начал было оправдываться Артём, но ему тут же вспомнились слова дяди Гены про обиду, про чувство вины, которое люди испытывают на автомате: «А ведь точно, чего я сразу оправдываться начал? Игорёк типа обиделся, что я в пятницу к нему не зашёл, а я сразу виноватым себя чувствую, хоть ни в чём и не виноват». Он усмехнулся и расправил плечи.

— Чего смеешься? — не понял Старченко.

— Да так, не обращай внимания, мелочь одну вспомнил. Ты чего докопался до меня? — посмотрел Артём в глаза приятелю. — Ну не зашёл к тебе в пятницу, и что? Сейчас, зато зашёл, или не рад? Обратно уехать?

— Да ладно, чего ты... — пошёл на попятную Игорь. — Конечно, молодец, что приехал. Так, ты погоди тут секундочку, я сейчас...

Он вернулся в кабинет:

— Раиса Никитишна, я тут отлучусь, друг ко мне приехал, сто лет не виделись. Если кто будет спрашивать — я на обеде, а потом сразу на выезде. Сегодня меня не ждите, а завтра утром я как штык.

— Игорь Михайлович, — женщина сдвинула очки на кончик носа и посмотрела поверх них на Старченко, — а как же сводка за сентябрь?

— Да успею я! Завтра с утра быстренько всё доделаю. Там осталось на полчаса работы.

Женщина укоризненно покачала головой:

— Ну смотрите, вам же влетит, если что. Я вас прикрывать не буду.

— Да всё нормально будет, не переживайте. — И Игорь, схватив куртку, висевшую на вешалке у двери, выскочил из кабинета. — Всё, пошли! Ну их всех в баню, им сколько ни работай — всё мало.

— Так тебе влетит же, — Артём придержал друга за рукав. — Куда ты намылился? Прогул схлопочешь. Давай тут постоим, поболтаем. Мало ли что. Я пока один погуляю, а потом часик посидим где-нибудь, кофе попьём.

— Щас! Ага! Ко мне друг в кои-то веки приехал, а я тут буду сидеть над бумагами ихними? Да и кофе ты не отделаешься, пошли давай!

Артём только покачал головой. В принципе, это было в духе Игоря, особой ответственностью и дисциплинированностью он никогда не отличался.

— Ну и что, куда пойдём? — спросил Артём, когда они вышли на улицу.

— А вон, куда Ильич показывает, — Игорь кивнул на памятник Ленину, стоявший перед серым зданием районной администрации.

— И куда он тут у вас показывает?

— Как раз в сторону моего дома, — засмеялся Старченко. — Самый верный путь. Олеськи дома сейчас нет, на работе, так что посидим спокойно, чтоб никто не мешал.

Проходя мимо магазина, Игорь тормознул:

— Слушай, ну так надо взять же чего-нибудь. На сухую-то сидеть как-то несподручно. Ты деньгами не богат?

Артём засмеялся.

— Чего опять хохочешь?

— Да так, ничего... Просто за последние три дня меня уже второй раз про деньги спрашивают, когда речь о выпивке заходит.

— Блин, ну я же не виноват, что нам ещё получку не давали. От аванса осталось кот наплакал, а зарплаты не было пока.

— Ладно, расслабься, — Артём повернул в магазин, — есть у меня деньги. Только водку пить как-то не хочется.

— Я не против, давай коньяка возьмём, если ты такой богатый. Ну не вино же нам с тобой цедить? Чай, не девочки.

— Ладно, водки купим, только нормальной. Продают у вас хорошую?

— А чего мы, хуже вас что ли? Любой каприз, были бы деньги.

— Закусить-то есть чего дома?

— Закуску найдём. Мать позавчера с батей приезжали, привезли там банок каких-то: лечо, салаты разные. Хлеба только взять надо, за него не ручаюсь.

Игорь жил с женой Олесей в отдельной благоустроенной квартире, доставшейся супруге в наследство от отца. Детей у них пока не было.

— Чего вы детьми-то не обзаводитесь? — спросил Артём, когда они поднимались по лестнице на четвёртый этаж. — Годы-то идут, сколько жене твоей уже?

— Да она ещё молодая, двадцать шесть летом стукнуло. А насчёт детей, так мы над этим работаем, — хохотнул приятель, — будут, никуда не денутся.

За столом в первую очередь пошли разговоры об армии: вспоминали общих друзей, командиров, разные случаи из армейской жизни.

— С Олегом-то видишься? — вспомнил об общем сослуживце Игорь. — Вы же друганы были не разлей вода. Как он там?

Артём на секунду задумался. Ему вовсе не хотелось говорить сейчас с Игорем о своих проблемах. Вообще его отпуск получался немного не таким, как он представлял себе изначально. А после всех разговоров с дядей Геней совсем не хотелось ворошить произошедшее. Думать об Эливире да об Олеге с позиций любви у него явно не получалось, жалеть их в чём-то — тоже, но сидеть и перемывать им кости, осуждать, говорить об изменах и предательствах никакого желания также не возникало. Хотя, когда он ехал в деревню, то думал, что примерно так и будут строиться все разговоры, а уж Игорю-то он про этого гада Олега точно бы рассказал. Пусть разделит с ним его праведный гнев и ненависть к бывшему другу. И Игорь бы его несомненно поддержал, по-другому и быть не могло. Ведь как иначе? Олег, можно сказать,

воткнул нож в спину армейскому другу, разве можно такое не осудить? Но сейчас он не знал, что ответить на вопрос Старченко.

— Если честно, то не знаю, — пожал в конце концов плечами Артём. — Мы в последнее время почти не видимся.

— Чего так? — удивился тот.

— Да как-то всё... То у него дела, то я занят. В общем, ничего я тебе про него конкретного не скажу. Даже не знаю, где он работает сейчас. Разошлись как-то дорожки наши. Слышал, что развёлся он с женой своей, вроде бы с другой какой-то живёт.

— Ну это я тоже слышал, это давно уже было. — Игорь разлил водку по рюмкам.

— Тем более. А больше я ничего и не знаю.

— Понятно, — Старченко протянул свою рюмку к Артёму. — Ну давай, Тёмыч, чтоб мы с тобой друг друга не забывали.

Выпили.

— Ну, а семья как у тебя? Жена, дочка? Сколько ей, в школе учится уже?

— Учится, во второй класс перешла. Да бог с ними, ты о себе расскажи, — перевёл тему Артём. — Чем занимаешься кроме работы?

И разговор опять свернул на непринуждённую болтовню о том о сём. Говорили о работе, Игорь жаловался на административную бюрократию, ворчал на начальство, которое «дурак на дураке сидит и дураком погоняет», ну и так далее. Ближе часам к пяти бутылка закончилась, и Старченко как-то засуетился, стал поглядывать на часы:

— Слушай, Тёмыч, скоро Олеська с работы придёт. Может, пойдём куда-нибудь, в другом месте посидим ещё?

Артём улыбнулся:

— Что, гоняет она тебя? Так, может, вообще хватит? У меня автобус через два часа. Чаю попьём и ладно. За чай-то она, поди, ругать тебя не будет?

— Да какой чай! Сколько мы выпили-то? Одна бутылка, да под хорошую закуску... Как слону дробина. Давай на часик-полтора в кафешку заскочим. Грамм по сто пятьдесят ещё накатим, да и провожу тебя потом на вокзал.

— Ну как знаешь. Только я грамм пятьдесят ещё выпью, не больше, мне хватит. Если честно, то мне и вправду больше чаю сейчас охота, а не водки.

— Да пожалуйста, пей чай на здоровье. Пошли! Есть тут недалеко местечко одно, где посидеть можно.

Местечком оказалось то самое кафе «Весна», в котором Артём обедал в пятницу, дожидаясь автобуса в деревню.

— А другого поблизости у вас тут ничего нет? — спросил он друга, когда они подошли к дверям.

— А чем тебе это не нравится?

— А чего тут хорошего? Был я здесь, да не очень понравилось. В пятницу обедал, — пояснил он, опережая расспросы Игоря.

— Да брось ты! Нормальная забегаловка.

Войдя внутрь, они сразу увидели компанию молодых парней, сидящую за столиком у барной стойки. Их было человек пять-шесть в возрасте примерно от двадцати и до двадцати пяти лет. Несколько стульев они взяли от соседних столов, сидели, курили, громко разговаривали и смеялись. На столе бутылка водки, какая-то еда.

Артём остановился:

— Слушай, Игорёк, пошли и вправду куда-нибудь в другое место. Не охота их ржать слушать.

— Да чего они тебе? Они сами по себе, мы сами по себе. Нет у нас тут больше ничего подходящего поблизости. Плюнь, мы ж ненадолго.

Повесив куртку на спинку стула, Старченко сел за ближний к двери столик. Артём тоже разделся и сел напротив. Подошла официантка, тоже довольно молодая девушка, но не та, что была в пятницу, а другая, и подала меню.

— Погодите, — сказал Игорь, — не надо меню, мы так закажем. Нам водочки грамм триста, и пельменей с салатиком каким-нибудь недорогим. Хорошо?

— Хорошо. Только пельмени надо будет минут пятнадцать подождать.

— Ничего, подождём. Вы только салатик сразу принесите, хлебушка, ну и водки.

— Девушка, будьте добры, ещё чаю сразу сделайте, — попросил Артём. — Чтоб покрепче, чёрный и с сахаром.

— Хорошо. Оплачивать сразу будете или потом?

Старченко вопросительно посмотрел на Артёма.

— Давайте сразу рассчитаемся, — ответил за него тот.

За дальним столиком громко захохотали.

— Надя, дай нам ещё бутылку! — закричал какой-то парень, и Артём узнал в нём того, долговязого в красном галстуке, который был здесь в прошлый раз.

— Может, вы за это рассчитаетесь сначала? — нахмурившись, ответила официантка.

— Рассчитаемся, куда мы денемся! Первый раз, что ли...

— Вот именно, что не первый, — недовольно проговорила Надя, но бутылку компании всё же подала. — Чуть не каждый день гуляете, откуда только деньги берутся.

Через пару минут она принесла на стол, где сидели Артём с Игорем, небольшой графинчик с водкой, хлеб, салат, чай и столовые приборы:

— Пельмени уже варятся, минут через пять будут готовы. Вам со сметаной, маслом, майонезом?

— Давайте со сметаной, — ответил за двоих Игорь.

Между тем долговязый парень встал и пошёл, по всей видимости, в туалет, который был рядом со входом в кафе. Проходя мимо сидящих друзей и узнав Артёма, он притормозил у их столика и снова, как в прошлый раз, церемонно наклонил голову.

— Месье, приятного аппетита. Мы вам не мешаем? — осклабился парень в широкой улыбке. Сегодня на нём снова была белая рубашка и тот же самый галстук.

— Иди, иди куда шёл, — Игорь, разливая водку по рюмкам, махнул парню рукой.

Артём же почувствовал, что настроение у него испортилось, и, если честно, он пожалел, что поддался на уговоры приятеля остаться здесь. Ему захотелось побыстрее уйти отсюда:

— Слушай, Игорёк, давай водку свою пей быстрее, и пойдём на вокзал потихоньку.

— Ну ты давай, хоть одну-то со мной выпей, — Старченко протянул руку с рюмкой.

Друзья чокнулись, выпили. Поморщившись, Игорь крикнул:

— М-да уж, водка у них не фонтан, конечно, да и тёплая ещё. Ну ладно, сейчас я её быстренько оприходую, и пойдём.

Компания парней за столиком на какое-то время притихла, и Артём заметил, что они несколько раз взглянули в их сторону.

— Ты знаешь этих? — спросил он Игоря и кивнул на столик у барной стойки.

Старченко обернулся:

— Да так... Пару человек где-то видел, сейчас уже не помню. Да говорю тебе, не обращай на них внимание.

— Не нравятся они мне, — сказал Артём и подумал: «Интересно, что дядя Гена про них бы сказал? Тоже любить? Ценить и уважать? Сочувствовать? Только в чём им сочувствовать? Что сидят да водку хлещут?»

Через несколько минут официантка подала пельмени:

— Пожалуйста. И счёт, как вы просили.

Артём расплатился.

— Если ещё что-то будет нужно, вы говорите. — Девушка спрятала деньги в карман фартука и удалилась.

— Хорошо, — кивнул Игорь. — Ну так что, может, ещё выпьешь? — спросил он Артёма.

— Нет, — тот отрицательно замотал головой. — Допивай её сам, если хочешь, а я только чай.

— Ну как знаешь, — Игорь налил себе полную рюмку, залпом выпил, снова поморщился и, подцепив на вилку сразу два пельменя, отправил их себе в рот.

От компании парней между тем отделился невысокий, крепко сбитый тип в синих спортивных штанах и такой же куртке. По нетвёрдой походке было видно, что парень изрядно пьян. Покачиваясь, он не спеша подошёл к столику, где сидели Артём с Игорем и, не спрашивая разрешения, сел на стул.

— Привет, — обратился он к Игорю, — тебя же Игорем, кажется, зовут?

Старченко посмотрел на подошедшего:

— Игорем, и что?

— Ты-то меня не знаешь, наверное, но вы с брательником моим в одном классе учились. Помнишь Андрюху Матюшова?

Игорь пожал плечами:

— Помню, и чего?

— Да нет, я так, просто сказать хотел.

Замолчали. Парень достал сигарету и закурил. Игорь вопросительно посмотрел на него:

— Слушай, не знаю, как тебя... Нам тут поболтать надо.

— А, ну да, конечно, конечно... — Парень стряхнул пепел на пол и остался сидеть как ни в чём не бывало. — Я это, чего подошёл-то... Игорёк, займи денег немного, а? Я тебе отдам через пару дней.

Игорь сделал удивлённое лицо и засмеялся:

— Ну ты даёшь! Я тебя первый раз вижу, вообще-то! С какого перепугу я тебе чего-то занимать стану?

— Да тебе что, жалко, что ли? — парень тоже улыбнулся, но как-то неприятно. — Я же немного прошу. Нам совсем чуть-чуть не хватает. А я тебе отдам, ты не переживай.

— Я ж тебе говорю, — Игорь посмотрел на парня, — не дам я тебе ничего, тем более что у меня и денег-то нету.

— Да? Хреново. А у друга твоего? — парень кивнул на Артёма.

Тот чуть не поперхнулся от такой наглости:

— Займи у кого-нибудь другого, приятель.

— Ну ладно, — парень перестал улыбаться и с прищуром посмотрел на Игоря. — Не знал я, что ты такой жмот. Обязательно Андрюхе передам.

— Слышь, ты! Ты за языком-то следи! — Старченко как-то неловко качнулся на стуле и повернулся к парню. Как ни старался он выглядеть трезвее, но выпитая водка всё же сказывалась. — А ну пошёл на фиг отсюда!

Парень ухмыльнулся и встал.

— А то что? — с вызовом произнёс он. — Жмот, ты и есть жмот!

От сидящей компании отделились ещё двое и двинулись в сторону их стола. Артём напрягся. Официантка за барной стойкой крикнула:

— Эй, вы чего тут?! А ну-ка тихо, а то полицию вызову!

Парни, не обращая на неё никакого внимания, подошли к своему товарищу.

— Ну и чего? — спросил один. — Не даёт?

— Да жмот он! Падла, — распалялся первый.

— Слышь ты, говнюк, ты не много себе позволяешь? — Игорь тоже поднялся. Его глаза налились от злости.

— Игорь, успокойся, ты же видишь, они пьяные, — попытался охладить друга Артём.

— Да тихо ты! — один из подошедших парней махнул на него рукой. — Без тебя разберутся.

Парень в спортивных штанах и куртке кивнул на дверь и предложил Игорю:

— А давай выйдем, поговорим, может? Выясним, кто тут жмот, а кто говнюк?

— Да я же тебя, сопляка, по стенке размажу. — Игорь схватил куртку и стал надевать её, но никак не мог попасть в рукав. — Денег ему занять...

Артём тоже вскочил на ноги и схватил друга за руку:

— Игорь, успокойся, сядь. Сам же говорил, не обращай внимания. Чего с пьянью этой малолетней связываться?

— Тёмыч, погоди, щас я этому наваляю по-быстрому, — не унимался Игорь. Ему удалось наконец-то надеть куртку, и он стал выбираться из-за стола.

— Тьфу, идиоты, — тихо выругался Артём.

Он старался держать в поле зрения всех стоящих возле их столика и надеялся, что ситуацию всё же удастся разругать без драки.

— Я кому говорю! — снова закричала из-за барной стойки официантка. — Я в полицию звоню!

— Так, ребята, идите к себе обратно, а мы сейчас уже уходим, — попытался успокоить всех присутствующих Артём.

— Тихо ты, — тот же парень снова махнул на него рукой. Говорил он с какой-то пьяной ленцой, растягивая слова. Его пошатывало из стороны в сторону. — Пусть разберутся.

Однако только Игорь вышел из-за стола, как невысокий крепыш со всей силы тут же ударил его кулаком в живот. Такого

Старченко явно не ожидал. Он согнулся и, тяжело закашлявшись, опустился возле стола на колени.

— Ах ты, сука! — закричал Артём и выскочил в проход. Понимая, что перед ним трое, он схватил стул и замахнулся им на них. — Назад, падлы! Сейчас ббшки всем проломлю к чертям собачьим!

Такого уже явно не ожидали парни. Они шарахнулись назад, бестолково размахивая руками. Угрожающий и решительный вид Артёма подействовал на них отрезвляюще.

— Тихо, тихо... — парни немного присмирели. — Всё. Разошлись как в море корабли.

Игорь поднялся с колен, но стоял, по-прежнему согнувшись и держась за живот. Он откашливался и тяжело дышал:

— Вот падла, исподтишка...

Артём поставил стул и подошёл к другу. Но тут непонятно с чего на первый план решил выйти тот самый долговязый тип в красном галстуке. Он уже вернулся за свой столик из туалета.

— Да вы чего, пацаны? Этого, что ли, испугались? — сказал он заплетающимся языком.

Возможно, он был пьянее остальных, а может, принял чего-нибудь помимо алкоголя, но глаза у него смотрели каким-то мутным, тупым, ничего не соображающим взглядом. Оттолкнув в сторону своих дружков, он схватил со стола вилку и кинулся с ней на Артёма.

Артём не выглядел суперменом, да он и не был таким, но на работе они регулярно занимались в спортзале, колотили груши, тягали гантели. И, несмотря на то, что он курил, с физической формой и с реакцией у него всё было в порядке. Боковым зрением он увидел метнувшегося к нему долговязого. Не успел тот поднять руку, как Артём сам быстро шагнул ему навстречу и молниеносно схватил нападавшего левой рукой за горло, сильно при этом надавив большим пальцем на выпирающий кадык. Долговязый хрипло крикнул и, выпучив глаза, выронил вилку. Артём занёс вторую руку для удара, но, посмотрев на беззвучно хватавшую воздух ртом физиономию, бить передумал. Сделав ещё пару шагов вперёд, он просто брезгливо оттолкнул парня от себя. Долговязый схватился за горло и шлёпнулся задом на стул.

Артём снова повернулся к Игорю, который почти пришёл в себя. И через миг вдруг полетел на пол. Кто-то из парней, воспользовавшись тем, что Артём на пару секунд повернулся к ним спиной, со всего маха налетел на него сзади и толкнул в спину.

Падая, Артём успел подставить руки. Он тут же попытался снова вскочить на ноги, поднял голову и увидел набегавшую на него фигуру. И ещё через мгновение от сильнейшего удара по голове он потерял сознание.

— Тёмыч, ёлки-палки, очнулся, — Игорь присел на колени возле друга. — Слава богу.

Артём открыл глаза. Голова раскалывалась от боли. С усилием подняв руку, он потрогал затылок. Пальцы попали во что-то липкое. Посмотрев на них, Артём увидел, что они были в крови.

Он с трудом встал и, прислонившись к стене, посмотрел по сторонам. На стуле возле барной стойки сидел долговязый парень в белой рубашке и красном галстуке и тупо смотрел перед собой бессмысленным взглядом. Позади витрины топтались и с интересом разглядывали всё, что произошло в зале, какие-то женщины, видимо, с кухни. Молоденькая официантка стояла возле Игоря, подсовывала Артёму салфетки и тихонько причитала:

— Ой, господи, вот идиоты-то, вот идиоты... Я уж думала, напрочь голову проббили, но, вроде, ничего, живой. Главное, хоть очнулся.

— Чем это меня? — морщась, спросил Артём.

— Так тебе бутылкой по голове дали. Со всего маха. Вон, разбилась даже, — Игорь показал на валявшиеся вокруг осколки.

— Этот, что ли? — Артём показал глазами на долговязого.

— Да я сам толком и не видел, только заметил, что на тебя сзади налетели, ты упал, а потом кто-то из них подскочил, ну и бутылкой... Ты вырубился, а эти, как кровь увидели, так сразу драпать. Этот тоже хотел уйти, да я ему не дал, сиди, говорю, падла. А он, как обкуренный, башкой только вертит по сторонам и молчит. Ты где-то минуты две в отключке был.

Входная дверь открылась, и в кафе вошли двое полицейских: молодой старлей и средних лет прапорщик.

— Кто вызывал? — старлей быстро глянул на лужу крови на полу и на Артёма в залитой кровью же кофте. — Что случилось?

Игорь с официанткой стали рассказывать, что произошло. Оказалось, что она действительно успела вызвать полицию, когда парень в спортивном костюме ударил Игоря в живот. Полицейский подошёл к Артёму и оглядел его голову, потом достал рацию:

— Пятый восемнадцатому ответить.

В рации крикнуло, и треснувший голос ответил:

— Говори.

— Нужна «скорая», кафе «Весна» на Ленина, травма головы.

Сели заполнять протокол. Прапорщик записывал объяснения официантки и Игоря. Через пять минут приехала «Скорая помощь». Доктор, осмотрев голову тоже присевшего на стул Артёма, сказал:

— Ну тут ничего особо страшного нет, но, думаю, пару швов наложить придётся. Голова кружится?

— Есть немного.

— Сотрясение, скорее всего. — Врач повернулся к старлею.
— Ну что, мы забираем его?

Старший лейтенант подошёл к Артёму:

— Давайте так... Езжайте сейчас в больницу, вам там окажут первую помощь, а потом вы сразу зайдёте в РОВД, там буквально дорогу перейти, совсем рядом. Скажете дежурному, что потерпевший из «Весны», он вас к дежурному дознавателю проводит, мы сейчас все бумаги ей передадим. А этого с собой заберём, — он кивнул на парня в галстук.

— Так мне сегодня в деревню же возвращаться надо, — поморщился Артём.

— В какую деревню? Вы что, заявление писать не будете? Вы же в крови весь, вам швы надо накладывать. Как вы поедете в таком виде?

Артём прикрыл глаза.

— Хорошо, я понял. — Он встал и посмотрел на врача «скорой», который ждал тут же. — Поехали, я готов. — Взяв куртку, почему-то валявшуюся на полу, он вышел на улицу.

— Тёмьч, — крикнул вслед ему Игорь, — ты не теряйся! Я домой заскочу по-быстрому, а потом тоже в полицию приду.

В больнице медсестра обработала Артёму рану и обколола её новокаином. Молодой доктор в синем медицинском костюме наложил три шва и весело сказал:

— Ну вот и всё. Надюша, надо повязочку наложить. Чем это вас приложили?

— Бутылкой. — Артём сел на кушетку. — А можно мне чего-нибудь от головной боли, а то, прям, раскалывается.

— Не, не раскололась, череп целый, — засмеялся врач. — Надюша, дай человеку таблеточку, чтоб полегчало. А вы потом посидите в коридоре, пока я бумаги оформлю.

Выпив таблетку, Артём вышел из хирургической. Часы на стене показывали уже половину девятого. «Блин, дядька волноваться будет», — мелькнула мысль. Кофта на Артёме вся была в засохшей крови. «Хорошо, хоть куртка чистая осталась», — он осторожно, стараясь не задевать рану, стянул через голову кофту и прямо на майку надел куртку. В коридоре было прохладно. Артём застегнул молнию до самого подбородка и засунул руки в карманы. Закрыв глаза, он откинулся назад и, забыв о ране, прислонил голову к стене, но тут же, сморщившись от боли, отдёргнул её обратно.

Через некоторое время таблетка подействовала, и голове действительно стало легче. Встав, Артём прошёлся по пустому коридору. Потом зашёл в туалет, где смыл остатки засохшей крови с лица и шеи. «М-да уж, — он посмотрел на себя в зеркало, — прямо, герой гражданской войны. Голова завязана, кровь на рукаве, след кровавый стелется по сырой траве». Вернувшись в коридор, он увидел, как из двери кабинета вышла медсестра Надюша.

— Девушка, вы мне не дадите какой-нибудь пакет? Кофту грязную положить, а то в крови вся. И можно мне ещё пару таблеток с собой? — попросил её Артём.

— Хорошо, сейчас, посмотрю что-нибудь, — и медсестра ушла в другой кабинет.

Минут через пять она выглянула снова и протянула целлофановый мешочек:

— Только такой есть. И вот, возьмите, я две таблетки вам в бумажку завернула. Но только не раньше, чем через двенадцать часов принимайте.

— Спасибо большое. — Артём туго свернул кофту и засунул её в мешок, который спрятал в карман куртки.

Вдруг, похлопав себя по бокам, он обнаружил, что нет кошелька. «Час от часу не легче, и кошелёк куда-то делся. Неужели эти успели по карманам пробежаться? Вряд ли. Может, сам где-то выпал?» Артём сунул руку во внутренний карман на молнии, где лежали банковская карточка и паспорт — слава богу, они были на месте. Телефон тоже был цел.

Оформление документов в больнице заняло почти час, и в полицию Артём пришёл уже около десяти вечера. Объяснив дежурному, что к чему, он попал к дознавателю. За столом в казённом неуютном кабинете сидела женщина в полицейской форме с безучастным и скучным лицом. Капитанские погоны, на вид лет сорок.

— Заходите, присаживайтесь. Мне передали документы по вашему делу. Итак, вам надо сначала написать заявление. Вы помните, кто ударил вас бутылкой по голове? Очевидцы ничего конкретного не говорят. Официантка вообще в это время в другую сторону смотрела, ваш товарищ тоже толком не разглядел. Что вам в больнице дали?

Она прочитала справку, выданную Артёму врачом:

— Ну тут, думаю, лёгкие телесные только будут, или вообще побои. Сотрясение есть, больничных дней на десять дадут. Ну так что с нападавшим? Вы помните, кто вас ударил?

Артём задумался. Если честно, то он не помнил точно того, кто его ударил, он видел лишь набегавшую фигуру. При этом он сомневался, что это был тот самый долговязый тип в белой рубашке с красным галстуком — слишком уж он был невменяем, да и придушил его Артём неплохо, так что вряд ли он бы так быстро пришёл в себя, чтоб хватать бутылку и снова кидаться на него. Но в Артёме сидела злость на всю эту компанию: «Все они одинаковы, подонки. Ведь и малолетками уже не назвать, а смелые толпой на лежачего кидаться. Я же отпустил этого гада, пожалел, а мог так врезать, что не собрали бы потом. Правда, сейчас, возможно, пришлось бы тут сидеть уже в другом качестве. Хотя, это была бы самооборона, он ведь первый на меня с вилкой кинулся. Но я ведь отпустил его, а они... Гады! Ну и пусть тогда этот отвечает за всех». Он посмотрел на дознавателя:

— Помню. Долговязый такой. Я заметил, он был в белую рубашку одет и красный тоненький галстук. Он перед этим ещё на меня с вилкой кидался.

— Это тот, которого задержали?

— Вроде он. Меня в «скорую» сразу увезли, я сильно не разглядывал, кого поймали. Да и голова раскалывалась.

— Сейчас-то вам полегче? — впервые за всю беседу дознаватель посмотрела на Артёма с некоторым участием.

— Полегче, мне таблетку там дали. Да... у меня ещё кошелёк из куртки пропал.

— Кошелёк? Что в нём было?

Артём пожал плечами:

— Деньги.

— А кроме денег? Карточки банковские, документы какие-нибудь?

— Нет, карточка с паспортом у меня во внутреннем кармане, они на месте.

— Я так думаю, если даже это их рук дело, то валяется сейчас ваш кошелёк пустой в каких-нибудь кустах. Если бы карточка пропала, можно было бы попробовать отследить, где всплывёт. А от кошелька они отбредутся, скажут, сами вы его потеряли, без их участия. Вы же купюры свои не переписывали? Поверьте моему опыту, кошелёк на них повесить не удастся.

— Ладно, бог с ним, с кошельком. Там не так много и было.

— Хорошо, тогда подпишите вот здесь, что вы предупреждены об ответственности за заведомо ложный донос, и можете выйти в коридор, вот вам бумага, там есть образцы, напишите заявление на имя начальника РОВД. Подробно укажите все обстоятельства произошедшего: где, когда, что. Укажите, с кем были и обязательно ваши контактные данные.

Артём взял бумагу и вышел. Подробно описав в заявлении всё, что случилось в кафе, он вернулся в кабинет.

— Вот, готово.

— Хорошо, давайте сюда. Контакты написали? Как с вами можно связаться? Вы не местный?

— Нет, я из областного центра. Просто, сейчас в отпуске, у дядьки в деревне гощу, а сюда с другом повидаться на денёк

приехал. Там мой мобильный написан, в принципе, я всегда на связи.

— Хорошо, тогда сейчас с этим заявлением спускайтесь обратно к дежурному, он его зарегистрирует и даст вам бумагу об этом. Потом можете быть свободны. Позже мы вас уведомим о принятом решении.

— Так, а куда мне идти-то потом? Ночь уже на дворе, у меня автобус только в семь утра будет.

Дознаватель удивлённо подняла на него глаза:

— Я не знаю. Знакомые у вас же есть тут? Вы же сказали, что к другу приехали.

— Знакомые? Да, конечно, есть. Ладно, извините, — смутился Артём. — Я ещё туго соображаю, похоже. Где-нибудь перекантуюсь до утра.

Идти к Игорю в такое время и в таком виде ему не хотелось.

— погодите, — вдруг остановила его дознаватель. — Присядьте ещё на минутку.

Она сняла телефонную трубку и набрала номер:

— Алло, «Маяк»? Это вас из РОВД беспокоят, дежурный дознаватель Суртаева. У нас к вам небольшая просьба. Сейчас к вам подойдёт один человек, — она заглянула в лежащие перед ней бумаги, — Сотников по фамилии. Вы не могли бы его приютить в холле до утра? Да, просто в холле, ну чтоб человеку не на улице ночевать, у него утром автобус. Хорошо, спасибо.

Она положила трубку и повернулась к сидящему Артёму:

— У нас возле автостанции есть небольшая гостиница, «Маяк» называется. Идите туда, они вас пустят к себе просто хотя бы переждать до утра. Чтобы в тепле, а не на улице вам сидеть, раз идти не к кому. У них там в холле кресла есть, диванчик, думаю, это всяко разное лучше, чем на лавке у вокзала.

Артём встал. Он почувствовал к этой строгой и усталой женщине искреннюю благодарность и тихо произнёс:

— Спасибо вам огромное. Спасибо.

— Пойдите ещё. — Она снова сняла трубку. — Алло, это Суртаева. Максим, там никто из наших сейчас в сторону автостанции не едет? Ага, хорошо... Придержи их на пару минут. Сейчас к тебе потерпевший с «Волны» спустится, ты зарегистрируй

его заявление и попроси, чтобы они его подбросили до «Маяка». Хорошо? Нового ничего пока нет? Ну ладно, я у себя. — И снова Артёму: — Всё, спускайтесь к дежурному, он, как я уже сказала, ваше заявление примет, а потом вас подвезут до гостиницы. И вот визитку мою возьмите, если будут какие вопросы — звоните.

Артём взял визитку и сунул её во внутренний карман.

— Спасибо, — повторил он и вышел.

Как это ни показалось бы странным, но впервые за день именно здесь, в этом хмуром ночном РОВД, он почувствовал в душе какое-то спокойствие. Может, от того, что вот эта уставшая женщина в форме капитана полиции проявила к нему не формальный служебный интерес, а обычное человеческое участие? Вдруг оказалось, что за серой формой скрывается живой человек, который может сопереживать, сочувствовать, даже если и сидит в неудобном служебном кабинете. И от осознания этого на душе у Артёма стало чуточку теплее.

Его подсадили в «УАЗик» к экипажу, который как раз приезжал по вызову в кафе.

— Ну и как? — спросил прапорщик, сидевший рядом с ним на заднем сиденье. — Привели вам голову в порядок? Полегче хоть стало?

— Да, сейчас полегче, — чуть улыбнулся Артём. — Там таблетку дали. Мутит, правда, немного, но это ерунда, жить можно.

— Мы того гаврика на освидетельствование свозили. То, что пьяный, это факт, так что, отягчающее точно будет, но, может, ещё чего у него найдут. До утра у нас в «обезьяннике» посидит, а дальше поглядим, что с ним делать.

Подъехали к перекрёстку со светофором, мигающим жёлтым глазом.

— Вон «Маяк», тридцать метров пройти, — старлей, сидящий на переднем сиденье, показал рукой на светящуюся вывеску. — Давай, удачи!

— Спасибо, ребята, что подвезли, — поблагодарил полицейских Артём, вылезая из машины.

«УАЗик» подмигнул ему поворотником и медленно двинулся дальше по тёмной улице. К ночи ветер усилился и заметно похолодало. Облака быстро неслись по небу, а между ними кое-где уже мелькали звёзды. Погода менялась.

Кофта в целлофановом мешке сильно оттопыривала карман. Артём достал её: «Зачем она мне сейчас? Всё равно ведь не отстирать уже. Если бы сразу, а так — только лишнее напоминание», — и он, выбросив её в ближайшую урну, пошёл в гостиницу.

6 октября

Дежурная в гостинице, молодая симпатичная женщина лет тридцати пяти в бежевом деловом костюме и мягких домашних тапочках, предложила Артёму чай.

— Не откажусь, — согласился он, — а то с чаем у меня сегодня как-то не задалось.

— А что у вас с головой, если не секрет? — спросила женщина, с нескрываемым интересом глядя на свежую повязку на голове необычного постояльца.

Они сидели в холле возле небольшого стеклянного столика. Сделав себе крепкий кофе, улыбаясь дежурная налила Артёму сладкий чай и поставила на столик вазочку с малюсенькими гостиничными конфетками, а также положила пачку какого-то печенья.

— Да так, ерунда... Случайно ударился. — Артём с удовольствием отхлебнул из чашки. Сейчас, когда всё, что случилось за предыдущий уже день, было позади, он почувствовал сильную усталость.

— Бандитская пуля? — засмеялась женщина. — Вы сами тоже из полиции?

— Да нет... Я из смежной организации, — улыбнулся в ответ Артём.

Правда, не будет же он ей рассказывать, что об его голову в их кафе «Весна» несколько часов назад разбили пустую бутылку из-под водки. Женщина явно была не против поболтать подольше, дабы скоротать своё ночное бдение, но у Артёма, видимо, был такой уставший вид, что она поняла, что разговоры сейчас будут неуместны. Дежурная взяла ключ и открыла служебный кабинет, который был тут же, у стойки администратора.

— Вы вот здесь лучше прилягте. В холле вам неудобно будет, а здесь диван побольше, сможете хоть лечь нормально, в полный рост.

— А вы как же?

— Ой, что вы! — дежурная взмахнула руками. — У нас хозяйка ругается, если кто ночью вдруг заснёт. Так... за ресепшеном, может, чуток покоемаришь не ложаешься и всё. Мало ли что может случиться или что кому понадобится.

— Так ночь на дворе, спят все. Что кому может понадобиться в такое время?

— Всякое бывает. Я вот пятый год уже работаю, так, то кому таблетка какая-нибудь нужна, то уютюг посреди ночи просить начнут, то кто-то чаю захочет. А чуть что, так сразу жаловаться, а нас потом штрафуют.

— И много народу у вас живёт?

— Да откуда много возьмётся в нашей дыре? У нас всего-то двенадцать номеров, но шесть-восемь всегда заняты. Командировочные в основном, туристам-то у нас делать нечего. Хотя и такие бывают. Вот в прошлом году мужчина один...

Артём улыбнулся и жалобно посмотрел на словоохотливую женщину. Та, поняв его гримасу, тоже улыбнулась:

— Всё, всё, извините, ухожу. Ложитесь, отдыхайте. Во сколько у вас автобус идёт?

— В семь часов.

— Давайте, я вас в шесть разбужу, если сами не проснётесь. Хорошо? Ещё чаю успеете утром выпить.

— Спасибо, хорошо. — Артём снял куртку.

— Ой, вы как-то и куртку прямо сразу на майку носите? — снова удивилась женщина.

— Это случайно вышло. Кофта замаралась, выбросить пришлось.

— Ну ладно, всё. Не буду вас больше мучить, ухожу, — дежурная выключила свет и закрыла за собой дверь.

Артём разулся и лёг, с удовольствием вытянувшись на кожаном диване. «Что-то не задался мой отпуск, — тяжело вздохнул он. — Может, я вообще зря сюда поехал? Но хотел ведь отдохнуть, развеяться, отвлечься. Да уж, отвлекся, называется».

Внезапно к горлу у него подкатил комок, а на глазах вдруг выступили слёзы. «Ну вот ещё, только этого не хватало», — он сел и энергично растёр лицо ладонями. Он где-то читал, что люди плачут, когда жалеют себя: «Давай, распусти нюни, пожалей себя бедного и несчастного». Встав, он подошёл к окну и посмотрел на улицу. В стороне стоял монотонно мигающий своим жёлтым глазом светофор. Редкие фонари тускло освещали грязный асфальт, голые ветки тополей качались на ветру, а в небе уже почти не было облаков. Там тонким месяцем пыталась светить на землю луна, но у неё ничего не получалось. «Новолуние», — подумал Артём. Он вернулся к дивану и снова лёг. Повернувшись на бок, приказал себе: «Всё! Спать! Завтра будем думать, что дальше делать».

Уснул он и вправду крепко, может, сказала таблетка. Утром администратор растолкала его в начале седьмого:

— Мужчина, вставайте! На автобус опоздаете, уже седьмой час! — она трясла его за плечо, и, видимо, уже не в первый раз.

Наконец он очнулся ото сна:

— Ой, простите, что-то я разоспался. — Артём сел, протирая глаза. Он тряхнул головой, но та сразу же отозвалась тупой болью. — М-м-м... День вчера был нервный, устал, наверное.

— Ничего, бывает. Если сейчас пойдёте на вокзал, то успеете. А вот с чаем уже навряд ли получится.

— Ладно, без чая обойдусь.

Наскоро ополоснув лицо, Артём ещё раз поблагодарил гостеприимную дежурную и пошёл на автостанцию. За ночь похолодало ещё сильнее. Опавшая листва была густо покрыта рыхлым инеем, скрипевшим под ногами, а края неглубоких луж белели хрупкой ледяной каймой. Впервые за много дней в тёмном предрассветном небе блестели холодные осенние звёзды. Ветер стих.

В куртке без кофты было довольно прохладно. Артём поёжился и набросил на голову капюшон. Он не стал снимать его и в автобусе, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания своей повязкой.

Когда Артём вошёл в дом к дяде Гене, тот растапливал печь. Увидев племянника с перевязанной головой, он на секунду замер, а потом захохотал. Понимая, что смех может быть не очень

уместным, он, как мог, старался сдерживать себя, но у него ничего не получалось. Артём, глядя на смеющегося дядьку, тоже улыбнулся.

Тот, наконец, взял себя в руки и сделал серьёзное лицо:

— Ну, племянш, не знаю, что и сказать. Тебя, прямо, хоть из дома не выпускай. Не можешь без приключений? — и он снова засмеялся.

— Ничего смешного. — Артём снял куртку. Дядя Гена, увидев, что под курткой кроме майки ничего больше нет, захохотал пуще прежнего.

— Так тебя ещё и ограбили? Раздели? — не мог остановиться он. — Где ж тебя так угораздило?

— Да ну тебя! И так голова болит.

— Ладно, ладно, не обижайся. Рассказывай, где был, кого видел, — он с трудом сдерживал себя, чтоб снова не расхохотаться.

Артём рассказал дядьке всё, что случилось с ним за эту поездку в райцентр.

— М-да... Ну и что думаешь делать сейчас? — спросил дядя Гена.

— Знаешь, голова у меня болит, да и подташнивает. Наверное, и вправду, сотрясение. Я пойду полежу лучше, может, посплю ещё.

— Ну давай, давай. А завтракать-то будешь?

— Нет, что-то не хочется. Если только потом, ближе к обеду.

Артём ушёл в горницу, разделся и лёг на диван. В окно ярко светило солнце, и это было так непривычно. От синего неба резало в глазах. Дядя Гена старался не шуметь, чтобы не мешать племяннику. Однако, как ни старался Артём уснуть, сон не шёл. К тому же настроение было, мягко говоря, не очень хорошее.

— Дядь Ген! — позвал племянник дядьку.

— Чего ты? — вошёл тот в комнату.

— Ты управился уже? Не занят?

— Не занят. Печку затопил, позавтракал, — дядя Гена присел на краешек дивана. — А ты чего хотел? Не спишься?

— Слушай, я спросить вот тебя хочу... — Артём помолчал немного, собираясь с мыслями. — Ладно — продавщица ваша, Зинка. Но, по-твоему, этих уродов, что мне по голове бутылкой дали, я тоже любить должен? По этому самому греческому «агапэ»?

Сострадать им и ценить их? Там как сказано — люби ближнего своего, да? А кто этот ближний? Не хочешь же ты сказать, что эти дебилы мне ближние?

Он посмотрел дядьке в глаза. Тот вздохнул, помолчал, потом встал и подошёл к окну. Артём заметил, что он часто так делал, когда собирался с мыслями: смотрел куда-то вдаль, словно искал там ответа на заданный вопрос.

— Солнце наконец-то выглянуло. Наверное, первый раз за последние десять дней, — и снова умолк, глядя на улицу. Племянник тоже молчал, лёжа на диване и наблюдая за ним. Дядя Гена снова вздохнул. — Слушай, Артём, а как ты думаешь, кому это солнце светит?

— В смысле — кому? — не понял племянник. — Естественно, всем светит. Ты к чему опять клонишь?

— К чему клоню? Да к тому, что вот солнце светит всем, а не только тем, кто им любитесь да нахваливает его. И вообще — оно просто светит и всё, и даже если все от него спрячутся в домах или за деревьями, оно не перестанет светить. Ты, племяш, не понял до конца, о чём я тебе толковал позавчера. Не понял про ту любовь, о которой я тебе говорил. Но это нормально. На это время нужно, да и то при желании разобраться. Ведь кто-то и вовсе думать об этом не хочет. Понимаешь, человек, у которого внутри есть любовь, кто пребывает в любви — он вот как это солнце. Не может он одних любить, а других нет. Но к этому надо прийти, это в одночасье не происходит. Однако без соответствующего стремления не произойдёт никогда. Не может человек, в котором живёт настоящая любовь, любить лишь какую-то избранную им самим кучку народа, а остальных ненавидеть, осуждать.

Да, сначала человек должен научиться любить хотя бы тех, кто живёт с ним рядом: родных, соседей, друзей, коллег по работе. Тех, с кем он регулярно общается. Но потом ты сам увидишь, что просто не сможешь остановиться на этом. Возрастающая в душе любовь будет проситься наружу, будет идти вширь, захватывая всё больше и больше людей. Это не просто, как я уже сказал, но это того стоит.

Некоторые религии или конфессии определяют круг близких, как родственников, соседей, тех, кто рядом живёт. Некоторые считают таковыми только своих единомыслителей. Но я не могу с этим

согласиться. Это всё полумеры, и такой подход возможен, как я говорил, лишь поначалу. Если мы признаём всех людей братьями, говорим, что все они являются творениями одного Бога, что все мы равны, то как же ты будешь выделять для себя каких-то особенных «близких»? То есть, все равны, но есть те, которые «ровнее», что ли? Нельзя любить и ненавидеть одновременно. Ненависть рано или поздно завладеет всем человеком, и от любви не останется и следа. Сам не заметишь, как это произойдёт. Да, вполне может быть ненависть к врагу в бою, например, но она не должна захватывать душу, она должна потом исчезнуть. И может, и должно быть неприятие греха как такового, но не ненависть к тому, кто, увы, согрешает. Понимаешь?

— Но как?! — Артём вскочил с дивана. — Я всё равно не понимаю, как я могу полюбить их всех?

Он сморщился и, взявшись за голову, сел обратно.

— Что, болит? — дядя Гена подошёл к племяннику и приобнял его за плечи. — Ложись, не скачи.

— Слушай, там у меня в куртке в кармане таблетки лежат, в бумажку завёрнуты. Ты бы мог принести?

— Сейчас принесу. — Дядька вышел в прихожую и через минуту вернулся с таблетками и стаканом воды. — Держи.

Артём проглотил таблетку и уже спокойным тоном повторил:

— Как я их полюбить всех могу, если один вид неприязнь вызывает?

— Это уже другой вопрос. Начать надо хотя бы с понимания того, что тебе без любви, вернее, душе твоей без неё никак нельзя. Должно присутствовать внутреннее ощущение и осознание, что любовь нужна человеку как воздух. Ощутить потребность не столько в том, чтобы тебя любили, а в том, чтобы любить самому. Захотеть этого. В данном случае гораздо важнее, поверь мне, когда ты отдаёшь, а не получаешь. Конечно, мы все хотим быть любимыми кем-то, и это нормально, так устроена человеческая природа, но это лишь животная её часть, и этим ни в коем случае нельзя ограничиваться. Отдавать в этот мир любовь не менее необходимо человеку, и вот это уже касается твоей души. Иначе она зачерствеет и покроется пылью. А что касается «получать самому», то душе, по большому счёту, достаточно лишь знать, что она любима Богом, и всё. Ей для счастья этого вполне достаточно.

Артём вздохнул, закрыл глаза и прилёг на подушку:

— Хорошо, допустим, ты меня убедил, и я хочу этого. Но ты так и не сказал, как я смогу сделать это на практике, если не ощущаю не только любви, но даже элементарной симпатии к этим людям? Я специально вот ехал в автобусе и разглядывал тех, кто рядом сидит. От силы два-три человека, на кого я могу смотреть с каким-то интересом, а к остальным — либо никак, либо наоборот — только негатив.

— Ты по-прежнему понимаешь слово «любить», как обниматься, целоваться, вести душевные беседы и прочее. Совсем нет. Любить человека, это как минимум не осуждать его, сопереживать и сочувствовать ему, относиться по справедливости. Почему ты не можешь посочувствовать тем, кто ударил тебя по голове бутылкой? Я же тебе говорил уже про это: таких только пожалеть и остаётся.

— Да в чём сочувствовать-то?! — снова стал кипятиться Артём. — Сочувствовать, это, как я понимаю, чувствовать то же, что и другой чувствует. Но что чувствует тот, который меня в спину толкнул?! Или тот, кто с вилкой на меня кинулся? У них же, мне кажется, вообще никаких чувств нет, или гадость какая-нибудь: где бы денег на водку взять да развлечься с друзьями. И что? Я им в этом сочувствовать должен?

— Согласен. В этом, конечно, им сочувствовать не надо. Но вспомни, что говорил Иисус, когда его распинали на кресте. «Прости им, Отче, ибо не ведают, что творят». Ведь делать такое могут только люди слепые духовно, чьё сознание находится на уровне животного или даже хуже. Разве не заслуживают они из-за этого жалости? Несчастные и заблудшие, губящие жизнь и душу свою, и при этом действительно не видящие этого. Но, понимаешь, Иисус ведь просил прощения у Бога не для самих людей, которые окружали его там, которые издевались над ним, а для их душ. Ведь и в таких людях есть что-то человеческое, и у них есть та самая душа, но она забита, унижена, загнана в самый дальний угол. Так вот пожалеть нужно именно эту душу, бедную и несчастную. Увидеть эту душу там, в глубине, под слоями грязи и мерзости и пожалеть её, ей посочувствовать в её страдании!

Но проблема в том, что мы не привыкли видеть в людях их души. Мы видим только внешнюю оболочку, и, если она нам не

нравится, мы считаем, что этот человек не достоин нашей любви. Мы просто привыкаем осуждать всех вокруг, критиковать, считать недостойными нашей симпатии и сочувствия. И проблема тут снова в том, как мы вообще понимаем это слово — любовь. А про это я тебе уже говорил.

И я убеждён, что относиться к людям именно таким образом — это привычка. Мы переняли её от наших родителей, от друзей, от соседей, в конце концов, — от всего общества, в котором живём, потому что все вокруг так живут, вот и мы начинаем делать то же самое. Человек так устроен, что если он не включает свои мозги, то просто копирует окружение. Поэтому и важно учиться думать самому. И если ты хочешь изменить себя, научиться любить, ты должен вырваться из этого замкнутого круга! Ты должен сказать себе «Стоп!», я не хочу так дальше жить, я хочу научиться любить по-настоящему, любить людей так, как любит их Бог, любить их так, как я люблю Бога, потому что все они созданы Им же по образу и подобию Его. А образ и подобие эти заключаются, в первую очередь, в наличии души, в способности творить, созидать через любовь, а не в наличии головы, двух рук да двух ног. Но заблудились мы все в понимании этого, заблудились в самих себе. Вот что страшно! И продолжаем ходить в духовной темноте, губить себя, по сей день не ведая, что творим. И так изо дня в день всю свою жизнь. Продолжаем распинать, только уже не Христа, а друг друга, самую любовь своей ненавистью да невежеством распинаем! А впрочем, и Христа тоже распинаем, только уже в духовном плане, потому как отказываемся жить так, как он завещал. Поклоны бьём, посты соблюдаем, а любви ни на грамм больше не стало.

Дядя Гена опять подошёл к окну и замолчал. Молчал, задумавшись, и Артём. Он снова сел на диване и спросил:

— Ну и как вырваться из этого замкнутого круга?

— Что? А... как вырваться, говоришь? Начать видеть в каждом человеке человека. Стараться видеть в нём его душу, а не только оболочку из мяса и костей. Вот идёт тебе на встречу человек, а ты смотри на него и думай: «Я люблю тебя», ну или «вас», это неважно: как удобнее, как воспитание позволяет. Просто думай так и всё. Больше ничего и не требуется. И так с каждым встречным. Вошёл в автобус, посмотрел, кто рядом сидит, и скажи ему мысленно: «Я люблю тебя». Конечно, не надо говорить это

вслух. Со временем заметишь, что просто перестал хотя бы коситься на незнакомых, осуждать тех, кто тебе чем-то не нравится. Я тебе серьёзно говорю — на первом этапе это банальная привычка. Бывает, что смотришь на кого-нибудь, а сказать эти три слова просто не получается, будто внутри что-то против восстает, а ты всё равно говори, пересиливай себя как бы ни было тебе трудно. И старайся говорить это, обращаясь именно к душе его. Не заикливайся на внешности, нравится она тебе или нет, думай о том, что там, за ней. Так, со временем, глядишь, и научишься мыслить по-другому. Но при этом с самим человеком ты можешь вовсе и не общаться, поскольку действительно не приемлешь его манеру поведения, его образ жизни, привычки, характер и прочее. Про это вообще лучше не думать. Никто ведь тебя не заставляет соглашаться с ним во всём, обниматься при встрече, улыбаться ему.

— И всё? — удивился Артём. — Больше ничего не нужно?

Дядька рассмеялся:

— А ты сначала попробуй. Может, потом скажешь: «Ничего себе, как трудно!» Но это лишь первая часть, так сказать — рефлекторная, поменять свою привычную реакцию на окружающих. А потом сложнее, когда ты сам становишься маленьким солнышком, когда внутри словно зажигается лампочка любви, которая просто светит всем вокруг независимо от того, есть ли кто рядом или нет. Вот так, как я тебе про солнце сказал. И ты, встречая человека, даже перестаёшь думать «Я люблю тебя», это происходит само по себе, ты по-другому уже не можешь. И обратного пути тоже нет. Впрочем, падения будут, наверное, всегда, но ты увидишь, что любая ненависть, появившаяся в твоей душе, злоба к кому-либо, будут доставлять тебе же самому сильную душевную боль и страдание. Страдание от соприкосновения с нелюбовью. И это, на самом деле, тяжело, поэтому самому захочется снова вскочить на ноги как можно быстрее и стряхнуть эту грязь с себя. Иногда кажется, что рухнуло всё, что не получается ничего, погасла лампочка внутри. В такие моменты к Богу обращайся, Его о поддержке проси. И если будешь твёрд в намерении, то обязательно снова лампочка загорится.

Артём слабо улыбнулся:

— Надо будет попробовать.

— Попробуй. Ну как голова твоя, лучше стало после таблетки?

— Да, помогает. Слушай, я бы, наверное, немного поел уже.

— Давай, я сейчас чего-нибудь свеженького сварганю по-быстрому. Только хлеба нет, я собирался с утра в магазин сходить, да вот с тобой разговорились.

— Давай я сбегая, — предложил Артём. — Ты мне только кофту дай какую-нибудь тёплую, а то у меня одна была. Да, слушай, у меня же кошелёк ещё пропал с деньгами. Карточка только осталась, но у вас, кажется, в магазине карты не принимают, только наличку. А в райцентре я снять не успел, рано уехал.

— Вытащили кошелёк, что ли?

— Не знаю, наговаривать не буду, может, сам где выронил.

— Сейчас. — Дядя Гена дал племяннику деньги. — Возьми тогда сразу ещё спагетти тонких и к чаю чего-нибудь: халвы там, зефир, что будет... Пряники только не бери, я мучных этих сладостей как-то не люблю.

— Хорошо, — Артём подошёл к зеркалу, — сейчас только бинты эти сниму, а то хожу как не знаю кто...

— Может, не надо пока? Не торопиться?

— Ничего, там не сильно. — Он аккуратно снял повязку с головы. — Вот и ладно. Ну всё, я пошёл.

Лёгкий морозец на улице не отступал. Там, где солнце успело осветить своими лучами землю, иней растаял, и трава стояла мокрая, словно в густой холодной росе. Но там, где была тень, белые кристаллики льда лежали нетронутыми.

У соседнего дома Артём увидел во дворе Людмилу:

— Тётя Люда, добрый день! Я в магазин пошёл, может, вам чего-то купить заодно? — крикнул он соседке.

— Здравствуй, Артём! — подошла та к забору. — Ну раз такое дело, возьми мне соли крупной, для засолки которая. А то завтра капусту солить собралась, глянула, а соли-то у меня почти не осталось.

— Сколько взять?

— Килограмма три, мне хватит. Погоди, я тебе денег дам.

— Да не надо, сколько там она сто́ит-то, соль эта, копейки, — отмахнулся Артём.

— Ну как же? Всё равно.

— Не надо, вы и так, вон: то оладьев, то блинов наделаете. Чего, считаться, что ли, будем?

Людмила улыбнулась:

— Ну ладно, спасибо тебе.

Артём кивнул и зашагал дальше. Выйдя на центральную улицу, он увидел идущую навстречу ему небольшую группу школьников. Похоже, это были шести-, семиклассники, три-четыре девчонки и столько же пацанов. Они что-то громко говорили друг другу, смеялись, мальчишки задирали девочек, а те отмахивались от них пакетами со сменной обувью и хохотали. Раньше Артём не обратил бы на них никакого внимания и просто прошёл мимо. Сейчас же он внимательно посмотрел на ребятшек и мысленно сказал им: «Я люблю вас». Поразительно, но в тот же миг он ощутил, словно внутри у него что-то поднялось против этих слов — настолько неестественно и непривычно они прозвучали в его голове. Он никогда в своей жизни никому не говорил ничего подобного, разве что Эльвире, ну понятно, ещё дочке в какие-то моменты, да и то нечасто. «А ведь и вправду — как-то не по себе даже стало», — смутился он и отвёл глаза от ребят, которые прошли совсем рядом.

В кармане завибрировал телефон. Артём посмотрел на экран — звонила мать.

— Да, мам, привет, — он остановился на обочине.

— Алло, Артём, ты где сейчас, в деревне? Что у вас с Эльвирой случилось? — голос у матери был встревоженный. — Я позвонила ей, спросила, как там Полина, как у них дела, а она сказала, что ты ушёл из дома. Артём, что у вас произошло?

— Мам, ты только не волнуйся, пожалуйста, но ничего страшного и катастрофического не случилось. Да, я ушёл от Эльвиры, мы разводимся. Думаю, рано или поздно это всё равно бы произошло.

— Почему ты мне сразу не сказал? Ты сам в порядке?

— В полном, не переживай. Я в деревне у дяди Гены. Сейчас вот в магазин за хлебом пошёл. Всё нормально, поверь мне. Всё будет хорошо.

— Как там Геннадий-то? Жив-здоров?

— Да, он в порядке. Привет тебе передавал.

— Ну ладно... От меня тоже ему привет передавай. У Петра был? Ты долго там ещё будешь?

— Не знаю, как получится. Может, недельку ещё погощу. У Петра тоже был, у них всё по-старому.

— Ну ладно, — повторила мать. — А то я уж не знала, что и думать. Главное, уехал, а про то, что из дома ушёл ни слова. Ой, господи... Чего ж не живётся-то вам...

— Мам, не переживай. Да, я что хочу ещё сказать... — Артём сделал паузу. — Я тебя люблю.

— Что? — не поняла мать.

— Я говорю: люблю тебя, мам.

На этот раз на секунду замолчала мать.

— Спасибо, сынок, я тебя тоже люблю.

Артём убрал телефон и улыбнулся, на сердце у него словно немного посветлело. Он посмотрел по сторонам. По правую от него руку какая-то старушка хлопотала в небольшом огорожке, что-то поддевала на вилы, перекаладывала с места на место. Позади неё топталось несколько овечек. Они суетливо тыкались мордами старухе в карман, выпрашивая кусочек хлеба. Мысленно обращаясь к женщине, Артём уже смелее сказал про себя: «Я тебя люблю».

С облегчением вздохнув и расправив плечи, он пошёл дальше. Сердце колотилось словно от волнения, хотя, казалось, чего ему было волноваться? Он был один на пустынной улице, но внутри ощущал какие-то новые, непривычные для себя чувства. Словно что-то зашевелилось где-то там, в глубине его души и стало ворочаться, проситься на волю, но от этого было даже страшновато: а вдруг не получится ничего, а вдруг только хуже будет, может, тогда и не надо ничего ворошить, не надо никаких «Я тебя люблю», пусть всё остаётся по-прежнему, живут же как-то люди и без этого...

Из переулка вывернул на телеге пожилой мужик.

— Н-н-но-о, давай шевелись, ядрёна-матрёна, — чуть дёрнув вожжи, он лениво ругнулся на понурую лошадь. — Михална, здорово! — крикнул он бабке с вилами.

— Ай? — не поняла та и глянула на мужика, прищурился подслеповатые глаза.

— Я говорю: здорово!

— Фёдор, ты ли чо ли? Здорóво, здорóво...

— Ты кого там делаешь-то?

— Да ботву картофельную прибрать надо, а то осталась вот. Как картошку-то копали, так сразу сжегчи хотела, да дожди не дали.

Мужик мельком глянул на поравнявшегося с ним Артёма, который тоже посмотрел на него и снова мысленно сказал: «Я люблю тебя». Как же это было не привычно! Внутри у него опять всё буквально съёжилось это этих простых слов. Артём смущённо отвёл глаза и стал смотреть в другую сторону. «Правда, как-то по-дурачки всё это звучит», — он ускорил шаг.

И вот снова тот самый магазин «Продукты. Круглосуточно», снова та же продавщица с бейджиком «Зинаида».

— Добрый день, — улыбнулся Артём, подходя к прилавку-морозильнику. — Будьте добры, мне спагетти тонкие и халвы или зефира, что есть...

Не сказав ни слова, Зинаида повернулась и полезла в какую-то коробку, стоявшую на полу под полками. Артём посмотрел на неё и, буквально пересиливая себя, мысленно сказал: «Я тебя люблю». У него было ощущение, словно он стоит на некоем экзамене перед строгим преподавателем. По правде говоря, к Зинаиде он не испытывал ни малейшей симпатии, можно сказать, что её манеры, наоборот, вызывали лишь неприязнь, но он снова посмотрел в её худую спину и повторил про себя дважды: «Я тебя люблю. Я люблю тебя».

Продавщица выпрямилась и положила перед Артёмом упаковку спагетти.

— Девушка, я просил тонкие, а это обычные, — как можно мягче сказал он.

— Уж какие есть, — бросила та.

— Ну тогда, значит, не надо. Вы бы хоть спросили, нужны мне такие или нет. — Артём почувствовал лёгкое раздражение к этой невесте чего возмнившей о себе работнице прилавка. — А что с халвой или зефиром?

— Есть и то, и другое. Что именно вам нужно?

— Зефир свежий? Не твёрдый, не засахаренный?

— Мужчина, я что, по-вашему, их все пробую, что ли? — Зинаида бросила на него недовольный взгляд.

— А что вы так со мной разговариваете? — нахмурился Артём. На смену лёгкому раздражению быстро пришло возмущение. Он тут же позабыл всё, что только что говорил про себя. — Нормально ответить воспитание не позволяет?

— Я с вами нормально разговариваю, — в голосе Зинаиды послышался металл. — А вот оскорблять меня не надо.

— Это у вас называется «нормально разговариваю»?

— Мужчина, вам что-то не нравится? — Зинаида уставилась немигающим взглядом куда-то в грудь Артёма.

— Да иди ты! Научись сначала с людьми общаться, а потом уж за прилавок вставай! — Артём выскочил на улицу, с трудом сдерживая возрастающий гнев и громко хлопнув дверью.

«Вот собака! Хамьё!» — внутри у него всё бурлило. Он посмотрел по сторонам, дядька говорил, что у них на «площадке» два продуктовых магазина. Есть ещё один где-то на самом въезде в деревню, но туда топать далековато. Чуть в стороне он заметил небольшой вагончик без вывески, только с небольшим графиком работы у двери. На него сразу и не подумать было, что это магазин, но оттуда как раз вышла тётка с полной сумкой.

— Скажите, там продукты продают? — спросил он её, когда она проходила мимо.

— Продают, — кивнула та, внимательно и с каким-то подозрением глянув на Артёма.

«Совсем уж я тут посторонний стал, — подумал он. — Смотрят, как на чужака. Никого ещё из знакомых не встретил, кроме бабы Нюры. А может, все уже и вправду поразъехались».

Он отошёл в сторону к фонарному столбу, достал сигареты и впервые за день закурил. Затянувшись пару раз, Артём немного успокоился: «Так, всё, тихо, тихо, — говорил он себе. Потом снова подумал о Зинаиде. — Ладно, фиг с тобой, мне плевать на то, что ты разговаривать с людьми не научилась. Твои проблемы. Я тебя всё равно люблю, понятно? И вот что ещё — жалко мне тебя, Зинаида. Хамишь людям и даже сама не видишь этого. Но я тебя вовсе не осуждаю, бедная ты баба, никто тебя этому не научил. Да, наверное, и не любил тебя никто особо. По-настоящему. Может, мамка с папкой ремнём пороли, а может, папки и вовсе не было, вот

ты такая дура и выросла. А я тебя всё равно люблю, какая бы ты ни была. Вот так вот. Но за халвой пойду во-он в тот ларек, а ты тут стой одна без выручки, может, о чём и задумаешься когда-нибудь». Бросив окурок, он засмеялся своим мыслям и пошёл в магазинчик.

Тонких спагетти здесь тоже не оказалось, но зато Артём купил и свежего мягкого зефира, и хорошей, рассыпчатой халвы. Тамошняя продавщица даже разрешила ему попробовать её на вкус, отколов ножом небольшой кусочек. Он не забыл и про соль, взяв Людмиле целых пять килограмм: «Чего с ней сделается? Коли всю не использует, так пусть лежит, не испортится».

Выйдя на улицу, Артём улыбнулся. К этому часу стало заметно теплее. Солнце, ярко светившее в синем небе, понемногу всё же пригревало, хоть и заметно слабее по сравнению с летом. Иней, таявший на крышах, падал в лужи крупными звонкими каплями, словно на улице была весна.

Натужно ревя двигателем, из-за кустов на «площадку» вырулил рейсовый «ПАЗик». Недовольно фыркнув и скрипнув дверьми, он выпустил на волю своих пассажиров. Артём опять подошёл к тому же столбу и прислонился к нему спиной. Он стал смотреть на выходящих людей и каждому, кто появлялся из дверей, мысленно говорить: «Я тебя люблю».

Давалось это ему не просто. Ну чего бы не сказать три этих слова молодой блондинистой девахе с модной сумочкой на плече, лихо выпрыгнувшей на асфальт? Даже с удовольствием! Но вот показались два парня: лет двадцати, внешне похожие на тех, с которыми вчера случилась драка в кафе. У Артёма внутри всё замерло, не шли эти слова в их адрес. «Но ведь они только похожи на тех, может, это нормальные ребята. Чего ты? — говорил он себе. — Дядька вообще говорил, что на внешность и смотреть не нужно, к душе надо обращаться». Протяжно выдохнув словно перед поднятием тяжёлой штанги, он всё же послал каждому из парней мысленное «Я люблю тебя».

Всего пассажиров было порядка пятнадцати человек. Артём постарался не пропустить ни одного, и под конец ему показалось, что он даже вспотел. Он так разволновался, что снова закурил. Было ощущение, будто он проделал большую и трудную работу, однако в то же время на душе стало как-то легче и спокойнее. «Вот

дела! Выходит, правду дядька говорил, что не так-то это просто. А может, это с непривычки? Ничего, прорвёмся!»

К приходу Артёма дядя Гена успел сварить куриный суп с лапшой.

— Ну как? Удачно сходил?

— Спагетти только не купил, а так всё взял: хлеб, халву, зефир. Были обычные, толстые спагетти, но я не стал брать, думаю, не к спеху, поди.

— Ничего, не к спеху. Позже куплю.

— Людмиле ещё соли взял для капусты. Когда туда шёл, то её увидел в ограде, спросил, не надо ли чего, она вот попросила соль купить. Я не стал сейчас к ней заходить, может, ты потом сам ей отдашь? Ей завтра нужно.

— Хорошо, вечером схожу, отдам, раз сам стесняешься.

— Да я не стесняюсь, но вы как-то уж по-соседски лучше, наверное, общаетесь.

— Ладно, ладно...

После обеда Артём помог дядьке вымыть посуду, и когда они ушли в комнату, решил поделиться с ним своим небольшим опытом:

— Дядь Ген, ты знаешь, я вот сейчас в магазин ходил, ну и попробовал мысленно всем встречным говорить: «Я тебя люблю». Честно скажу, не просто это было.

Дядя Гена пожал плечами:

— Так я тебя предупреждал. Ты просто не привык к этому. Ты привык наоборот — сразу же оценивать людей по внешнему виду и, в лучшем случае, относиться к ним нейтрально, а если они чем-то вдруг тебе не нравились — одеждой, фигурой, поведением, речью, — то осуждать их.

— Да, честно говоря, так и было. С продавщицей этой вашей, Зинаидой, так вообще сейчас поругался, потому что хамит и сама этого не замечает. Хотя, может, и замечает, но всё равно хамит. Но это ладно, я потом успокоился, вроде нормально всё.

— Ну что ж, рад за тебя, — улыбнулся дядька.

— Но у меня вот какой вопрос... Ты говорил, что любить других, это, дескать, мне самому в первую очередь надо. А я не пойму, если честно, зачем оно мне надо? А им всем не надо, что ли?

Странно получается. Вроде бы как сами они должны быть даже больше заинтересованы в том, чтобы я их любил, чтоб хорошо к ним относился. И я заинтересован в первую очередь в том, чтобы меня любили, чтоб ко мне хорошо относились. А так получается какая-то дорога с односторонним движением, да и то непонятно зачем.

— Ну почему же с односторонним? Пословицу «Как аукнется, так и откликнется» слышал? Как люди тебя любить будут, если ты сам их не любишь? И в Библии той же сказано: поступай с другими так, как хотел бы, чтоб они поступали с тобой. Вот и всё. Чего тебе ещё надо?

— Так, а чего толку-то? Вот я зашёл в магазин ваш, сразу Зинке этой мысленно говорю: «Люблю тебя», хоть и пересиливать себя пришлось. Но она-то о моих мыслях даже не подозревает и всё равно хамит.

— Ты опять в любви корысть найти пытаешься. А я тебе ведь про душу твою толкую. Про то, что любовь нужна в первую очередь твоей же душе. Ты только первый раз попробовал, не торопись с выводами. Потребность любить самому должна пробудиться в человеке, а это в одночасье не делается. Да и то только при том, что он сам будет хотеть этого. А ты пока, как эгоист, рассуждаешь. И вообще, забудь думать о том, кто и как там любит тебя или кого-то ещё! Перестань на других смотреть, а то так недолго с другого бока до осуждения дойти — дескать, вот я какой молодец, люблю вас всех, а вы, такие сякие, меня нет! Это ещё хуже. Ну и ты упускаешь ещё один важный момент. Возможно, даже самый важный. Любовь твоя нужна ещё кое-кому, а не только людям.

— Кому же это? — удивился Артём.

— Ему, — и дядька показал пальцем вверх.

— Кому — ему? Ты про Бога, что ли?

— Про него.

— А ему-то это зачем? Он же, вроде как сам любовь?

— А действительно, зачем? Вот скажи мне, зачем Богу надо, чтобы мы тут на земле жили да любили друг друга, не убивали, не воровали, не прелюбодействовали, не чревоугодничали, а? Зачем?

Артём задумался: «А ведь и вправду — зачем?»

— Я не знаю, — честно признался он.

Дядя Гена снова улыбнулся:

— Вот вроде простой вопрос: зачем абсолютному, совершенному и всемогущему Богу такой несовершенный человек понадобился? Зачем Он ещё этому глупому и бестолковому человеку втолковывает, как ему лучше жить на земле? Говорит: не убий, а человек убивает; говорит: не воруй, а человек ворует. Человек не слушает Его, творит что хочет, а Бог смотрит на всё это, терпит, ждёт чего-то. Допускает появление новых душ (если верить тому священнику, про которого я тебе говорил), допускает такую их жизнь, что после смерти этим душам, по идее, одна дорога — в геенну огненную. И это всё делает Бог, который есть любовь! А, Артёмка? Как Бог, который есть любовь, допускает такие вещи? Ведь тогда уж лучше действительно — прихлопнуть нас всех, да и дело с концом. Всё, глядишь, меньше душ в итоге в ад попадут, ведь так? Но Он этого не делает почему-то. Выходит, нужен Ему человек *здесь, на земле*.

— Гм, выходит, что так, — Артём был озадачен.

— Ведь и потоп Он устраивал, да не до конца всё же. Знаешь, сто лет назад поэт такой жил — Саша Чёрный, так вот он где-то написал: «Господь ошибся с Ноем, утопить бы к чёрту всех». Но разве Бог может ошибаться? И раз не утопил, значит, надеется на что-то.

— Ну и что ты сам по этому поводу думаешь? Зачем Ему наша любовь нужна?

Дядя Гена встал с дивана и прошёлся по горнице:

— А давай мы с тобой на секундочку представим, что Бог, может быть, не такой совершенный и абсолютный как все говорят. То есть, Он, конечно, совершенен, но по содержанию, а не по форме. Представь, что Он не статичен, а находится в некоем постоянном развитии. При этом мы знаем, что Бог есть Любовь. Но что собой представляет эта самая любовь? Божественная любовь! Не что иное, как соответствующую энергию. Любовь — это созидательная энергия Вселенной. И Бог, тот, который есть любовь, является создателем этой Вселенной и всего, что в ней есть. Кстати, многие не хотят употреблять слово «Бог», видят в этом опять же узкий религиозный, церковный контекст. Если хочешь, давай будем говорить Творец, Создатель, Высший Разум, ну или та же Вселенная, в конце концов. Это опять же вопрос терминологии и

образов, стоящих за ними. Меня лично вполне устраивает слово «Бог».

— Да меня, в принципе, тоже, — согласился Артём.

— Ну и ладно, значит, так и будем говорить. Ты не против того, что любовь, это энергия?

— Не знаю, я никогда не думал об этом, — племянник пожал плечами.

— Ну вот смотри... Мы ведь иногда говорим, что от какого-нибудь доброго, спокойного человека исходит позитивная энергия, а от злого — негативная. Если кто-то слишком гневается, то мы можем сказать, что он буквально фонит негативом, ну и так далее. То есть энергетика человека, в принципе, не оспаривается. Не его энергичность, а именно энергетика, то, что зачастую ощущается на расстоянии, аура.

Так вот, я считаю, что Богу нужна наша любовь, поскольку она делает Его сильнее. Бог, который есть любовь, ну или назови — энергия любви, получает эту самую любовь, энергию, в том числе от нас, от людей. Мне вообще кажется, что человек является единственным существом на земле, а может, и во всей Вселенной (но тут я, естественно, утверждать не могу), который *может генерировать* такие энергии. Там, в тонком духовном мире энергии существуют в некоем фиксированном состоянии, они не изменяются в количественном выражении, не возрастают и не уменьшаются. Здесь же, на Земле, в мире материальном, энергии сугубо материальны и никак не связаны с тем, тонким миром. И лишь человек, в котором есть и от духовного, и от материального мира — наши душа и тело, человек, существующий на стыке этих двух миров способен к генерированию новых энергий. Ты генерируешь либо энергию любви, либо энергию антилюбви. Понимаешь? Если ты пнёшь мячик, то создашь сугубо материальную кинетическую энергию, которая через несколько секунд иссякнет и перейдет в потенциальную. Но когда ты злишься, ревнуешь или гневаешься, ты не просто испытываешь эмоцию, ты в этот момент создаёшь и выплёскиваешь в пространство, во Вселенную негативную энергию антилюбви. Точно так же, когда ты любишь, когда сострадаешь, то генерируешь позитивную созидательную энергию, которая выходит за рамки материального пространства в тонкие миры. И на них уже не распространяется

закон сохранения энергии, который мы все знаем из уроков физики. Он, если ты помнишь, касается лишь механики. Как там Ломоносов говорил? «Сколько чего у одного отнимется, столько к другому присовокупится». Энергий, производимых человеком, это не касается. Ведь если кто-то любит, то у другого от этого любви меньше не становится. Воспроизводимые человеком энергии лишь накапливаются.

— Ты сказал — антилюбви? А это что такое?

— На самом деле это чисто моё слово, я сам его придумал. Дело в том, что во Вселенной существует не только созидательная сила, но и сила разрушительная, и они находятся в постоянном противоборстве. Я не знаю, почему, но так есть. Как есть верх и низ, право и лево, вперёд и назад, и так далее. В этом мире всегда и во всём есть две противоположные стороны: чёрное и белое. Вспомни символ Инь и Ян. Мне кажется, это просто графический, визуальный образ данного принципа. Так вот, если первую, созидательную силу, мы называем Бог, то другой, разрушительной, люди придумали много разных имён, но лично я предпочитаю для ясности говорить просто — антибог. И если первый являет собой созидательную и светлую энергию любви, то второй — разрушительную и тёмную энергию антилюбви. Попросту говоря, это силы добра и зла. Обе они питаются энергиями, которые генерируем мы с тобой. Если ты излучаешь любовь, добро, то помогаешь Богу, питаешь его своей созидательной энергией, делаешь Его сильнее, а значит и этот мир делаешь лучше. А если ты злишься, ненавидишь, то соответственно генерируешь во Вселенную энергию разрушения, энергию антилюбви, а значит, питаешь и делаешь сильнее антибога, разрушаешь наш мир. Эти энергии работают, каждая делая своё дело — либо создавая, либо разрушая.

— Слушай, что-то мне с трудом во всё это верится, — Артём с сомнением покачал головой. — А может, просто живём мы тут, да и всё? И нет никакой такой энергии любви или, как ты говоришь, антилюбви? Как-то мудрёно всё получается. Может, есть просто земля, на ней жизнь: люди, животные, травка растёт, рыбы в воде, птицы в небе. Родился, жизнь прожил, помер. И всех делов.

Дядя Гена вздохнул и сел верхом на плетённый стул, положив руки на его спинку:

— Кто-то, наверное, скажет, что всё именно так, как ты говоришь. Но тогда вообще вся наша жизнь не имеет никакого смысла, кроме как стать удобрением для этой травки. Не знаю, Артём, не могу я этого принять, что-то там, в моей душе противиться такому подходу. Я как-то разговаривал с одним человеком, так он вообще предположил, что человек энергию действительно генерирует, но Бог его использует только лишь как соответствующего биоробота и всё. То есть, нет никаких перерождающихся душ, да и вообще никакой души нет, а есть просто человек — биогенератор энергии, которого Бог для этой цели поселил на землю, а со смертью просто выбрасывает как отработанный материал, и всё, — дядя Гена снова пожал плечами. — Ну что ж, это вопрос веры. Ты точно сказал: «мне не верится». Здесь каждый сам делает свой выбор. Только не могу я принять того, что все великие учения, принесённые на нашу планету через Моисея, Сократа, Иисуса, Будду, Мухаммада — это всего лишь красивые сказки. Что были даны они кем-то человечеству просто так, от нечего делать.

— Ну почему от нечего делать? Именно для того, чтоб энергию любви вырабатывали. Потому и оставил Ноя с семейством, а не утопил всех. Предыдущие плохо справлялись, больше на антибога работали, вот и сделал потоп, в надежде, что мы будем лучше.

— Нет, всё равно не могу я поверить, что Бог создал человека для такой вот эксплуатации: производи энергию, а потом на помойку. Я верю, что Бог, это любовь, а любовь на такое не способна. Я верю, что потом Бог всех, кто трудился для него, к себе примет. Вот так вот.

Дядя Гена снова встал и подошёл к зеркалу, висевшему в простенке между окнами:

— Вот так вот посмотришь на себя в зеркало и думаешь иной раз: а сколько ещё осталось этому телу? Ну лет двадцать, плюс-минус пять, если раньше ничего не случится. А потом что? Не будет ни этого носа, ни этих глаз, ни рук, ни ног, ни ушей. Ничего не будет. Зароют на два метра в землю и всё? Корми червей?

— Ну ты совсем какие-то мрачные вещи говоришь. — У Артёма снова разболелась голова. То ли от того, что опять

напомнила о себе вчерашняя травма, то ли от мыслей, вызванных разговором с дядькой.

— Почему мрачные? Это жизнь. «Мemento мори», как говорили в Древнем Риме — «Помни о смерти». Я не знаю ни одного, кто жил бы вечно. Как говорится, все там будем, и об этом помнить надо постоянно. Иначе разбазаришь свою жизнь ни на что, забудешь, зачем живёшь. Ты согласен быть лишь кормом для червей? Лично у меня в душе что-то противится такой мысли. Я хочу после себя ещё что-то оставить кроме определённого количества атомов. И я имею в виду не какие-то творения, типа написанных книг, музыки или скульптуры. Я хочу после себя оставить в этом мире энергию любви. Понимаешь? Мне это кажется гораздо более важным. — Дядя Гена посмотрел на племянника, потиравшего себе виски. — Что, болит? Давай я ещё чаю сделаю, покрепче. — Он вышел в прихожую и поставил кипятиться воду. — Я с душицей да с белоголовником заварю.

Артём лёг на диване и закрыл глаза. Минут через десять дядька вернулся, неся большой заварник и чайник с кипятком. Потом принёс с кухни халву с зефиром и мёд в небольшой пиалке:

— Ну вот, посидим сейчас, пополдничаем с тобой чайком с вкусняшками.

Артём поднялся и сел к столу. Прибежала с улицы кошка и улеглась посреди комнаты, там, куда ещё светило солнце, начинавшее постепенно клониться к горизонту. Дядя Гена разлил по кружкам чай, и комнату наполнил аромат трав:

— Я люблю из больших кружек чай пить. Чтоб налил, так налил, а то из «напёрстков» этих два раза хлебнул и всё, считай, ничего не осталось. Ну как? — спросил он племянника улыбаясь, когда тот осторожно отхлебнул горячего напитка.

— Да-а... Давно забытый вкус. Мы же тоже раньше собирали траву для чая. И душицу, и чабрец, и иван-чай, и белоголовник тот же. — Артём взял ложкой халву. — Вот так бы сидел и сидел.

— Только такой чай надо без сахара пить, а иначе весь вкус испортишь. В крайнем случае мёда положить можно, ну или ложкой, вприкуску.

Какое-то время молчали, с удовольствием прихлёбывая горячий и вкусный чай.

— Дядь Ген, ты мне вот что ещё скажи, а то не совсем понятно, — продолжил разговор Артём, когда допил первую кружку. — Говоришь, что энергия любви, которую человек воспроизводит, нужна Богу, так как помогает ему в борьбе с антибогом. Но я тогда тем более не понимаю, зачем это нужно самому человеку? Какая ему польза от того, что он любит ближнего своего? Не сочти мой вопрос опять за корысть, просто не до конца понятно. Только то, что Бог потом эту душу к себе возьмёт?

— А тебе разве этого мало? Но на самом деле тут всё даже проще. Я сказал, что энергия антилюбви, это энергия разрушения, а не созидания. Так вот, в конечном итоге она также разрушает и того, кто её генерирует, вот и всё. Ненависть, злость, зависть — все эти эмоции воспроизводят тёмную деструктивную энергию нелюбви, рано или поздно убивающую, в том числе того, кто эти эмоции испытывает. Я же говорил, что вполне допускаю, что некоторые души просто исчезнут. Те, кто так и не сможет или не захочет жить по любви.

Помнишь, в самом начале, когда ты только приехал, я также говорил тебе как раз про обиду, про чувство вины, про то, что не надо тебе злиться на свою жену да на друга твоего. Для меня тогда было важным вырвать тебя из этих эмоций, потому что ты ими себе только хуже делал. По большому счёту, Артём, это вопрос смысла всей нашей человеческой жизни. Вот как ты себе понимаешь смысл твоей жизни?

Племянник задумался и поставил кружку на стол:

— Не знаю. Я, конечно, пытался как-то думать об этом, но не так чтоб серьёзно. Думал вот — семья, дети, работа... Кто-то говорит, что дом построить, дерево посадить, сына вырастить. Не знаю, — повторил он.

Дядька налил Артёму ещё чая:

— Но ведь это всё вещи преходящие. Из того, что ты назвал, самое долгое по времени, это вырастить сына. Пусть на это уйдёт лет двадцать, а потом твой сын тебя особо слушать и не станет, пошлет куда подальше, и всё выращивание на этом закончится. И что тогда? Дом построен, дерево посажено и даже не одно. Всё? Можно ложиться и помирать? Смысл жизни достигнут? Нет, племян, не могу я с тобой согласиться. Это всё может быть лишь какими-то промежуточными целями, вехами в жизни: школа,

институт, работа, карьера, съездить туда, съездить сюда, семья, дети... Но разве это можно считать её конечным смыслом? Смысл жизни должен быть связан с чем-то вечным. Опять же вспомни слова Иисуса: «Не копи богатство на земле, где моль и ржа их ест, и где вор крадет, но копи богатство на небе, где ни моль, ни ржа не ест, и вор не крадет». Это же как раз об этом. Вклад человека в это вечное — вот что может стать настоящим смыслом существования для человека. По большому счёту, это и есть то, какую энергию ты генерируешь во Вселенную, на чьей стороне ты в итоге оказываешься, кому служишь. И этот выбор человек делает сам, никто не может заставить его принять ту или иную сторону. Вот запутать, подсунуть ложные цели и смыслы — это да, это делается антибогом весьма активно. А Бог даёт людям свои учения, в которых сказано, как следует жить, чтоб не погубить себя. Я в сотый раз повторяю: *именно жить, а не молиться!* И при этом волю человеческую никто не в силах нарушить. Так этот мир устроен, иначе весь смысл бы терялся, и не было бы уже этих энергий.

Поэтому за каждого человека, как за источник той или иной энергии, на земле идёт настоящая борьба. Если Бог, как я уже сказал, дал человеку заповеди, по которым мы должны любить и ближних своих, и самого Бога, и дал ему после этого полную свободу, то антибог постоянно вмешивается, пытается соблазнить человека, непрерывно подсовывает всяческие искушения, чтобы вызвать в человеке негативные эмоции, заставить его воспроизводить энергию антилюбви. Мы живём в мире непрекращающейся конкуренции, со всех сторон учат, как добиться славы, успеха, в почёте не само творчество, а лишь первые места. Целью стали власть и деньги. Деньги, деньги, деньги... И горько становится, и страшно, и думаешь только: «прости их Господи, не ведают что творят и кому служат». Ты, наверное, слышал такую фразу: «Хлеба и зрелищ!»?

— Конечно, слышал, — кивнул Артём.

— Ну вот... В Древнем Риме был такой сатирик Ювенал, и он, иронизируя по поводу чаяний римлян, выразил их в этих двух словах. Дескать, больше им ничего и не нужно в этой жизни. Но это ведь страшно, если вдуматься! Я, когда включаю телевизор, мне кажется, наши запросы точно так же пытаются свести исключительно к этим двум вещам. По телевиденью сплошные

шоу, тупая развлекаловка, глупейшие сериалы, криминал, чернуха. Причём на государственных каналах! Как говорится, на первых кнопках. Если в городе там у вас много каналов, при желании ещё можно что-то выбрать, то у нас-то в деревне их всего с десяток. Заводы с фабриками позакрывали, а то, что строят сейчас, можно описать двумя словами — торговать и развлекаться! Сплошные торговые центры, развлекательные комплексы, аквапарки, гипермаркеты и прочее. Вот лозунг сегодняшних дней: «Торговать и развлекаться!»

— Слушай, вот это точно, — племянник даже встал со стула. — Только у нас в городе за последние годы... так... — он поднял глаза к потолку и стал загибать пальцы. — Восемь или девять заводов закрылось. Это только то, что я знаю, из крупных. А мелких, наверное, и того больше. А построили или переделали из тех же заводов... так... сейчас... штук десять разных гипермаркетов, пять-шесть торгово-развлекательных центров, а новых производств, кстати, ни одного!

— Вот видишь, как дело обстоит. Я не против всяких аквапарков и гипермаркетов, пусть будут, но я против того, чтобы строились только они! Надо же людям работу давать, возможность трудиться. И я тебе даже скажу, что не столь важно, приносит эта работа кому-то прибыль или нет. Важнее другое — то, что безделье развращает, отупляет человека. Впрочем, может, они к этому и стремятся? Не знаю...

А мы в это время нужны Ему, но Он не может *заставить* нас любить, иначе бы это не работало. Мы должны сами делать свой выбор. И нам надо всегда об этом помнить, когда мы выбираем, как себя вести, что говорить, к чему стремиться. По большому счёту, вообще неважно, чем ты будешь заниматься в жизни, какую профессию выберешь (если она, конечно, напрямую не связана с негативными энергиями разрушения). Будь ты строителем, дворником, поваром, шофёром, слесарем, неважно кем, главное — что у тебя в душе происходит, какие эмоции там живут. Любишь людей — молодец, значит, помогаешь Богу, нет — наоборот, служишь антибогу.

Понимаешь, тут ещё сложность состоит в том, что этот выбор делается постоянно, каждый день, каждый час, а иногда и каждую минуту. Он не постоянен, не раз и навсегда. Кто из нас не

ошибался? Кто не злился, не гневался в этой жизни? Все мы люди, а человек, как известно, слаб. Но мы в силах измениться! Главное — захотеть! Да, это не просто подчас, это требует самоконтроля, усилий, работы над собой, но оно того стоит. В конце концов, это радостный труд, так как ты сам получаешь от этого радость. Главное — не останавливаться, а оступившись, снова вставать и идти дальше. Понимаешь меня?

Артём, всё это время стоявший у потемневшего окна, снова сел на своё место и отхлебнул уже подостывшего чая:

— Думаю, что понимаю. Хотя многое так вот сразу сложно осознать, надо самому ещё обдумать всё, что ты сказал.

— Вот это правильно, думай. Слепо ни за кем не иди, от слепого подчинения толку не будет, надо самому в это всё поверить, нутром принять. Ладно, я пойду Людмиле соль отнесу, пока совсем не стемнело, да печкой уже заниматься пора, надо будет сегодня на ночь протопить хоть немного, и ужин пора готовить.

— Знаешь, дядь Ген, я, наверное, ужинать не буду, тем более чаю только что напились. Я лягу сегодня пораньше, а то голова ещё побаливает. Таблетку последнюю выпью и лягу.

— Как знаешь. Хочешь, так ложись. Сам себе постелишь?

— Конечно, постелю.

Когда дядька ушёл, Артём быстро разделся и лёг, но тут в сумке зазвонил телефон. Снова поднявшись, он достал мобильник. Звонил Ильшат:

— Алло, Артём! Привет! Ты, случайно, не в городе?

— Привет. Нет, в деревне. А что?

— Не знаю толком, но Петрович попросил до тебя дозвониться. Кутейко тебя что-то ищет.

— Кутейко? Чего ему от меня понадобилось?

— Не знаю. Петрович говорит, если есть возможность, то подскочил бы.

— Гм, — удивился Артём. — Ну, раз надо, подскочу. Завтра после обеда.

— Добрó, я тогда так ему и передам. Ты как сам-то?

— Ничего, нормально.

— Ну давай, тогда. До завтра!

— Пока...

«Да что же это такое? Когда же от меня наконец все отстанут и дадут спокойно отдохнуть? — задумался Артём, убрав телефон обратно в сумку. — Навалились со всех сторон, не отдых получается, а какая-то сумятица. Кутейко этот ещё. Ему-то чего от меня надо?»

Борис Васильевич Кутейко был у них в фирме заместителем гендиректора по общим вопросам, в том числе он курировал кадровые дела. Бывший армеец, полковник в отставке, фанат дисциплины, на всем белом свете он считал достойной лишь одну единственную книгу под названием «Общевоинские уставы вооруженных сил СССР». Со стороны подчас казалось, что ему доставляет прямо-таки радость подводить какого-нибудь нерадивого сотрудника под увольнение: с таким удовольствием он объявлял замечания и выговоры за опоздания, отсутствие на рабочем месте и другие нарушения внутренних инструкций практически всем, невзирая на должности, за исключением, может, равных себе других заместителей гендиректора. Сам же генеральный в этих делах доверял ему на сто процентов (к тому же они были какими-то дальними родственниками), и тот чувствовал себя на своём месте как рыба в воде. Впрочем, в дела службы безопасности он раньше никогда не лез, поскольку Павленко подчинялся всё же напрямую генеральному. Но при случае Кутейко никогда не отказывал себе в удовольствии показать кто здесь кто.

Когда дядя Гена вернулся, Артём вышел к нему в прихожую:

— Слушай, мне завтра надо будет на денёк домой съездить, а потом снова к тебе вернуться, если ты не против.

— Как домой? У тебя же голова, сотрясение, — удивился дядька, раскладывая дрова у печки. — Тебе лежать больше надо, режим постельный и всё такое... Зачем домой-то?

— Да вот позвонили только что, чего-то на работе я срочно понадобился. Ну и заодно вещи тёплые возьму, а то холодает.

— Ну как знаешь. Надо, так надо. Только вот голова твоя как же?

— Ничего, я же прыгать не собираюсь. Сяду в автобус да спать буду. Только это... Ты мне дашь денег на билет до райцентра доехать? Там-то я картой рассчитаюсь.

— Что за вопрос, конечно, дам. Я, правда, уже боюсь тебя куда-то отпускать, — усмехнулся дядька. — А то к Петру пошёл — в яму свалился, в райцентр поехал — бутылкой по голове дали. Каким мне тебя из дома-то ждать?

— Да брось... Ты же понимаешь, что это случайности.

— А вдруг нет?

— Ну, а что же тогда? Закономерности, что ли?

— А может, это Он за тебя взялся? — и дядька снова показал пальцем вверх.

— Не понял. Что значит — взялся?

— Может, это Он до тебя достучаться хочет? Может, видит, что на перепутье ты стоишь и хочет, чтобы не свернул, куда не надо? Видит, что есть в тебе зерно правильное, что не пропащий ты совсем, вот и хочет, чтоб ты задумался о жизни да дальше по-другому жил.

— Гм, — хмыкнул Артём, — вот таким вот способом? Сначала в яму, потом бутылкой по башке?

— Ну а как ещё человек задумается, правильно он живёт или нет? Впрочем, яма с бутылкой это уже потом, а сначала ведь жена была, которая в лоб тебе заявила, что не любит, друг, который оказался «вдруг». Когда у человека всё гладко да сладко, он обычно живёт и не думает ни о чём. Как овощ какой-нибудь на грядке. К сожалению, так выходит на сегодняшний день, что только какие-то проблемы да жизненные трудности могут подвигнуть человека задуматься: а правильно ли я живу? К сожалению. Хотя, не все, конечно. Кто-то и без этого приходит к пониманию что да как, а кому, как говорится, хоть кол на голове теши — всё без толку. А кому-то вот необходимо получить по голове пару раз, чтоб задуматься.

— Ну не знаю, дядь Ген... Как-то это всё звучит... Ты же говорил, что Он только заповеди свои дал и ждёт, как мы тут дальше жить будем. Не вмешивается.

— Так-то оно так, да не совсем. — Дядька взял кочергу и стал выгребать утрешнюю золу. — Так грубо, как антибог, Он к себе никого не тащит, но я уже не раз видел, что люди к Богу обращаются только после того, как с ними что-то происходит в этой жизни. Кто после серьёзной болезни, кто после смерти родных, а кто после развода, как у тебя, или ещё какой неприятности. Вот и

напрашивается такой вывод, что кого-то Он может подтолкнуть к себе таким вот способом. Впрочем, это лишь мои предположения, не знаю.

— Ты же говорил, карма это всё.

— Правильно. До какой-то поры работает карма, старые уроки отрабатываешь, а потом по новой всё начинается. Ты вот, прежде чем в яму грохнуться, уже кое-что знал от меня, но, видимо, решил плюнуть на это. Чего этого дядю Гену слушать, ерунду какую-то городит на старости лет. Так ведь?

Артём посмотрел на дядьку с удивлением:

— Ну... были такие мысли... А ты откуда знаешь?

— Так я же не слепой, вижу. А раз знаешь, да не хочешь, это уже бóльшая ответственность по сравнению с тем, кто вообще ничего не знает. Я ж тебе говорил: кому много дано, с того много и спросится. И тебе уже было что-то дано, да ты плюнуть на это решил. Вот Он тебя и попросил ещё раз о жизни задуматься. Снова не задумался — получи бутылкой по голове. Дальше бы не задумался, может, и отвернулся бы Он от тебя на какое-то время, может, и жил бы ты дальше в злости да в нелюбви своей, а может, и чего похуже бы стряслось. Тут я не провидец, пути Господни неисповедимы.

— М-да уж... Мне почему-то кажется, с этой стороны никто и никогда не думает о том, что с ним происходит.

— Ну почему же? Кто-то именно так и смотрит. Ну ладно, спи иди, раз домой завтра собрался. Ты же на первом, небось, ехать хочешь?

— Ну да, он когда идёт?

— В семь утра.

— Вот на нём и поеду. — Артём выдержал небольшую паузу, но затем сказал ещё: — У меня тут, правда, мысль ещё одна засела...

— Говори, я весь внимание, — улыбнулся дядя Гена.

— Вот как бы ты ни говорил, но мне всё же кажется, что утопия это, если в рамках всего человечества думать. Не верю я, что все люди смогут жить так, как ты говоришь — в любви к ближнему своему, а по факту — в любви ко всем остальным людям. Слишком уж нас много, и слишком уж все мы разные.

— Ну так что с того? Я сам в это не верю.

— Как не веришь? А зачем тогда всё это?

— Что значит зачем? Ты за себя отвечай, а не за всё человечество? Какое тебе дело, любят другие или не любят? До них тысячи километров, там всё по-другому! Я же тебе уже говорил: выкинь из головы думать о том, как другие живут. Знаешь, у буддистов есть такая хорошая поговорка: «Думай о своей карме», а то мы привыкли на других вечно кивать. И что, если большинство скажет, что дважды два это шесть, ты откажешься от того, что это четыре? Каждый сам делает свой выбор, кому служить своей жизнью — Богу или антибогу. Вот в чём дело. Кто-то осознанно, кто-то нет. Но тут и думать об этом не нужно, смогут ли все люди на земле жить в любви и согласии, утопия это или нет. Зачем себе этим голову забивать? Ты не думаешь, что это может быть ещё одной уловкой антибога, чтобы отвлечь тебя от любви, сказать тебе: «А зачем? Плюнь ты на всё это!» Ты сам, Артём, живи, как следует, вот и всё. Точка!

7 октября

За ночь снова основательно подморозило, и туфли Артёма громко стучали по замёрзшей грязи, когда он в темноте шёл на «площадку» к семи часам утра. На востоке небо начинало чуть-чуть светлеть, где-то по дворам таякали собаки, деревня нехотя просыпалась.

Дядя Гена вызвался проводить племянника до самой «площадки»: «Ничего, прогуляюсь немного, а то давно уже не ходил никуда».

— Когда обратно-то будешь? — спросил дядька, когда они поджидали автобус.

— Думаю завтра вернуться. Постараюсь за сегодня всё сделать, и завтра пораньше приеду.

— Ну ладно. Матери привет передавай.

Дорога в обратную сторону занимала меньше времени, так как в райцентре не надо было долго ждать автобуса, шедшего в областной центр. Если всё обходилось без задержек, то на месте можно было быть уже к часу дня.

Заняв своё место в таком же «МАНе», как он ехал сюда, Артём закрыл глаза и задумался. Голова практически перестала болеть, и он чувствовал себя значительно лучше. «Может, это Он до тебя достучаться хочет?» — вспомнилась фраза, сказанная вчера дядей Генной. Да, как-то круто у него всё поворачивалось в последнюю неделю. Думал, съездит в деревню, ну гульнет пару раз — с Петром, с Игорем, не без этого. Постарается выкинуть из головы Эльвиру, Олега, развеется и всё пойдёт по-старому: работа, друзья, те, которые остались, с жильём что-нибудь решил бы со временем, а пока снял бы квартиру однокомнатную или у матери перекантовался бы месяцок-другой. А получалось так, что перевернулось всё в голове.

Конечно, жилищные вопросы сами собой не решились, вопрос развода с женой никуда не уходил, но внутреннее мироощущение у Артёма при этом значительно изменилось. Самое удивительное, что у него просто не получалось думать ни об Эльвире, ни об Олеге так, как это было в первый вечер, когда он пришёл к Ильшату. Он со странным интересом замечал, что где-то в глубине души действительно начинает относиться к ним с жалостью. Это чувство было настолько непривычно ему, что он буквально ощущал от него физический дискомфорт. Иногда ему вдруг хотелось выругаться, снова сказать в адрес жены что-то гадкое, обозвать её нехорошими словами, чтобы вернуться в более привычное для себя эмоциональное состояние, но и это у него не получалось, поскольку он чувствовал, что в итоге ему станет только хуже.

«И что сейчас со всем этим делать? — думал он, глядя в окно. — Словно кто-то подвесил между небом и землей. Как дальше быть? Или это, правда, лишь дело привычки и нужно просто подождать, куда всё само вывернет?» Он стал смотреть на пассажиров, сидящих впереди него и мысленно говорить каждому: «Я тебя люблю». Довольно быстро мысли об Эльвире с Олегом куда-то исчезли, а он почувствовал себя вновь спокойнее, даже захотелось просто улыбнуться, безо всякой причины.

Рядом с ним сидел средних лет мужчина в тёплой осенней куртке и кепке. Артём посмотрел на него и снова мысленно произнёс: «Я люблю тебя». «Блин, если бы кто-нибудь мне десять дней назад сказал, что я взрослому незнакомому мужику буду

говорить, хоть и не вслух, «Я люблю тебя», я бы точно покрутил пальцем у виска», — усмехнулся он. Мужчина, видимо, заметил боковым зрением улыбку соседа и посмотрел на Артёма. Потом, тоже улыбнувшись, сказал:

— Скоро, наверное, уже снег пойдёт.

— Наверное, — согласился Артём и почувствовал, что от этих простых слов, сказанных ровным тоном, от этой простой улыбки, у него стало на душе сделалось отчего-то тепло и покойно.

Он закрыл глаза и откинулся на спинку: «Дядька, чего же ты мне наговорил такого, что я не могу дальше жить так, как жил раньше? Любовь... «агапэ»... душу видеть... к ней обращаться... Может, ты и прав».

На транзитных остановках Артём выходил из автобуса, но не для того, чтобы покурить, а чтобы просто немного размять ноги. На перронах толпились пассажиры и провожающие, а Артём снова «упражнялся» на них: глядел на каждого и упорно говорил про себя «Я люблю тебя». Он старался не обращать никакого внимания на то, как человек выглядит, сколько ему лет, что он делает. Конечно, когда выскакивала какая-нибудь шумливая компания подростков, ведущих себя явно вызывающе, у него вспыхивало в душе привычное раздражение, он косился на них, но старался сразу же брать себя в руки и не позволял этому чувству захватывать его целиком, понимая, что это лишь автоматическая реакция. А потом, успокоившись, так же говорил про себя: «Я люблю вас».

По сути, он занимался этим лишь второй день, однако уже заметил, что стал чувствовать себя намного спокойнее. С одной стороны, непривычно, подчас дискомфортно, но — спокойнее. Это было какое-то глубинное ощущение. Так спокоен океан где-то там, в своей глубине, куда не достаёт ветер, и где нет волн, бушующих наверху. А дискомфорт он относил на то, что просто не привык ещё к такому мышлению. Ему казалось, что мозг банально сопротивляется новым мыслям, ему по-прежнему требовалось критиковать, осуждать, злиться на кого-то. Но Артём в такие моменты резко говорил себе: «Стоп, хватит! Не хочу!», и уже через секунду, поднимаясь было где-то в глубине души более привычная, но неприятная эмоция замирала и уступала место тишине.

Приехав на вокзал в областной центр, Артём закинул сумку на плечо и пошёл на автобусную остановку. В это время в кармане завибрировал телефон. Достав мобильник, он увидел, что это был Олег.

— Да, — ответил Артём.

— Алло, братан, здорово! Ты куда пропал? — закричал тот в трубку. — Звоню, звоню тебе, а ты то не отвечаешь, то недоступен.

— Да я уезжал.

— Куда? И не сказал ничего. Всё нормально? — в его голосе Артём всё же уловил нотку некой натянутости и неискренности.

— Нормально.

— Ну ты это... заходи сегодня вечером после работы. Посидим, а то я уже соскучился по морде твоей, — Олег засмеялся. Похоже, он был чуть навеселе.

Артёму стал неприятен этот разговор.

— Алло, — сказал он, — тебя не слышно.

— Я говорю, соскучился! — снова крикнул бывший друг.

— Алло, не слышу ничего, со связью что-то. Перезвони, — и Артём нажал на кнопку с красненькой трубочкой.

Затем он зашёл в «Контакты», выбрал там «Олег», затем «Внести в чёрный список» и нажал «Ок». «Извини, Олег, я тебя люблю и, если честно, мне тебя действительно жалко, но общаться с тобой я больше не хочу и не буду. Бог тебе судья, — подумал он, пряча мобильник обратно в карман куртки. — Отпускаю на все четыре стороны».

«Впрочем, надо сделать ещё один звонок», — он снова достал телефон.

— Алло, Эльвира, — сказал он, когда жена ответила на вызов. — Я хотел предупредить тебя, что найду сегодня вечером, мне надо забрать кое-какие вещи.

— Пожалуйста, — голос жены звучал холодно и безэмоционально. — Мог бы и не предупреждать.

— Я на всякий случай. Чтобы ты знала заранее, и не возникло никаких эксцессов. Найду часов в семь.

Сначала он поехал к матери. Она, проработавшая тридцать лет в школе учителем начальных классов, вышла на пенсию в пятьдесят лет по льготному стажу и с тех пор занималась

репетиторством. Сама ни к кому не ездила, детей привозили к ней на дом, поэтому Артём был уверен, что она будет дома, и звонить заранее не стал. «В крайнем случае подожду немного. Только надо бы в магазин сначала зайти, купить чего-нибудь из еды», — подумал он, выходя из автобуса.

Зашёл в ближайший к матери супермаркет. Всё это время он старался не изменять своей новой привычке: людям, попадавшимся навстречу, продолжал мысленно говорить «Я люблю тебя» или «Я люблю вас». Всем без исключения. Ему даже стало нравиться это. Хорошая погода способствовала не менее хорошему настроению. В городе, казалось, было теплее, чем в деревне. Солнце светило ярко, а в лужах даже возились растрёпанные городские воробьи.

Взяв магазинную тележку, он пошёл между высоких стеллажей. Не зная, что есть у матери из продуктов, решил на всякий случай взять пачку чая, полпалки «Докторской» колбасы, пачку сливочного масла и батон хлеба. «Надо ещё куриных яиц взять. Можно будет утром сварить или яичницу сделать», — Артём подошёл к нужной полке. Покупая яйца, он всегда проверял их — нет ли битых или треснувших. Открыв пластиковую упаковку, он стал одно за другим доставать яйца и осматривать их. Действительно, одно оказалось треснувшим. Открыв соседнюю коробочку, он поменял битое яйцо на целое.

— Ай молодец какой! — вдруг услышал он позади себя женский голос. — Покрупнее яйца выбираем, да?

Толстая краснолицая тётка в зелёном пуховике и такой же вязаной шапке в упор смотрела на Артёма с явной неприязнью. Он растерялся:

— Почему покрупнее? Там просто одно битое было, я на целое заменил.

— Ну, ну... битое. А то я не видела. Совсем уже совесть потеряли!

— Женщина, чего вы ерунду несёте? Вам заняться больше нечем? — Артём опешил от таких слов, но старался оставаться спокойным.

— И хамит ещё старшим! Вы только гляньте на него! — явно привлекая внимание, довольно громко сказала тётка. Она, похоже, была настроена на скандал.

На них действительно стали смотреть другие покупатели. У Артёма кровь прилила к голове, и его бросило в жар. Он в упор смотрел на женщину и не находил, что ответить. Ситуация была наиглупейшая, в самом деле — не доставать же битое яйцо обратно и не демонстрировать его всем вокруг? «Дурдом какой-то», — подумал он, ощущая себя словно в тумане.

— Стойт, яйца покрупнее себе выбирает, да ещё и хамит, когда ему замечание сделали! — не унималась толстуха.

— Да иди ты... дура, — тихим шёпотом яростно сказал тётке Артём, резко повернулся и быстро зашагал прочь ни на кого не глядя. От хорошего настроения не осталось и следа.

— Чего?! — закричала та вслед. — Хам невоспитанный!

Но Артём уже скрылся за дальними стеллажами. «Как так-то?! — сердце у него бешено колотилось, он остановился, но успокоиться никак не мог. — Ну как так-то?! Что же это такое? Чего ей от меня надо? И ведь врёт, жаба! Врёт как дышит. Ну почему же люди такие бывают?! Откуда они берутся? Неужели им просто нравится скандалить? Но зачем?! Почему?! И ведь она же наверняка так себя всегда ведет, со всеми. Ведь не первый же я, кому она подобные вещи говорит. А ей уж лет под пятьдесят, наверное, даже больше».

Он стоял перед полками с какими-то кастрюлями и делал вид, что разглядывает их. Несколько раз глубоко вздохнув, он через некоторое время немного успокоился и, выйдя из-за своего укрытия, медленно пошёл с тележкой по проходу. «Ладно, если бы я действительно яйца крупнее выбирал, а то ведь не так всё это. И чувствуешь себя в такой момент как идиот последний. Вроде обвиняют тебя в чём-то, люди смотрят, и кажется, надо бы объяснить им, что неправда это, оправдаться, но в чём оправдываться-то? Что объяснять? Что я всего лишь битое яйцо заменил на целое? Но ведь это же глупо! Это же унижительно, в конце концов! Но что тогда? Что? В морду бить? Силой и таким же хамством отвечать? Но что тогда будет? Так ведь она ещё и баба, бить ведь не будешь, тем более в магазине. А если они кроме силы больше ничего не понимают? Вот так вот убежать сразу? Как же это всё гадостно».

Вдалеке, возле паллет с овощами, Артём снова увидел ту тётку. Она, нахмурившись, набирала в пакет картошку. Сердце у

него снова заколотилось. «Свинья толстая», — подумал он со злостью, повернулся и быстро пошёл на кассу.

Мать открыла дверь и с удивлением посмотрела на сына:

— Ой, Артём... Привет. А чего ты не сказал, что сегодня приедешь, когда я звонила? Ты чего такой, словно на взводе?

— Да так... — хмуро бросил он, разуваясь. — Мелочи жизни, не обращай внимания.

— Ну ты хоть расскажи, что там у вас с Эльвирой-то произошло? Почему вот так вот сразу?

— Мам, ничего не сразу. К этому уже давно всё шло. Ну а тут — всё, капнула последняя капля. Только давай сейчас не будем об этом, а? Настроения нет. Потом как-нибудь сам расскажу.

Мать пожала плечами:

— Как знаешь. А что это за кофта на тебе? Где твоя? Я эту у тебя ни разу не видела.

— Да моя испачкалась, выбросить пришлось. Эту дядя Гена дал.

— Дядя Гена? Как он там, кстати?

— Всё хорошо у него. Привет тебе передавал.

— Спасибо. Ты пообедаешь у меня?

— Не откажусь. Я поем, вещи у тебя кое-какие выложу, и мне на работу забежать надо будет. Потом домой, в смысле туда, к Эльвире, заберу тоже кое-что из своего, а потом снова к тебе. У тебя переночую и завтра снова в деревню поеду.

— Опять в деревню? Я думала, ты уж совсем вернулся.

— Да нет... Мне просто на работу нужно, ну и кое-что дома взять: вещи тёплые и так, по мелочи. Отпуск-то ещё впереди почти весь, чего мне тут в городе сидеть?

Пока мать разогревала обед, Артём прилёг на диван и закрыл глаза, положив руку на голову. На душе было мерзко и гадостно. У него было ощущение, словно он наступил где-то на улице в собачье дерьмо, притащил его домой, и оно непрерывно воняет. После того, как та тётка устроила скандал в магазине, у него напрочь вылетело из головы всё, о чём он думал до этого. Всех этих «я тебя люблю» словно и не бывало. Когда он шёл из супермаркета к матери, то просто не замечал окружавших его людей, прохожих, шедших навстречу, не говоря уж о том, чтобы говорить им что-то. «Как же

так-то? — думал он сейчас, лёжа на диване. — Вот так вот подошёл к тебе какой-то человек, нахамил на ровном месте, ляпнул чего-то про какие-то несчастные яйца, и сразу всё псу под хвост?» К горлу снова подступил комок, но на этот раз от ощущения полного бессилия перед элементарным хамством. Он вспомнил ещё и Зинаиду, продавщицу из деревенского магазина. Но там ему как-то удалось быстро взять себя в руки. А тут...

«Господи, ну как так-то? — сжал губы Артём. — Ну почему такое происходит? Я же *хочу* любить! *Готов* любить! *Я согласен* любить! Но что я могу поделать с собой, если не получается по-другому реагировать в таких ситуациях? Как там дядька говорил? Автоматически реагируем, рефлексивно. Но в силах ли я это изменить?»

— М-м-м... — он замычал, сев на диване и обхватив руками голову, которая снова разболелась.

— Сынок, иди мой руки и обедать, всё готово, — крикнула с кухни мать.

«Эх, тётка, тётка... — грустно думал Артём, молча хлебая горячий борщ, — тебе-то это зачем? Неужели это тоже привычка такая — скандалить? Как же так жить-то можно? — и вдруг он совершенно неожиданно почувствовал вместо гнева жалость. — Слушай, а ведь она и вправду с таким характером всю жизнь живёт. Ведь это же мучение, должно быть, — видеть вокруг себя только врагов, видеть один негатив, а если нет его, так самой выдумать. Какое у неё лицо было, когда она потом картошку накладывала — словно весь мир ей должен».

— Артём, ты какой-то не такой сегодня. Сидишь, молчишь... О чём думаешь-то? Поделись хоть, — мать с тревогой посмотрела на сына.

— Ничего, мам, так это я... Задумался просто. Всё нормально, не волнуйся. Да, кстати... От дома-то нашего деревенского, считай, ничего не осталось, — и он горько усмехнулся.

— Как это?

— А вот так. Покупатели наши, которым мы дом-то в своё время продали, уехали в город обратно. А дом на слом пустили, вот так.

— Ой как жалко! — мать всплеснула руками. — Пряма, совсем ничего не осталось?

— Сруб один стоит со стропилами и всё. Ни бани, ни стайки нет уже. А усадьба вся полынью да лебедой заросла. Да, баба Нюра поклон тебе передавала.

— Жива ещё? Как она там?

— Жива. Да я долго-то с ней не разговаривал. Так, постояли пять минут.

Закончив обедать, Артём выложил из сумки вещи и поехал на работу. В их службе безопасности работало больше ста человек, но в основном это были простые охранники на строительных объектах, по сути — обычные сторожа. В главном же офисе было всего десять сотрудников вместе с начальством. Павленко занимал отдельный просторный кабинет на одном этаже с генеральным, тут же были кабинеты всех остальных замов, бухгалтерия, проектировщики. У Артёма тоже был свой небольшой кабинетик, но этажом ниже, возле большой комнаты, которую занимали остальные восемь человек отдела. Некоторые, как Ильшат, курировали охрану конкретных объектов, а некоторые занимались вопросами экономической безопасности, проверяли надёжность контрагентов, обеспечивали компьютерную и информационную безопасность.

Придя на работу, Артём решил в первую очередь зайти к своим, а потом уже подняться к Кутейко.

— Всем привет, — поприветствовал он сотрудников, сидевших за столами, расставленными вдоль стен и отгороженными друг от друга невысокими перегородками. — Как дела идут?

— Добрый день, Артём Алексеевич, — подняли головы те, кто был на месте, — всё нормально.

Артём подошёл к Ильшату.

— Здорóво, — пожал он руку товарищу. — Нового ничего не слышно?

— Да нет, — тот поднялся с кресла. — Сидим вот, копаемся.

— Петрович у себя?

— С утра у себя был, а после обеда я его не видел ещё.

В этот момент дверь открылась, и в кабинет вошёл Кутейко.

— Здравствуйте, товарищи, — сказал он громко, затем быстро стрельнул глазами по сторонам и остановил взгляд на

Артёме. — О, и Сотников здесь! Прекрасно. Артём Алексеевич, разве вам не передали, что я искал вас?

— Здравствуйте, Борис Васильевич! Передали, я только что пришёл и как раз хотел к вам зайти.

— Спасибо, но в этом уже нет необходимости. Как видите, я сам здесь.

Кутейко заложил руки за спину, не спеша прошёлся по комнате и, встав у окна, стал что-то разглядывать на улице. Артём молча смотрел на него, остальные тоже подняли головы и с интересом наблюдали за замом генерального: он был у них не частым гостем.

— Артём Алексеевич, — примерно через минуту сказал Кутейко, продолжая глядеть в окно, — скажите, пожалуйста, почему вы нарушаете утверждённые генеральным директором нормативные документы?

Артём опешил. Он, конечно, не ожидал от Кутейко хороших новостей, но и такого поворота тоже:

— Я не понял, Борис Васильевич, вы о чём? Какие документы?

— А вы не знаете? Вы нарушаете установленный в компании порядок, а, следовательно, внутреннюю дисциплину, — Кутейко говорил размеренно, чеканя слова, словно шаг на параде.

Артём молчал. Молчали все остальные, боясь пошевелиться. Кто-то пригнулся пониже, чтобы его не было видно из-за перегородки.

— Когда я нарушал порядок? — Артём и вправду ничего не понимал. Он снова почувствовал себя так же, как с той тёткой в супермаркете: его обвиняют, а он понятия не имеет, в чём виноват.

— Вы в курсе, что в компании существует утверждённый генеральным директором график отпусков?

«Ах, вот в чём дело, — дошло до Артёма. — Ерунда какая-то... Тоже мне, нашёл нарушение».

— Так я же согласовал с Павленко.

— Артём Алексеевич! — повысив голос, Кутейко резко повернулся к Сотникову на каблуках. — Я не спрашиваю вас, что и с кем вы там согласовали, я вас спрашиваю, почему вы нарушаете

утверждённый генеральным директором график отпусков?! Вы согласовали этот вопрос с ним?

— Нет, — нахмурился Артём. — Но я же не пойду к нему сам.

— То есть вам плевать на то, что на графике стоит его подпись? — словно не слыша его, продолжал заместитель генерального по общим вопросам. — Вы сами тут порешали что-то и всё, так? Ну что ж, я ещё доложу генеральному директору о вашей с Павленко самодеятельности. Уж от кого от кого, а от службы безопасности я такого не ожидал. Ладно какой-нибудь сварщик, но чтобы заместитель начальника такой службы позволял себе такие вещи. Как вы будете после этого требовать дисциплины от своих подчинённых? — Кутейко повёл рукой в сторону попрятавшихся за перегородками сотрудников.

— Борис Васильевич... — начал было Артём, но потом понял, что что бы он сейчас ни сказал, всё будет абсолютно бессмысленным.

Перед ним стояла не толстая тётка, которой можно было хоть шёпотом, но сказать «дура!» и сразу же уйти, а потом постараться и вовсе забыть о ней. От этого солдафона, наделённого властью, так просто не уйдешь. Артёму стало невыносимо противно. Ведь этот гладко выбритый, пожилой уже человек в отутюженном дорогом костюме сознательно унижал его перед подчинёнными, понимая, что Артём никуда от него не денется, а тем более, не сможет ответить ему тем же. Он наслаждался своей властью и с удовольствием демонстрировал её.

«Господи, за что мне всё это сегодня? Что за неделя такая выдалась? Ведь это же тоже своего рода хамство, но и тут ведь в морду не дашь, хотя он и мужик. Это хамство совсем другого рода», — думал Артём, глядя в сторону.

— Что — «Борис Васильевич»? Я уже шестьдесят лет как Борис Васильевич. А вы только начинаете свою карьеру на руководящей должности, но, боюсь, она у вас может не задаться с такими замашками.

— Да какими замашками?! — всё же не сдержавшись, резко выкрикнул Артём. — Чего тут такого-то?! Раньше на полтора месяца или позже? У меня семейные обстоятельства так сложились.

Всякое же в жизни бывает. Павленко был не против. Я же не молчком убежал, никому ничего не сказав.

— Ах, вот оно что... Чего тут такого, значит?! Ну что ж... Всё ясно с вами, Сотников. Но имейте в виду, что этот разговор ещё не окончен, — и Кутейко, снова повернувшись на каблуках, быстро вышел из кабинета.

— Вот идиот-то, — тихо пробормотал Ильшат со своего места.

На Артёме лица не было.

— Ладно, давайте... Я пошёл, — махнув рукой, он тоже вышел из кабинета.

Поднявшись на этаж выше, Сотников заглянул к Павленко. Тот болтал по телефону, но, увидев зама, махнул ему рукой: «заходи!». Артём вошёл, но садиться не стал, а остался стоять, нервно переминаясь с ноги на ногу.

— Послушайте, Сергей Петрович, — начал он на «вы», когда тот закончил разговор, хотя в обычной ситуации они с шефом были на «ты», — чего этому Кутейко от меня надо? Какого хрена он докопался? Это что — так принципиально? Это влияет на работу компании? При чём здесь дисциплина? Мы что, сами не можем такой вопрос решить, когда и кому из нас в отпуск идти?!

— Тихо, тихо, успокойся, Артём, — примирительно заговорил Павленко, показывая, что он в курсе дел. — Ты сядь, в ногах правды нет.

Артём сел на кресло, но не перед столом шефа, а у стены.

— Ну видишь, какой он. Чего тут поделаешь? И формально-то он, собака, прав. Но это, конечно, уже моя вина, надо было подать генеральному твоё заявление, он бы черкнул, что согласовано и всё, вопросов нет. Делов на копейку. А я вот забыл, из головы просто вылетело. Сам-то твоё заявление на отпуск подписал, передал в бухгалтерию, а там этот вцепился: «Как так?! Почему не согласовано?! Где виза генерального?!» Давай мы так с тобой сделаем... Ты эту неделю ещё догуляй, тут день только остался, завтра и всё. А в понедельник уж выходи, наверное, обратно, а? — он просительно посмотрел на своего зама. — Чтоб не дразнить этого...

— Хорошо, — немного успокоился Артём.

— Я с генеральным переговорю, возьму всё на себя, чтоб к тебе никаких претензий, никаких там выговоров не было и прочей ерунды. Скажу, что не успели всё согласовать, тем более его и вправду неделю назад не было, он уезжал в командировку. Так что, не психуй, просто на будущее надо зарубить себе на носу, что с этим Кутейко ухо нужно остро держать, тем более, когда дело таких вопросов касается.

Артём встал и достал сигареты:

— Я закурю?

— Кури, — разрешил шеф, — форточку только открой.

Сотников подошёл к окну и приоткрыл фрамугу:

— Вот скажи мне, Петрович, откуда такие люди берутся? Ты понимаешь, ладно он бы меня к себе вызвал и там всё это высказал, но он ведь, гад, заскочил в общий кабинет (я к ребятам сначала зашёл, спросить, как дела идут), словно специально караулил меня, и там при всех отчитал, как пацана сопливого. При подчинённых. Это как называется?

— Да ты что?! — Павленко нахмурился и тоже встал со своего места. — Ну это уже свинство, конечно. Я, тогда, сам с ним ещё поговорю об этом, да и генеральному тоже скажу. Пусть придержит этого деятеля, а то он что-то совсем берега попутал со своей ретивостью.

Артём курил и смотрел на шумный широкий проспект под окнами офиса. Он вспомнил молчаливый березник и узенькую грунтовую улицу перед дядькиным домиком в деревне. Ему вдруг стало грустно и ужасно захотелось обратно туда, откуда он уехал только сегодня утром. «Хорошо бы вот так, чтоб сразу — раз, и через секунду там, — подумал он. Ему до чёртиков надоели автобусы и вокзалы за эту неделю, но по-другому, к сожалению, не получалось. — Конечно, можно было к Игорю не ездить, у дядьки лишний день побездельничать, на диване поваляться, книжку какую-нибудь почитать, но кто же мог подумать, что там всё так выйдет».

— Петрович, так всё-таки, откуда такие люди вообще берутся? Сегодня в магазине тётка одна нахамила, тут Кутейко этот. Ведь он специально это сделал, чтоб унижить меня при всех. Как же такие люди живут вообще? Ведь они всегда такие, со всеми, не

только со мной. Разве можно так жить? Они хоть кого-то в своей жизни любят вообще или нет?

Начальник службы безопасности внимательно посмотрел на своего заместителя:

— Откуда берутся? Да хрен их знает, уродились такими, вот и всё. Наверное, и любят кого-то: жену там, или мужа, детей, родителей. — Он подошёл к окну и тоже стал смотреть на улицу.

— А мне кажется, так нельзя — мужа, детей люблю, а остальных на дух не переносу. Это уже не любовь, это инстинкт. Животный инстинкт. Так же, как кошка своих котят любит. Просто инстинкт продолжения рода. Но чем же тогда они от животных отличаются? А ведь мы люди, мы должны и других любить, даже чужих.

Павленко непонимающе пожал плечами:

— Ну ты загнул! Это уже философия какая-то.

— Нет, Петрович, это не философия, это жизнь.

— Не знаю... Я о таких вещах сильно не думаю, некогда.

— Везёт тебе, — Артём вздохнул и затушил сигарету в пепельнице.

— Ты скажи, чего у тебя с семьёй-то? Недели-то тебе хватило хоть маленько обмозговать что к чему? Окончательно решил разводиться, что ли? А с жильём как? Ты же, вроде, совсем недавно только двушку себе сделал.

— Недели, думаю, хватило. В чём-то даже выше крыши. Разводиться решил окончательно, там, Петрович, без вариантов уже. А с жильём... Оставляю квартиру жене, хочу, чтоб у дочери своя комната была, отдельная. Сам пока у матери поживу первое время, потом сниму что-нибудь.

— Понятно, — протянул шеф.

— Ладно, пошёл я. В понедельник выйду, спасибо, что на завтра ещё отпустил.

Хоть Павленко и постарался успокоить своего заместителя, но настроение у Артёма не особо улучшилось. Его меньше всего волновали выговоры и прочая ерунда из-за этого взятого раньше срока отпуска. Он думал о Кутейко. Второй раз за день жизнь буквально в лоб сталкивала его с хамством. И если в первом случае, с тёткой это было хамство откровенное и наглое, то во втором —

завуалированное, прикрытое формальной правотой, но от этого не менее гадкое, а возможно, и более. Когда тебе хамит необразованный человек, возможно, выросший в не самых лучших условиях, сам не видевший в жизни ни добра, ни ласки, это ещё как-то можно объяснить. Но когда это делается изощрённо и человеком образованным, ведь это мерзко. Чем это объяснишь? Только откровенной любовью унижать людей, наслаждаться своей властью над ними? Любовью... Опять это слово. Но как можно *любить* унижать человека? Что *это* за любовь? Или всё же не любовь, а банальная привычка, как дядька говорил?

Однако, как ни странно, но за всеми этими рассуждениями Артём вполне отчётливо снова ощущал где-то в глубине души чувство жалости что к одному, что к другому. Это была не жалость, которую испытываешь к упавшему и разбившему колено ребёнку, когда охота подойти и утешить его, обнять, погладить по голове. Это была жалость иного рода, когда ты понимаешь, что человек своими поступками, всем своим образом жизни сам же себе вредит, но ты ничем помочь ему не можешь, так как он уже давно вырос и никого слушать не собирается. Ты видишь, что он делает только хуже, но можешь лишь стоять в стороне, просто наблюдая за этим. И этого Кутейко Артёму было даже жалче. Именно из-за того, что был тот не глуп и не необразован. «А значит, душа его закопана ещё глубже, чем у той тётки. У неё простое невежество, а у этого — цинизм и властолюбие, — Артём шагал вдоль проспекта, не глядя на людей и «на автомате» обходя прохожих. — С невежеством, наверное, можно бороться образованием, повышением культурного уровня, но как бороться с цинизмом? Ведь он всё уже сам знает, всё понимает, и поступает так вполне сознательно».

Ехать к Эльвире на автобусе не хотелось, хотелось пройтись пешком, тем более, время ещё было: часы показывали начало седьмого. Зайдя по дороге в магазин, он купил себе новый кошелек и снял немного наличных в банкомате.

«И всё-таки! — решительно сказал он себе в конце концов. — Всё равно я люблю вас! И тебя, тётка, и тебя, Кутейко. Вот так вот! И мне жалко вас, поскольку сами не ведаете, что творите. Вот так вот!» — повторил он, расправив плечи и подняв голову. Дальше он шёл, глядя прямо перед собой и снова мысленно говоря всем подряд «Я люблю тебя!»

К своему дому Артём подошёл в половине седьмого. Он решил быть точным и не заходить раньше времени. Через пять минут оказалось, что не зря. Переждать оставшиеся полчаса он решил на детской площадке, которая была чуть в стороне от их крайнего подъезда. Он сел на лавочку, снова обдумывая события последней недели. Ровно семь дней назад здесь произошло то, что произошло — слова Эльвиры, вызов полиции... И сколько же всего провертелось за это время. В его голове что-то реально перевернулось, встало то ли с ног на голову, то ли, наоборот — с головы на ноги. Сейчас он понимал одно: жить так, как было раньше, у него уже не получится. Даже если бы он и захотел, он бы просто не смог этого.

Зазвонил мобильник, это был Ильшат:

— Артём, привет ещё раз. На работе сегодня как-то бестолково получилось, толком не поговорили. Ты хоть скажи, как ты? Как самочувствие, какие планы?

— Всё нормально, спасибо, — улыбнулся Артём. — Я в понедельник уже выйду.

— Что, не удалось договориться?

— Да и не надо. Мне недели хватило.

— Ты сегодня приедешь? Где ночевать собираешься?

— Я у матери, Ильшат. Завтра снова в деревню сгоняю, а в воскресенье вернусь. — Разговаривая, он посмотрел на свой подъезд. В этот момент из него вышел Олег. Он не видел Артёма, так как сразу же свернул в сторону и скрылся за углом дома.

«Ну вот и хорошо», — подумал Артём.

— А то смотри, можешь к нам заскочить. Посидим, выпьем маленько. Стресс снять, — продолжал Ильшат.

— Нет, дружище, спасибо. У меня никакого стресса нет, всё нормально.

Прощавшись с Гариповым, Артём встал и пошёл домой.

Открыв дверь, Эльвира посторонилась, впуская мужа.

— Что, пришёл забрать что потяжелее? — усмехнулась она.

— Не понял. Что значит «что потяжелее»? — Артём разделся и прошёл в зал. — Я взвешивать не собираюсь, но не думала же ты, что я уйду с одной лишь сумкой? Полины нет?

— Нет, её мама забрала, скоро привести должна. — Эльвира сложила руки на груди и встала у окна совсем так, как тогда, на кухне. — Я тебе сразу хочу сказать, что квартиру я тебе не отдам и на размен не пойду.

Артём посмотрел на жену и улыбнулся:

— Не волнуйся. На размен подавать не стану, хочу, чтоб у дочери была своя комната. Но вещи-то кое-какие я могу взять? Или тоже не отдашь?

Он спокойно смотрел на Эльвиру и не мог понять, как он был без ума столько лет от женщины с таким злым лицом. Неужели хорошенькая фигурка и смазливая мордашка могут так запудрить мозги? Ведь действительно, не в одночасье же она изменилась, ведь характер такой у неё всегда был, просто он не замечал этого. Или не хотел замечать? «Чем же мы, мужики, только думаем, когда жён себе выбираем? — мелькнуло у него в голове. — Выходит, правда Гена? Чего на неё-то злиться, сам слеп был. Страсть, глупая животная страсть. Позарился на яркую обертку, а внутрь заглянуть позабыл. Вернее, даже и не подумал об этом».

Она пожала плечами:

— Забирай что хочешь.

— Ну понятно, что из Полининой комнаты я ничего не возьму.

— Да, холодильник я не отдам. Он мне самой нужен.

— А мне, выходит, не нужен? — чуть улыбнулся Артём. Ему стало даже как-то весело от этого торга, который затеяла Эльвира. Интересно было посмотреть, сколько в ней осталось элементарной человеческой порядочности.

— У меня дочь остаётся, как я буду без холодильника?

— Ну... новый купишь, — Артём старался сохранить серьёзное выражение лица, хотя давалось это ему с трудом.

— Да? Ишь ты какой! Новый купишь... Давай деньги — куплю.

— Так я и так алименты платить буду. Да, кстати, на развод подам на следующей неделе.

— Отлично! — Эльвира поджала губы.

— Так, значит, остальное могу всё забирать?

— Забирай на здоровье. Нет! Плилу кухонную, естественно ты тоже не заберёшь. И стиральную машинку — я её на свои деньги покупала.

Этот разговор, к радости Артёма, был прерван звонком в дверь. Ему становилось уже невозможно как противно слушать бывшую жену. Это была тёща, которая привела Полину.

Увидев отца, дочка радостно закричала:

— Папуля, привет! Я уже соскучилась! Куда ты пропал? — быстро раздевшись, она бросилась Артёму на шею.

— Привет, доча! — он подхватил девочку на руки и поцеловал в щёку. — Ну как у тебя в школе дела? Как оценки?

Полина перешла во второй класс и им только-только начали ставить отметки. Она страшно гордилась, когда в дневнике появлялись пятёрки, но так было не всегда. Были там и четвёрки, а порой проскакивали и тройки, вызывавшие у дочери неподдельные слёзы горя. Артём как мог старался объяснить дочери, что жизнь с каждой тройкой ещё не заканчивается, но та не хотела и слушать.

— Папа, на этой неделе у меня три пятёрки, две четвёрки, а троек совсем нет, — заулыбалась Полинка, не слезая с отцовских рук.

Тёща стояла тут же, в коридоре, не зная, как себя вести и что говорить. В целом с зятем у них были неплохие отношения, она подчас в семейных конфликтах даже больше винила свою дочь, видимо лучше зная её характер, но вот сейчас, когда, похоже, семья рушилась окончательно, не могла решить, чью же сторону занять. Она прекрасно понимала, что Эльвира вела себя далеко не как образцовая жена, но, что ни говори, а всё-таки родная дочь. С Артёмом же, хоть и были они близки по многим вопросам на то, какой должна быть семья (и раньше он, кстати, довольно часто апеллировал к мнению тёщи во время ссор с женой), но — всё же зять. Поэтому сейчас она молча стояла у двери, переминаясь с ноги на ногу.

Понимая, что с дочерью надо объясниться, Артём пошёл с ней в её комнату.

— Ну давай, показывай свои пятёрки, — попросил он Полину, опуская её на пол.

Та с удовольствием достала из ранца книжки, тетрадки и яркий красивый дневник. У Артёма сжалось сердце, и к горлу

подступил комок. Да, как ни хотел он, чтоб дочери не досталась доля расти без отца, но выходило по-другому.

— Умница ты моя, — поцеловал дочку отец. Помолчал немного, он сказал: — Полин, я хотел поговорить с тобой.

Девочка чуть нахмурила лобик и замолчала.

— Ты у меня уже большая, всё понимать должна... — начал было он, но Полина перебила его:

— Пап, ладно, не говори ничего. Я понимаю. Ты будешь отдельно жить, да?

Грудь у Артёма словно стянули обручами. Он взглотнул и потрепал дочь по голове:

— Да, Полина, отдельно, но это не самое главное. Самое главное — я хочу, чтоб ты знала, что я тебя очень-очень сильно люблю. И неважно, где я буду жить. Просто с мамой у нас не получилось... Так бывает у взрослых. Но ты здесь абсолютно ни при чём. Это наши с ней дела. А ты у меня умница, всё понимаешь. Ты самая-самая лучшая, самая хорошая. Мы обязательно будем с тобой видеться, я буду звонить, брать тебя к себе.

— А где ты жить будешь? — дочка посмотрела на отца грустными глазами, в которых стояли слёзы.

— Я пока ещё не знаю. Первое время, наверное, поживу у бабы Гали, а там видно будет. — Он нежно прижал к себе тоненькое тельце дочери. — Не плачь, Полинушка, я буду рядом. Всегда-всегда. Папа же тебя не бросает, я всегда буду с тобой, просто жить буду отдельно, вот и всё. Не сердись на меня, пожалуйста. Хорошо?

Дочка вытерла ладошкой глаза и вздохнула:

— Хорошо, папа. Я всё понимаю, я не сержусь на тебя, — и она ткнулась губами в отцовскую щеку.

— Ну и умница. Много тебе на дом сегодня задали?

— Не очень. По математике только задачки трудные.

— А давай я тебе помогу, — предложил Артём, и они ещё минут тридцать обсуждали с дочерью единицы измерения и разбирались, как правильно переводить миллиметры в сантиметры, а сантиметры в дециметры.

Артём глянул на часы, шёл уже девятый час, и на улице было темно.

— Ладно, доча, мне пора, а то совсем поздно будет. Ты меня отпустишь?

— Хорошо, папуля, иди. А когда ты ещё придёшь?

— После выходных, на следующей неделе. Я позвоню.

Когда Артём вышел из комнаты дочери, тёщи уже не было. Эльвира сидела в зале и смотрела телевизор. Он собрал в сумку и в пакет некоторые свои вещи, взял кое-какой инструмент, документы.

— Полина, ну я пошёл, пока, — он снова поцеловал вышедшую проводить его в коридор дочь. — Ты главное не забывай — я люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя, папочка, — ответила дочь и чмокнула отца в нос.

На улице подморозило, и довольно сильный ветер нёс по холодному серому асфальту белые крупинки. «Похоже, прав был тот мужик в автобусе, снег скоро будет», — Артём поднял воротник и застегнул до конца молнию на куртке.

— Костя сейчас звонил. Вот, перед тобой буквально, — сказала мать, когда сын вернулся домой. Она собирала на стол лёгкий ужин с чаем.

Костя был младшим (на два года) братом Артёма. С семьёй — женой и двумя ребятами — он жил в соседней области. Старший его сын Никита пошёл нынче в последнюю, подготовительную группу детсада, а с младшей дочерью жена ещё сидела в декретном отпуске.

— Как там они? — Артём сел к столу и стал намазывать на кусок хлеба яблочный джем.

— Хорошо. В отпуск собирается. Говорит, может, с Никиткой приедут на недельку погостить. На ноябрьские праздники.

— Мам, — спросил Артём мать, когда та стелила ему постель, — а почему вы с отцом развелись? Ты мне никогда толком не рассказывала.

Она посмотрела на сына и вздохнула, сев на краешек кровати:

— Так, а чего тут рассказывать? Он гулять начал, дружки всякие появились. Вот и разладилось у нас. Раз сказала ему, два — всё как об стенку горох. Ну я и говорю: собирай манатки да уматывай.

— А вы любили друг друга? Женились когда. Куда потом всё подевалось?

— Не знаю, сынок. Вроде любили, да пади разбери её, любовь эту... Может так, по молодости да по глупости. Вроде бы годы подошли, подружки замуж повыходили, ну и думаешь, чего в девках сидеть? А тут и ухажёр вот есть.

— Так не все же развелись потом. Я имею в виду подружек твоих. Кто-то так и живёт.

— Конечно, живут. Это уж кому как повезло, думаю. А кто-то разошёлся да по новой успел замуж выйти. Я тогда только педучилище закончила и в деревню вернулась, — мать невесело улыбнулась, видимо, вспоминая что-то из своей молодой жизни. — Ты-то чего думаешь дальше делать? Или кто-то есть у тебя уже на примете?

— Да ты что! Кто у меня есть? Для меня жизнь всего неделю назад на две части переломилась. Нет, мам, меня сейчас в это не заманишь. Один хочу пожить, для себя, ну их всех к лешему.

— Ну смотри, может, оно и к лучшему, чем мучиться-то. Осмотрись, глядишь, со временем какая-нибудь и подвернётся. Вон, у нас завучем в школе была Зина Муровская, ровесница моя, она и сейчас ещё работает. У неё дочка девка хорошая, серьёзная, нынче университет закончила, в аспирантуру поступила только что. Может, познакомить вас?

— Мам, ты меня слышишь? Я говорю, один пожить хочу, не надо мне никого сейчас подсовывать. Нужно будет — сам найду.

Мать встала:

— Да я так просто, к слову. Никто тебя не неволит. Ты завтра когда ехать хочешь?

— На первом поеду, в восемь который идёт, чтобы в деревню на двухчасовой успеть, засветло приехать. А в воскресенье вернусь.

— В воскресенье уже? — удивилась мать.

— Да, на работу вызывают. Срочно там надо...

— Так, а чего на день-то всего ехать? Может, тогда и не ездил бы вовсе? Отдохни дома, отоспись. Охота тебе мотаться по такой погоде? Холод да ветер.

— Нет, там дела кое-какие надо доделать.

— Какие у тебя дела в деревне могут быть?

— Ну... есть кое-что. Да и дяде Гене обещал, он ждать будет.

— Ну гляди, как знаешь, — мать вздохнула и пошла к себе в комнату. — Да, ты ключи от квартиры моей тогда возьми, раз сейчас у меня пока будешь. Я же дома не всегда сижу, не будешь ведь под дверью меня дожидаться в случае чего.

— Хорошо, — кивнул в ответ Артём, — договорились.

8 октября

Дела, про которые говорил Артём матери, на самом деле были не в деревне, а в райцентре. В двенадцать часов он вышел из автобуса и напрямик направился в РОВД.

— Добрый день, — обратился он к дежурному. — Скажите, дознаватель Суртаева у себя?

— У себя. А что вы хотели?

— Мне к ней по делу. Позвоните ей, пожалуйста, скажите, Сотников подошёл.

Переговорив с дознавателем по телефону, дежурный выписал пропуск. Поднявшись на второй этаж, Артём заглянул в дверь:

— Здравствуйте. К вам можно?

Суртаева удивлённо посмотрела на него:

— Здравствуйте. А что вы хотели? Решение по вашему делу пока не принято, сроки у нас ещё не вышли.

— Я как раз хотел обсудить это. — Артём прошёл в кабинет и сел на стул перед женщиной. — Я хотел бы забрать своё заявление.

Удивление на лице дознавателя стало ещё более сильным:

— Забрать? Не понимаю. А что изменилось за два дня? Да и как вы его заберёте? Оно же зарегистрировано в книге учёта заявлений. Это невозможно.

— Ну тогда, может, просто не возбуждать дело? В общем, нет у меня ни к кому никаких претензий.

Суртаева внимательно посмотрела на Артёма:

— Вас что — запугали? Или денег дали?

— Нет, что вы, — смутился он. — Я вообще домой уезжал, меня два дня не было. Сейчас только с автобуса. Никто меня не запугивал, просто не хоч ничего такого.

Озадаченная странным поворотом дела, дознаватель какое-то время молчала.

— Ну раз так, — наконец сказала она, — то всё, что я могу сделать, это вынести постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Но вам тогда нужно написать новое объяснение, что претензий ни к кому не имеете. А как быть с тем, что вас всё-таки ударили бутылкой? Ведь сотрясение, вред здоровью-то причинён.

— Да это ерунда. Голова уже почти не болит, я в понедельник на работу выхожу. Да и сомневаюсь я насчёт того, кто именно меня ударил.

— Как это? Вы же точно показывали на того парня, которого задержали в кафе.

— Понимаете, на тот момент мне действительно так казалось, а потом что-то засомневался. Да и голова тогда болела, плохо соображал.

Суртаева пожала плечами:

— Ну как знаете. — Она подала Артёму чистый бланк объяснения. — Напишите тогда собственноручно всё заново, отметьте, что претензий ни к кому не имеете, что здоровью ущерб не причинён, что не помните, кто именно вас ударил, ну и что ещё сами посчитаете нужным.

Артём вышел из кабинета и сел за стол у окна в конце коридора. Он ещё вчера вечером, когда возвращался к матери от Эльвиры, решил не давать делу хода. Во-первых, он действительно сомневался, что ударил его именно долговязый, и сваливать всё на него, обманывая и себя и полицию, он уже не хотел. Первая злость прошла. Во-вторых, ему действительно стало жалко этого глупого парня. «Ведь ему всего-то лет двадцать с небольшим, а он уже потерялся в этой жизни, хотя сам, может, и не понимает ещё этого». На самом деле, здесь Артём всё же сомневался. С одной стороны, он думал, что привлечение к ответственности может заставить долговязого хоть как-то одуматься, что уголовное дело отрезвит его, заставит посмотреть на жизнь по-другому. Но с другой, он сильно сомневался в этом. Более того, боялся, а не сломает ли это

ему жизнь окончательно? Ведь с таким пятном ему явно будет проблематично и учиться дальше, и найти работу, даже если он и захочет этого.

Артём размышлял над этим вопросом всю дорогу, пока ехал сюда. Как поступить? Но потом жалость к бестолковому переростку всё же взяла верх. «Может, Бог найдёт другой способ достучаться до него? Не через меня, не таким вот способом? Вдруг это, наоборот, сделает его в глазах дружков таким героем, понёсшим незаслуженную кару, страдальцем за всю компанию? Ведь какого-то серьёзного наказания он всё равно не получит, штраф небольшой дадут, который родители и выплатят, а судимость добавит ему лишь глупого авторитета среди таких же, как он, оболтусов. Нет, — окончательно решил он, — и я врать не стану, сваливая на долговязого то, в чём сам не уверен. Пусть хоть моя совесть тут будет чиста. Ведь, как ни крути, а это нечестно будет, какой бы он ни был. Ну и не хочу ломать этому балбесу биографию, пусть будет ему хоть мизерный, но шанс».

Закончив писать, Артём отдал новое объяснение дознавателю.

— Только вы сами потом не побежите в прокуратуру жаловаться, когда я «отказной» сделаю да уведомление вам пришлю? — посмотрела на него женщина. — А то, может, через пару дней снова передумаете?

— Нет, нет, не бойтесь. Обещаю, с моей стороны никаких жалоб не будет. Да, кстати, у меня просьба... Вышлите, пожалуйста, уведомление вот сюда, — и он дописал объяснение, указав в нём адрес дяди Гены.

— Хорошо. Только я что хочу вам сказать... У этого типа ещё не готовы анализы на предмет содержания в крови наркотических веществ. Имейте в виду, если у него что-то будет, то мы вынуждены будем реагировать.

Артём пожал плечами:

— Это уж вы как хотите, как у вас тут положено. Я же не вообще за него переживаю, я только по тому факту, что меня бутылкой по голове стукнули, не более.

— Ну хорошо. — Дознаватель подписала пропуск. — До свидания.

— Спасибо, всего вам доброго. Кстати, отдельное спасибо вам за «Маяк», — улыбнулся Артём.

Суртаева улыбнулась в ответ:

— Не за что. Удалось вздремнуть?

— Да, всё было отлично. — И он, выйдя из кабинета, пошёл на улицу.

Как ни удивительно, но после разговора с дознавателем у Артёма возникло ощущение, словно с плеч свалился неприятный давящий груз, и даже дышать стало свободнее. Выйдя из РОВД, он закурил и, расправив плечи, лёгкой походкой пошёл обратно на автостанцию. Пройдя метров сто, он свернул за угол и чуть не столкнулся лоб в лоб с Игорем.

— Оба! — встал тот как вкопанный, — Тёмыч, вот ни фига себе! Неожиданно... Здорово! А я на обед только пошёл.

— Привет, — Артём пожал приятелю руку.

— Ты куда во вторник-то пропал? Чего ко мне потом не зашёл? Как там всё было-то?

— Да никак. Всё, забрал я своё заявление. Вернее, написал, что нет у меня ни к кому претензий.

Старченко раскрыл от удивления глаза и непонимающе посмотрел на армейского сослуживца:

— Как? Ты чего, просто так отпустишь этого?

— Игорь, всё! Тема закрыта, не хочу я больше говорить про это. Нет у меня ни к кому никаких претензий.

— Вот дела... Чего-то не ожидал я от тебя такого. Тёмыч, я же готов всё подтвердить, что именно долговязый в галстук тебе бутылкой по башке дал. Не отвертится гадёныш.

— Игорёк, ты меня слышишь или нет? — Артём был серьёзен.

— Ну ладно, как знаешь. А ты сейчас-то чего? Куда собираешься?

— К дядьке я в деревню еду. Вчера домой на день сгонял, а сегодня вот сюда надо было... Сейчас в деревню поеду дальше. На два часа автобус.

— Ха! — у Игоря загорелись глаза. — Слушай, так давай я сейчас с работы свалю да с тобой махану. А то во вторник как-то по-дурачки всё вышло. Посидим хоть спокойно, выпьем. Дядька твой, поди, не выгонит? — он уже повернулся, готовый бежать на работу отпрашиваться.

— Нет, Игорь, не надо. Не хочу я, — остановил его Артём.

— А чего ты? Сегодня же пятница. Ты домой когда собираешься?

— В воскресенье, послезавтра.

— Ну вот! Завтра ещё целый день, отоспаться можно будет. А в воскресенье вместе вернёмся. Я домой, а ты дальше к себе поедешь.

— Нет, я же говорю: не хочу я. Пить не хочу, гулять не хочу, понимаешь? Один хочу побыть.

Игорь, похоже, не понимал. Глаза его потухли, и он обиженно повёл плечом:

— Ну что ж, не хочешь — как хочешь. Я не навязываюсь.

Артём улыбнулся. «Нет, меня на эту удочку ловить не стоит», — подумал он и громко сказал:

— Ну вот и отлично! Иди обедай. Приятного аппетита тебе, пока! — и, махнув рукой, он быстро пошёл прочь.

— Тёмыч, погоди! — окрикнул его Старченко, когда тот отошёл метров на двадцать. — Ты хоть дай мне номер мобильного своего! Я звякну как-нибудь!

Но Артём не стал останавливаться, сделав вид, что не услышал.

В полупустом «ПАЗике» он не стал садиться на место, указанное в билете, а прошёл на последний ряд, где никого не было. Короткий маршрут из райцентра в деревню становился ему привычным: как-никак, а он ехал по нему уже пятый раз за последнюю неделю. Артём усмехнулся этой мысли и прикрыл глаза, бросив полупустую сумку на сиденье рядом с собой.

Он задумался о дяде Гене: «Интересно, вот вроде бы знаю его всю жизнь, а выходит, что и не знал по-настоящему. Хотя, это понятно: разница в возрасте, я молодой был — свои интересы, о серьёзных вещах задумываться «некогда» было. А сейчас, получается, он мне так мозги перевернул, что я даже на Эльвиру с Олегом злиться не могу».

Доехав до деревни, Артём решил пойти к дяде Гениному дому не по главной улице, а через тот самый березник, по которому шёл, возвращаясь от Петра. За два последних дня, когда дождей не

было, ветер и ночные заморозки подсушили землю, поэтому идти было проще, хотя бы грязь не липла на туфли.

От «площадки» Артём пошёл в сторону дома двоюродного брата, но свернул с дороги раньше, как только по правую руку начался лес. Узкая неприметная тропинка виляла среди голых берёз, в кронах которых сейчас были ясно видны опустевшие вороньи гнёзда. Артём шёл не торопясь, загребая ногами рыжую влажную листву. Воздух был свеж и лёгок, в синем небе ярко светило солнце, дававшее уже совсем немного тепла. Он задрал голову и тихо сказал: «Тебе там, наверное, проще всем подряд светить, тебя никто не трогает. А тут только настроишься на нужный лад, так сразу кто-нибудь по башке треснет. Вот и люби их потом, свети как можешь».

Постепенно он дошёл до канавы, в которую упал той ночью. «Интересно, в каком месте я туда грохнулся? — подумал Артём, глядя по сторонам. — И правда, как только шею себе не свернул? Точно говорят, бог пьяных жалеет. Был бы трезвый — убился бы или ноги переломал». Внизу лежала новая металлическая труба, но никого из рабочих поблизости видно не было. Перепрыгнув канаву, он пошёл дальше.

Когда Артём вошёл в избу, дядька отступил на шаг назад и внимательно осмотрел племянника:

— Так, руки-ноги целы, голова на месте, синяков-ушибов новых, вроде, нет, — и он засмеялся. — Ну слава богу, заходи давай, раздевайся. Обедать будешь?

Артём тоже улыбнулся:

— Буду, если накормишь.

— Так, отчего не накормить родного племянника? Я-то тебя не дождался, только что поел, не знал, когда приедешь.

Налив Артёму тарелку супа и поставив на стол сковородку с жареной картошкой, он уселся тут же:

— Хлеб сам бери, сколько надо. Чай попозже поставлю, вместе попьём. Ну как съездил? Как там дела в области?

— Нормально съездил, дядь Ген. Только вот на работу меня вызывают. Не понравилось начальнику одному, что отпуск я взял не по графику, а раньше. Ну и вот поднял там бучу, придётся выйти после выходных.

— О как! Так уж не приезжал бы, чего мотаться туда-сюда, деньги только на билеты тратить.

— Нет, так я не могу, обещал же тебе. Да и кофта твоя у меня.

— Ну это уж мелочи. Без кофты я прожил бы как-нибудь.

— Да я ещё в райцентре в полицию заскочил. — И Артём рассказал дядьке о визите к дознавателю.

— Ну что ж... Твоё решение. Как совесть подсказала, так и сделал.

— А ты-то как считаешь — правильно я поступил? Ты же сам говорил: богу богово, а кесарю кесарево. Общественное наказание и всё такое... Или надо было до конца идти?

— Так тут ведь, смотря что концом считать. Ты же сам говоришь, что не был уверен, тот тип бутылкой тебя ударил или нет.

— Ну да.

— Вот и представь, что ты бы невиновного человека под статью подвёл.

— Да какой он невиновный? Так-то он тоже на меня с вилкой кидался.

— Но это же другое, бутылкой-то ведь не бил. А тебя потом всю жизнь совесть бы мучила, а исправить уже никак. Может, он и подонок, и подлец последний, да только негоже получилось бы всё равно. Чем бы ты тогда от него отличался? Ведь это, как ни крути, а с твоей стороны неправда бы вышла, обман.

Артём, доев суп, отложил ложку и задумался, глядя в окно на близкие берёзы, качавшиеся на ветру. В небе с востока стали наползать тяжёлые тёмно-синие тучи.

— Выходит, правильно тебе совесть подсказала, — продолжал дядя Гена. — Как бы ни хотелось, может, иной раз наказать вот такого вот, но не опускайся на его уровень. Потом сам жалеть будешь. Чего ты есть перестал? Давай, давай, а то совсем остынет всё.

Дядька встал и пошёл ставить чайник. Артём отставил пустую тарелку из-под супа и пододвинул к себе сковороду с картошкой:

— А почему ты мне это сразу не сказал, когда я в среду утром тебе обо всём рассказал?

— Если честно, то ждал. Вот этого вот и ждал, племяш. Хотел, чтобы ты сам с этим разобрался. Почему-то верил, что переменишь ты своё первоначальное решение. Но если бы не переменял, то обязательно бы сказал, конечно. Позже, пока ещё не совсем поздно было бы.

Дядя Гена принёс чай и достал блины с мёдом:

— Сегодня с утра сам решил блинов напечь. Вот сколько ни стараюсь, а не могу приноровиться, какие-то они у меня корявые всегда получаются. Вроде всё правильно делаю, а не выходит.

— Ерунда, — улыбнулся Артём. — Что на них, любоваться что ли? Главное, чтоб есть можно было.

— Вот и я так же думаю: всё равно ведь жевать, — засмеялся дядька.

— Слушай, — племянник взял кривобокий блин, свернул его в трубочку и макнул в мёд, — ты вот мне в первый день говорил, что сам я виноват, женился на Эльвире, не разобравшись, а сейчас на неё бочку качу. Дескать, я сам не меньше её виноват во всём, что с нами произошло.

— И что? — Дядя Гена тоже макнул в мёд блин и с удовольствием отправил себе в рот. — Ты не согласен?

— Да нет, как раз согласен. Сейчас вот съездил, домой заходил за вещами да с дочкой повидаться, ну и с женой «пообщались», так сказать, пять минут. Если честно, сам удивляюсь, как я с ней столько лет жил. Словно прозрел — ведь совершенно не мой человек. Ты понимаешь?

— Понимаю, ты не первый такой, ну и не последний, к сожалению.

— Так ты мне вот что объясни — а был ли у меня вообще шанс разглядеть её раньше, тогда, девять лет назад? С чего я был так слеп? Ведь влюбился же до безумия, но был ли у меня выбор? С матерью вчера поговорил, она тоже говорит, что вышла за отца, толком не разобравшись, по молодости да по глупости. А вообще — могло быть по-другому?

— Гм... Хороший вопрос, племяш. Что касается твоей матери, то я тебе сразу скажу: вот после того, как она за твоего бату замуж вышла, за Алексея, я и стал задумываться как да что в этом мире устроено. Ей же тогда все говорили: намучаешься ты с ним, Галка, непугёвый он. Ты меня, Артёмка, извини, я понимаю,

что для детей их родители это всё, но раз уж такой разговор зашёл, то... Он же и до свадьбы с девками гулял и выпить был не дурак, да она словно не видела этого. Он к ней сунулся, а она и рада-радешенька — жених. Подружки почти все мужьями уже обзавелись, ну и она давай к свадьбе дело гнуть. Я не знаю, насколько он сам хотел на ней жениться, но вот вышло так, как вышло.

Если честно, то думаю, и у тебя не было никакого выбора. То есть, если говорить о количестве потенциальных невест, то выбор, конечно, был, ведь не одна Эльвира твоя на белом свете живёт. Но есть такое слово — судьба. И, как говорят в народе, от неё не уйдешь. Впрочем, тут я поспорил бы немного, так как истина эта, на мой взгляд, лишь частичная.

— То, что от судьбы не уйдешь?

— Вот именно. Помнишь, я тебе говорил, что верю, что люди не один раз живут?

— Помню, конечно.

— Ну так вот... И говорил ещё, что рождаемся мы все с разным стартовым капиталом, если так можно выразиться, в разных условиях. А от чего это зависит? Те же буддисты говорят, что от кармы. Слышал такое слово? Закон причины и следствия.

— Конечно, слышал. Так и индусы, вроде, про карму тоже говорят.

— Да, это и в буддизме, и в индуизме и ещё в некоторых религиях восточных есть. Мне кажется, это вполне даже объясняет то, почему один родился в семье бедного крестьянина, а другой аристократом, один папуасом на каких-нибудь островах в Океании, а другой в семье миллионера в Нью-Йорке. При этом не факт, что родиться папуасом в Океании, это хуже, чем миллионером в Нью-Йорке. Может, даже лучше. С каким багажом подошёл к смерти, с таким потом на свет появился. Но не просто появился, а ещё и имеешь определённый набор уроков, через которые должен будешь пройти. И вот, как проходишь эти уроки, так твоя дальнейшая судьба и складывается. Уяснил предмет — по одной дорожке пошёл, не уяснил — по другой. Мне кажется, как-то так это всё устроено. Но в конечном итоге всё это для нашей же пользы, чтоб научились мы жить по любви.

— Погоди, но вот говорят же: «На всё воля божья»? Значит, всё-таки это Он определяет, чему быть с нами тут, на земле.

— Не совсем так. Мы сами определяем это своими поступками, тем, как живём на этом свете. А Он, по сути, лишь реализует нашу волю, поскольку мы ведь сами делаем свой выбор: как жить, любить или ненавидеть, добро творить или зло. А что касается семьи, то я тебе ещё одно выражение тогда скажу, которое люди часто понимают неверно. Слышал такую фразу: «Браки заключаются на небесах»?

— Слышал, конечно.

— Ну так вот... Люди часто её понимают так, будто брак, это что-то святое, получившее благословение с небес, будто ангелочки вокруг молодожёнов летают, и сам Бог благословляет их на долгую и счастливую совместную жизнь.

— А разве не так?

— Нет, племян, не так. В этой фразе заключена не более, чем предначертанная тебе свыше судьба. Эта фраза говорит о том, что на самом деле это не ты сделал свой выбор с кем связать свою судьбу, он сделан давно за тебя там, на небесах. Это твоя судьба, ну или карма — с кем в брак вступать. И в этом смысле, да — это часть общего «от судьбы не уйдёшь». Вот говорят: влюбился с первого взгляда. А как такое происходит? Бывает вообще, что человек рядом с другим живёт годами, видит его время от времени, но практически не замечает, а потом в какой-то момент — бац! И, как говорится, стрела амура пронзила его сердце. Влюбился. С чего бы это? А вот — судьба, время пришло. Поэтому, когда и в кого влюбиться, это уже за тебя решено, так твоя карма и реализуется на практике. Никакой земной логики ты в этом при всём желании не найдёшь. И каждый супруг свою собственную карму отрабатывает первые годы совместной жизни, каждый получает то, что натворил в прошлой, а дальше уж как получится. Если пройдёт уроки муж или жена без злобы и обид, сделает правильные выводы — дальше можешь двигаться. Если второй супруг не понимает этого, и жить вместе становится невозможно, вот как у тебя — разведись, другая судьба где-то ждёт тебя. Только отпусти её без претензий. Если оба поняли, что к чему — то могут так и жить дальше, только уже по-новому, на новом, так сказать, уровне отношений. А если вдруг разбежались раньше времени, со взаимными обидами да

обвинениями, то и в новом браке всё может повториться заново. А самое главное — это понять, что браки хоть и заключаются на небесах, но вот *как жить* в этом браке, это целиком зависит уже от супругов, от их выбора. Тут Бог только подсказывает, а не управляет человеком.

— Так, а чего ты мне тогда говорил, что сам я виноват, что на Эльвире женился, не разобравшись в ней толком? Выходит, не мог я по-другому, если за меня кто-то уже всё решил! Сам же говоришь — судьба.

Дядя Гена покачал головой:

— Да я уже тебе десять раз объяснял — мне надо было, чтоб ты перестал эту Эльвиру обвинять во всех грехах, чтоб прекратил злиться на неё, чтоб от гнева своего отказался. Ну сказал бы я тебе всё это тогда — как бы ты отреагировал? Сказал бы: дурак ты дядя Гена, кто там за меня чего решал, какая ещё карма? А так ты хоть думать стал об этом, со всех сторон смотреть. И, что касается эмоций, то это-то всё так и есть, как я тебе говорил, тут я ничего не наврал и не выдумал.

Артём улыбнулся:

— Да, наверное, и вправду тогда бы я не понял ничего такого. Злость во мне кипела, порвать был готов и жену, и Олега этого.

— Ну вот... А поговорка эта — «На всё воля божья», именно поговорка и не более, поскольку в Библии такого вообще-то не сказано. Её, мне кажется, для того и придумали, чтоб в какой-то мере человек мог снять ответственность за происходящее с себя или ещё с кого-то, на Бога её переложить, и тем самым себе душевные страдания облегчить. Дескать, вот страдаю я, но это ведь Божья воля такая, Он так решил, потому не ропщу. Может, это и правильно в некоторых ситуациях, именно для того, чтоб человек не выплёскивал массу негативной энергии, а смирял себя. Но всё же это просто такой костыль, облегчающий душевную боль в некоторых ситуациях, а никак не закон мироздания. Вспомни: Бог есть любовь! Зачем же любви по своей воле делать так, чтобы люди страдали? Нет, Артём, Он хочет, чтобы люди жили счастливо, и пребывали в этой самой любви, но без свободы выбора это была бы уже не настоящая любовь, а искусственная. Это была бы не созидательная энергия любви, которая нужна Ему, а так, мёртвая

имитация, подделка. В этом вся проблема и заключается. По-настоящему человек может любить только сам, только когда любовь идёт от сердца, от души по его собственной воле. Но человек слаб, его легко сбить с толка, искусить, запутать, соблазнить на сомнительные удовольствия, вот поэтому и живём мы так, как живём.

Артём вздохнул:

— Ты знаешь, дядь Ген, печально всё это. И я понимаю, что уже не смогу жить так, как жил раньше. Буквально вчера поймал себя на том, что на Эльвиру с Олегом даже злиться не получается. Естественно, общаться с ними тоже не желаю, но и злиться на них не могу. Слишком многое у меня за эти дни перевернулось и в душе, и в голове. Но, почему-то, грустно только, а хочется жить счастливо и радостно.

— А что такое счастье, по-твоему?

— Счастье? — племянник удивлённо посмотрел на дядьку.
— Ну как... Наверное, когда всё хорошо вокруг. Когда ни с кем не ругаешься, когда тебя любят, когда сам любишь, когда здоровы все.

— Вот знаешь, ты, конечно, всё правильно говоришь, но у каждого тут свой перечень может быть, так ведь?

Артём пожал плечами:

— Наверное.

— У тебя один список того, что нужно для счастья, у того, кто тебя бутылкой припечатал — другой, у Зинаиды-продавщицы — третий и так далее.

— Ну, а как ещё? Люди-то все разные?

— А от чего оно зависит, счастье это, по-твоему? Как его достичь-то?

Племянник грустно усмехнулся:

— Кабы знать.

— Знаешь, я в своё время читал много разных определений, что такое счастье, но несколько лет назад вывел своё собственное, как мне кажется, более-менее универсальное и вполне себе короткое.

— Какое же?

— Счастье, это когда у человека удовлетворены все его потребности. Вот и всё. И если ты вдумаясь в эту фразу, в эту

формулу счастья, то поймёшь, что невозможно достичь счастья раз и навсегда, поскольку, во-первых, потребности у человека могут меняться: сегодня они одни, а завтра другие; а во-вторых, потому что потребность, удовлетворённая сегодня, уже может не быть таковой, допустим, завтра. Причём нашими потребностями ведь могут весьма успешно манипулировать, навязывать их нам. Возьми рекламу — ведь это не что иное как навязывание человеку какой-либо потребности, без удовлетворения которой он уже не может чувствовать себя счастливым. Вот и тратят люди деньги на какую-нибудь ерунду, без которой жили вполне счастливо всего день назад. Но сегодня их убедили, что это, оказывается, жизненно необходимо, ну или круто, или модно (тут уж у кого какие слабости), вот и попался человек на крючок. Начинает в душе свербить: надо, надо, надо, хочу, хочу... И пока не удовлетворит эту навязанную потребность, будет ходить и мучиться, потом купит что нужно — всё, хорошо на сердце стало. Но вот надолго ли?

И эта формула счастья, которую я тебе привёл, говорит также и о том, что человек может приблизить себя к нему, если будет сам управлять своими потребностями, если возьмёт их в свои руки, а не позволит существовать им бесконтрольно и хаотично. К примеру, ты ощущаешь себя несчастным — сядь и проанализируй, какая из твоих потребностей неудовлетворена. А потом посмотри — есть ли реальная возможность и необходимость удовлетворять её. Если нет, если ты можешь прожить без этого, то просто откажись от такой потребности и всё. Скажи себе: «Мне это не нужно, это потребность не моя, она чужая». И твой уровень счастья сразу повысится. Всегда отслеживай свои потребности! Смотри, не появились ли среди них навязанные кем-то со стороны, нет ли там ложных потребностей, нет ли среди них того, без чего ты вполне можешь прожить. Вот и всё, и будет тебе, как говорится, счастье. Живи и радуйся. Есть потребности врождённые, а есть приобретённые. Врождёнными — это потребность в еде, тепле, сне и так далее, управлять сложнее, но при определённом навыке, тоже можно. Хотя бы свести их значимость к минимуму. С приобретёнными в чём-то легче — тут, как говорится, было бы желание. Это наши привычки, ну и прочие хотелки. Вот то же курение, про которое мы с тобой в первый день говорили.

А что касается того, что тебе грустно... Нет, Артём, ты ещё просто не понял. Научиться любить — это здорово! Я бы даже сказал, это весело, если любовь эта настоящая, и если делать это с пониманием, для чего ты это делаешь и для кого.

— Может, это и весело, когда ты один в лесу живёшь да не видишь никого. А когда постоянно сталкиваешься с людьми, которым до этой самой любви никакого дела нет, которые в лучшем случае просто не думают об этом, а в худшем сознательно хамят и делают всё наоборот... Я не знаю, мне как-то тяжело.

— Артём, я тебя понимаю. Но ты ошибаешься, если считаешь, что я вот тут сижу один и наслаждаюсь одиночеством да любовью ко всему живому на земле. Тут другие проблемы начинают досаждают. Да хотя бы то же одиночество. Как бы там ни было, но человек ведь животное общественное, так эволюцией сложилось, и это, кстати, одна из врождённых потребностей человека — общение. Поэтому я с разными людьми встречаюсь регулярно, может, конечно, не в таком количестве, как вы в городах, но всё равно... Я тебе уже говорил, что это не просто, это труд, но если ты встал на этот путь, то другого уже не примешь, как бы тяжело ни было. А чтобы не было грустно, чтоб не впадать в уныние и хандру, надо просто искать себе радости в этой жизни, но не водку пить да по клубам ночным таскаться, а вот в лес сходить, к примеру, спортом заниматься, путешествовать, творчество какое-нибудь подобрать себе по вкусу. Да и не один же я такой на земле, кто об этом думает. На самом деле, тех, кто старается жить пусть не по любви, но хотя бы на позитиве, довольно много. Я тебе скажу, их даже большинство. Просто они не выпячиваются, живут да живут себе потихоньку, вот их и не видно. А те, кто агрессивен и зол, они к себе много внимания притягивают. Вот скажи, у тебя на работе что — все ходят и хамят друг другу постоянно? Или соседи? Что, все такие уж злобные?

— Да нет, конечно.

«А ведь действительно, большинство-то людей, наверное, вполне адекватные и нормальные, — подумал Артём. — Ведь не все такие, как та тётка да Кутейко. Вон, Ильшат с Маринкой, да и тёща та же, и дознаватель из полиции, и в гостинице та девушка, и вот тётя Люда, да полно таких, получается».

— Вот видишь. И ты не раскисай и нос не опускай. Ты только-только начал думать об этом, вот тебе и непривычно. Мозги-то привыкли по-старому мыслить, сопротивляются. Ну и жизненные обстоятельства так сложились, что тебе везде сейчас предательство да хамство мерещатся.

— Да, наверное, ты прав. Но вот скажи, всё равно ведь невозможно постоянно ходить и думать о том, что люблю я каждого встречного-поперечного. Ведь голова бывает и другими вещами занята.

— Так и не надо всё время так думать. Я же тебе приводил пример с солнцем — вот оно светит да светит себе, не думая, кому именно. Так и у тебя, когда привычка появится относиться к людям по-доброму, по «агапэ», это и будет, как маленькая лампочка внутри, которая просто будет светить сама по себе и всё. Я тебе посоветовал говорить мысленно людям «я тебя люблю», чтобы просто отучить себя от критического взгляда на них, чтоб не смотреть на всех с осуждением, с негативом, как мы привыкаем. Это словно гимнастика такая для мозгов. А когда «накачал мышцы», то можно и просто жить спокойно. Или я тебе ещё так скажу: если не можешь светить сам, так хотя бы не загораживай свет. То есть, если не получается в данный момент думать «я люблю вас», так хотя бы не смотри с осуждением, с негативом, будь, как минимум, нейтрален. Не работай на антилюбовь. Но при этом всегда помни, что долго сохранять такой нейтралитет у тебя не получится. Антибог не оставит тебя в покое, пока не затащит к себе. Помнишь, мы говорили о том, что человек не может не грешить, к этому его животная природа всегда подталкивает. Поэтому, если не будешь сам стремиться к любви, делать к ней усилий, неизбежно скатишься в эту яму. К сожалению, это так, и я уже тебе говорил, что это постоянный труд и самоконтроль.

Артём грустно улыбнулся и вздохнул:

— Немного понятнее стало, но, если честно, не легче.

— Ерунда, это в тебе ещё стержня нет, вот ты и гнёшься. Но было бы желание, и всё получится. Ой, блины-то у нас совсем остыли, да и чай тоже. Противопоказано нам с тобой разговоры вести во время еды, — засмеялся дядя Гена. — Но ничего, это мелочи, снова разогреть можно.

— Да не надо, я уже наелся, дядь Ген.

— Как знаешь, тогда ими же вечером поужинаем, перед сном.

На улице возле дома громко зарычала какая-то техника. Дядька выглянул в окно:

— Кажись, Петруха на грейдере своём. Остановился, выглядывает. Пойдём выйдем, что ли? — он поднялся со стула и стал одеваться.

Артём, накинув куртку, вышел вслед за дядькой. Пётр в фуфайке, старых вытертых джинсах и грязных кирзовых сапогах сидел наверху в кабине грейдера.

— Здорово! — попытался он перекричать свою технику, открыв дверь.

— Ты хоть слезь вниз-то да заглуши свой керогаз, а то ведь не слышно ничего! — закричал ему дядя Гена.

— Да я его потом не заведу! погоди, сейчас. — И Пётр отъехал метров на двадцать дальше по улице. Выбравшись из кабины, он спрыгнул на землю и вернулся назад.

— Ну вот, хоть так, а то слушать этот грохот... — дядя Гена пожал руку племяннику, поздоровался с ним и Артём. — Ты как в наши края?

— Да мимо ехал, дай, думаю, остановлюсь, узнаю, как вы тут... — Пётр засунул руки в карманы. Он, как обычно, был не улыбочив и хмурился, смотрел больше в сторону, а не на собеседников.

— Да мы-то нормально. Артёмка вот успел уже и в райцентр съездить, и в область к себе, сейчас вот приехал на двухчасовалом.

— А чего ты мотаешься? Говорил же, отдохнуть хочешь.

— Да тут кое-какие дела срочные на работе нарисовались, — не стал вдаваться в подробности Артём.

— А-а... ну-ну, — Пётр переступил с ноги на ногу. — Ну как у тебя, дядь Ген, вообще-то? Здоровье... Если чего по хозяйству, может, надо, так ты говори. Чем смогу — помогу.

— Да всё хорошо, спасибо. Жив-здоров, а по хозяйству сам помаленьку управляюсь, слава богу. Как вы там живёте? Как дети, жена?

— Да чего им сделается. — Племянник сплюнул в сторону.

— Ой, погоди! — дядя Гена хлопнул себя ладошкой по лбу. — Хорошо, что вспомнил, и ты как раз погодился. Пока Артёмка здесь, давайте-ка вы мне помогите ульи в подпол снести, а то уже время аккурат подходит, морозы не за горами.

Все втроем пошли в огород. Пчёлы уже не летали, готовились к зиме. Лишь некоторые осторожно выползали наружу, посмотреть, какая погода и чего ожидать в ближайшее время. Дядя Гена приготовил верёвки, закрыл летки у ульев, и Артём с Петром, подхватив пчелиные домики, перенесли их один за другим в избу. Дядя Гена слез в подпол, а племянники, поддев под ульи верёвки, спустили их ему вниз.

— Ну вот, а то одному-то мне тяжело уже с ними управляться, всё равно кого-нибудь звать пришлось бы. — Дядька выбрался наверх. — Спасибо, хлопцы, помогли.

Все снова вышли за ограду.

— Ты на могилке-то у отца давно был? Может, там чего поправить надо? — глядя на Петра, спросил дядя Гена.

Тот пожал плечами:

— С похорон, наверное, и не был. Да мать, вроде, ходит.

— Да ты что?! Мать — это мать, а ты-то ведь сын. Ведь отец твой родной там лежит, три года уж скоро будет!

— Да Светке то некогда, то ещё чего...

— А чего тебе Светка? Сам дорогу не знаешь, что ли? — сердито выговаривал племяннику дядя Гена.

Пётр поморщился и виновато замялся на месте:

— Съезжу, съезжу... Кстати, раз уж про это заговорили. Новость не слыхал? — Пётр глянул на дядьку. — Семёныч позавчера удавился.

— Какой Семёныч? — не понял дядя Гена.

— Ну этот, стихоплёт-то... Завклубом-то бывший.

— Как удавился? Да ты что? А чего случилось? — дядя Гена нахмурил брови, лицо его посерело.

— Да я сам толком не знаю... Он же срубы рубил. Говорят, будто у кого-то денег занял на лес-то, на кругляк. Купил, сруб сделал пять на пять, покупатели какие-то нашлись из города. Да, видать, ушлые ребята оказались, объегорили его. Сруб как-то умудрились увезти, а денег ему не заплатили. Аванс, вроде, совсем

небольшой дали, а остальное — всё! Поминай как звали. А ему, выходит, и долг отдавать нечем, и на житьё денег нет. Ну вот он не нашёл ничего лучше, как в петлю залезть. Завтра хоронить будут.

— Вот дела, — печально сказал Артём. — Так, а этих-то что? Знают, кто такие?

— А чего им? Не они же его в петлю засунули, сам залез. Что им предъявишь? Скажут, завтра бы деньги отдали, вот и всё. Да и договоров он ведь с ними не подписывал, чеки всякие не отбивал. Могут вообще сказать, что всё ему уже отдали, да он сам пропил или потерял.

— М-да... — дядя Гена грустно смотрел на березник. — Как же так-то?

— Вот тебе и «классная штука — жизнь», — тихо пробормотал Артём.

— Что? — не понял его дядька.

— Да я, когда у Петра был, там как раз этот Семёныч заходил, стихи свои читал про то, что жизнь, это классная штука.

— М-да... — снова задумчиво произнёс дядя Гена.

— Ну вот, такие новости. Ладно, поехал я дальше. Ты-то к нам зайдёшь ещё? — спросил Пётр Артёма.

— Да нет, Петро, я в воскресенье домой уже еду. На работу надо срочно выходить, вызывают.

— Понятно. Ну давайте, тогда. Счастливо оставаться! Привет там тёте Гале передавай.

Все пожали друг другу руки, и Пётр пошёл вразвалку к своему работающему грейдеру.

— Жалко мужика, — печально сказал дядя Гена, когда они с Артёмом поднялись на крыльцо.

— Ты знал этого Семёныча?

— Не то чтобы очень хорошо, но несколько раз пересекались. И тогда ещё, в советские годы, и после. Добрый он был по натуре, но совсем как ребёнок иной раз, не приспособленный к жизни этой. А потом вот не смог вписаться в новую нашу, капиталистическую реальность. Таких людей, по хорошему-то, надо поддерживать, нельзя их бросать на произвол судьбы, как всех нас в то время бросили. Но кто-то смог перестроиться, а кто-то вот... Пить он стал. Там от жизни этой

прятался. Но ведь не выход это, я говорил ему как-то, но, видать, поздно уже было, не помогло. Ну что ж, земля ему пухом, — он вздохнул и посмотрел на небо. — Тучи тянет, что-то будет ночью. И холодает при этом, ветер. Ладно, пошли в избу, пока совсем не замёрзли.

Артём задержался ещё на какое-то время. Он подумал, что вот совсем недавно, и недели не прошло, как он видел этого самого Семёныча, слушал, как тот читал стихи, а сейчас человека уже нет. Зароют завтра в землю и всё. Жил-жил и нет, не живёт больше. А остальные живут, и те, кто обманул его и, по сути, подтолкнул к такому страшному шагу, тоже живут. Едят, разговаривают, смеются, может, даже радуются, что вот облапошили растяпу деревенского. «Интересно, этот обман уже случился тогда, когда Семёныч пришёл поздно вечером в дом Петра? — подумал Артём. — С чем он приходил? Просто выпить лишнюю рюмочку? Или горе своё залить? А может, поделиться хотел, помощи попросить, да так и не решился? Или не было тогда ещё этого обмана, и обмывал он радость свою, что покупатели на сруб нашлись?»

В доме Артём сел возле чуть тёплой ещё с утра печки: он немного продрог, пока они разговаривали с Петром.

— Дядь Ген, так вот что — тех, кто обманул этого Семёныча и к петле подтолкнул, тоже любить? Тоже к ним по «агапэ» относиться? Сострадать, ценить и сочувствовать? — Он достал сигарету и приоткрыл топочную дверцу.

Дядя Гена снова вздохнул и присел рядом:

— Что я могу тебе сказать? Только то, что уже раньше говорил: не можешь светить, так хотя бы не загораживай свет. Согласен, любить таких сложно, особенно нам, простым смертным, а не святым, которые, наверное, и к таким бы с любовью относились. Но я тебе говорил уже, что любовь эта к душе, а не к оболочке. Вот это самое сложное — видеть в человеке душу, каким бы он ни был. Её любить, ей сочувствовать, её жалеть.

— Да, я помню, ты говорил. — Артём вертел в руках сигарету, не зажигая её. — «Богу — богово, а кесарю — кесарево». Только так это сложно — делить отношение к человеку на «богово» и на «кесарево».

— А есть ли у нас другой выход? Если уйти только в «богово», то те, кто в это «богово» не верят, рано или поздно просто

поубивают остальных и всё. По крайней мере сейчас дело, увы, так и обстоит. Без тормозов-то и без границ натворят делов. Поэтому и надо их принуждать к порядку, наказывать за нарушение мирских законов. А если уйти только в «кесарево», то так свою душу погубим, будем антибогу служить. Поэтому, как бы это ни казалось нереальным, но по-другому просто нельзя. Может, ещё через пару тысяч лет что-то и переменится, хотя, если честно, я сомневаюсь. Люди, увы, по сути своей не особо-то и меняются. Технологии развиваются как на дрожжах, наука непонятно куда движется — то ли доброе дело сделаем, то ли себя взорвём окончательно. В космос, вон, летаем, на Марс собрались, а здесь, на земле до сих пор жить по-человечески не научились. Искусственный интеллект придумываем, но хоть кто-нибудь серьёзно понимает, чем это обернётся для нас лет через сто? Сомневаюсь. Свой интеллект развивать не хотим, так придумываем искусственный в надежде, что сможем держать его под контролем, но чтоб он за нас думал, чтоб умнее нас был. Не знаю, мне кажется, это безумие какое-то! Куда это всё нас заведёт? Не рубим ли сук, на котором сидим? Ох-ох-ох... Хотя, тот, кто это делает, наверное, понимает всё это. Мне кажется, из людей и делают натуральных роботов — биороботов. Разучают думать, мыслить. А кому это нужно? У меня ответ один — антибогу, ведь такой человек не способен к любви. Ну что ж, винить потом некого будет, сами выбор свой делаем. Моя-то жизнь, как ни крути, к закату идёт, а вот на ребятишек смотрю, на тех, кто только в школу идти собирается, и думаю: а какая жизнь у них будет? Ладно, если это я так, по-стариковски ворчу, но ведь, правда, посмотришь по сторонам и не знаешь, то ли бояться, то ли удивляться.

Вот Достоевский в своё время сказал, что красота спасёт мир. А я не понимаю — с чего вдруг? Красоты во все времена вокруг было более чем достаточно. Выйди в лес, в горы, в поле, оглянись — разве не красота вокруг? А сколько прекрасных произведений искусства создано? Живопись, музыка, скульптура... И что? Мир становится лучше? Сколько литературы написано о жизни. Кажется бы, только Лев Толстой с тем же Достоевским столько всего про человеческую природу написали, что удивляешься, как после этого люди могут такие страшные вещи творить. А всё дело в том, что человек никогда на чужих ошибках не учился, он всякий

раз как заново начинает. Или карму свою отработывает. Но если кто-то что-то для себя и возьмёт у них, я имею в виду у Толстого с Достоевским, то думаю, это и так уже в нём было заложено, зерно какое-то. А то ведь даже и читать не хотят, ведь там думать надо, напрягаться, а это дело сейчас не в почёте. Вот комикс какой-нибудь посмотреть, это да. Кстати, и я не шучу, где-то слышал, что «Войну и мир» в комиксы переделали. Ёлки-палки, но это же... — дядя Гена развёл руками. — У меня даже слов нет, ведь это кошунство, издевательство. Ты представляешь, что сам Толстой сказал бы по этому поводу? Да он бы разрыдался горькими слезами. То, что он столько лет писал, душу вкладывал, вершину, так сказать, всего его творчества — в картинки перерисовали. Не иллюстрации сделали, а вообще заменили текст на картинки, чтоб не читать. И у кого только рука поднялась? Что это, как не окончательная деградация? Кто вырастет из этих людей? Не знаю, не знаю... Читать совсем разучились, только если время убить. Но вдумайся, какая это страшная фраза — убить время! И сделать это через чтение? У меня в голове не укладывается, если честно. Или в крайнем случае кино глянуть. А чего? Полтора часа и «Воскресение» в кармане. Да это бы и то ничего, если хорошо снято, но ведь и смотреть-то такое не станут! Сейчас в чести удовольствия, развлечения. Помнишь мы говорили — торговать и развлекаться! Вот смысл жизни — как можно больше удовольствий испытать.

А что касается красоты, то я гораздо более согласен с Оскаром Уайлдом, который сказал, что красота — в глазах смотрящего. Вот это ближе к истине. Двое будут смотреть на одно и то же, и при этом один скажет: «Как красиво!», а второй пройдёт мимо и даже не обратит внимание. И знаешь, в чём проблема? В том, что всё меньше людей, видящих эту красоту. Так как же она может спасти мир, если её попросту не видят? Людей буквально заставляют видеть другое: сомнительные удовольствия, успех, слава, деньги, сплетни, криминал, ругань, склоки, комиксы те же вместо книг... И вся эта мерзость агрессивно навязывается людям со всех сторон. Словно специально из людей тупых недоумков делают. А, впрочем, наверное, так оно и есть. Чтоб проще было манипулировать ими.

А если говорить о спасении мира, так я уверен, что это сможет сделать только лишь любовь. Но не сама по себе, а если люди начнут жить по ней. Но её душат со всех сторон. Антибог ведь силен, он держит в своих сетях миллионы, даже, наверное, миллиарды людей. Тут, впрочем, я могу и заблуждаться, может, таких людей намного меньше, но в их руках власть, деньги... Но в любом случае, не туда куда-то мы идём, Артёмка, не туда. Не тем человечество озабочено в своём движении, боюсь, что губим себя медленно, но верно. И такое ощущение, что всё это идёт лишь по нарастающей. А про любовь и вовсе позабыли. Про настоящую.

Артём скомкал так и незажжённую сигарету и бросил её в печку:

— Знаешь, дядь Ген, может, лучше и не думать об этом вообще? А то совсем тоска какая-то наваливается.

— Вот тут я с тобой не соглашусь. Не будешь думать — не заметишь, как сам в грязи этой по уши окажешься. Поэтому и думать надо, и работать над собой надо, и любить учиться надо, и при всём при этом нос не вешать, а стараться жить с радостью в сердце. Вот так вот, племяш.

— А всё же и вправду страшно становится, когда раздумаешься. Слишком уж много злобы вокруг. Подчас к кошечкам всяким да собачкам относятся лучше, чем к людям.

— Так это-то как раз понятно почему.

— Ну и почему?

— Да потому что людям в глубине души именно любви-то и не хватает. А кошечки-собачки тебя любят, не критикуют, они преданны своим хозяевам, особенно собачки, принимают тебя таким, каков ты есть, всегда тебе рады. Вот и всё... Поэтому для некоторых они действительно лучше людей, которые рядом живут. Но здесь таится большая опасность. Чувствуя себя объектом такого безусловного обожания со стороны любимой собачки, человек перестаёт задумываться над тем, а как же он на самом деле живёт. Он перестаёт думать над своим собственным поведением, не задаётся вопросом, а любит ли он сам кого-нибудь, перестаёт работать над собой — а зачем? Ведь меня и так любят! Пусть собачка, пусть кошечка, неважно. А на ближних мне плевать, им ведь всё равно не угодишь! И тут ещё надо помнить, что такой любви к себе больше всего требует именно наше эго. Я уже говорил

тебе, что душе, по большому счёту, достаточно осознания, что она любима Богом. И то же самое эго, кстати, не даёт нам по-настоящему любить других. Оно в каждом видит соперника, конкурента, оценивает всех постоянно, за небольшим исключением, кто ему нужен для общения. Впрочем, и тут люди зачастую ограничиваются лишь кошечками да собачками.

— Слушай, а как быть с любовью к самому себе? Ведь в Библии сказано не просто — люби ближнего, а люби ближнего, как самого себя. Значит и самому себя любить можно? А я по телевизору как-то видел, один поп выступал, так говорит, что себялюбие это грех. Как же так? Вроде противоречие выходит. И как быть тогда с эгоизмом? Он ведь, вроде как, тоже — любовь к себе.

— Молодец, хорошо подметил. Но тут желательно сначала разобраться, что церковь понимает под себялюбием. Это, кстати, опять к вопросу об образах, скрывающихся за конкретным словом, вопрос терминологии, так сказать. Если буквально рассмотреть это слово, то так и получается, себялюбие — себя любить, но я ничего за них говорить не буду, потому как не знаю просто. А что касается любви к себе как таковой, то, конечно, — надо себя любить. Обязательно надо! Но любить так же, как и других — душу свою, частичку Бога в себе. А эгоизм, это как раз не любовь к себе, эгоизм — это когда человек лишь свои интересы, свои проблемы превыше всего остального ставит. Согласись, это совсем другое. На самом деле можно и себя любить, и в то же время жертвовать собою во благо других, своими интересами поступаться в каких-то моментах. Но тут довольно тонкая грань, чтобы эта настоящая, истинная любовь к себе, как к Божьему творению, к своей душе, как к частичке Бога, не переросла в это самое грешное себялюбие. Я всё-таки думаю, что под этим словом церковь именно эгоизм понимает, как я его тебе сейчас объяснил. Хотя, как ты сам и подметил, очередная путаница и противоречие получается.

Дядя Гена встал:

— Ты завтра чего делать собираешься? Дома будем сидеть? Баню топить, наверное, надо, суббота. Или у тебя какие-то планы есть?

— Знаешь, я, наверное, погуляю схожу. В лес куда-нибудь, на природу. Охота по родным местам пройтись, вспомнить, как пацаном тут бегал.

— Ну что ж, дело хорошее, я только за. Иди, гуляй с утра, а я часам к четырём баню истоплю. Вернёшься, так с улицы хорошо будет попариться.

— Дядь Ген, ещё вот, чуть не забыл... Тебе бумага придёт из полиции, так ты в печке сожги её.

— Какая бумага? — не понял дядька.

— Ну... по моему делу этому. Уведомление, что уголовного дела возбуждать не стали. Я попросил дознавателя, чтоб на твой адрес выслали. Не домой же мне её туда, и не к матери.

— А, понял. Хорошо, сожгу. — Дядька надел свою рабочую куртку. — Ладно, я на улицу.

Артём прошёл в горницу и сел на стул у окна. На улице было уже совсем темно, но на западе солнце, прятавшееся за голый березник, ещё окрашивало небо и синие холодные тучи в ярко-малиновый оттенок.

Зазвонил мобильник.

— Привет, Артём! — это был Павленко. — Не отвлекаю?

— Здравствуй, Сергей Петрович! Не отвлекаешь, говори.

— В общем, смотри... Тут такая тема сегодня нарисовалась... Я с утра с генеральным разговаривал, обсудили всю эту бодягу с отпуском твоим да с Кутейко этим. Он сам не понял, чего тот такую пургу поднял на ровном месте. При мне его вызвал, ну и говорит, дескать, тебе что, заняться больше нечем? Дело яйца выеденного не стоит, а ты нервы людям треплешь. Павленко согласовал, и ладно. Но это так, к слову. Чтоб ты не переживал сильно.

— Да я не переживаю, Петрович.

— Ну вот и молодец. А теперь самое главное. Ты же в курсе, что у нас фирма в последнее время на юге области помаленьку разворачиваться начинает? Мы там несколько тендеров выиграли, стройплощадки сейчас готовят, ну и в целом планов громадье. Там большой филиал в ближайшей перспективе планируется.

— Ну да, слышал, конечно. Мы уже занимались там подбором кадров. — Артём действительно был в теме, но не

слишком. Филиал планировали открывать во втором крупнейшем городе области, который располагался на юге региона.

— Ну так вот... Там хотят полноценный офис делать, почти как и в центре тут у нас. Будет там и своё подразделение безопасности в статусе отдела. В общем, я твою кандидатуру предложил на начальника. Генеральный не возражает. Сейчас главное — это твоё мнение. Но, прежде чем ты скажешь что-то, я тебе подробнее обрисую что к чему. По размеру и объёму работы будет почти как в центре. Формально должность начальника отдела безопасности там будет приравнена к должности моего зама. Иными словами, будет звучать так — «начальник отдела тире заместитель начальника службы безопасности», так что в статусе ты тут ничего не теряешь, но поскольку всё-таки работы и ответственности предполагается больше, то и зарплата будет повыше, чем ты имеешь сейчас. Думаю, процентов на двадцать точно. И второе: контора обещает решить жилищный вопрос, то есть предоставляется двухкомнатная квартира на условиях, что фирма оплачивает половину, а вторую половину платишь ты в беспроцентную рассрочку на десять лет. Ну и контракт минимум на всё это время. Мне кажется, в сложившихся условиях для тебя это неплохой вариант. Впереди выходные, поэтому думай, а в понедельник выходи и скажешь, что решил. Понял?

— Понял, шеф, только как-то это всё неожиданно.

— Ну а как тебе ещё надо? За полгода предупредить? Такие вещи быстро делаются.

— Хорошо, в понедельник буду. — Артём выключил телефон и задумался.

Когда дядька вернулся с дровами и углём, он подошёл к нему:

— Дядь Ген, слушай, посоветоваться с тобой хочу. Пока тебя не было, мне тут позвонили... — И он пересказал свой разговор с Павленко. — Что ты думаешь по этому поводу?

Тот пожал плечами:

— А что я могу тут думать? Для тебя принципиально, где жить — в центре или на юге области?

Артём в свою очередь тоже пожал плечами:

— Не знаю. Думаю, что нет.

— Ну и вот... А в остальном, мне кажется, сплошные плюсы. Считай сам: зарплата выше, квартира в полцены, опыта больше

получишь, ведь, по сути, это карьерный рост, самостоятельности больше. А через десять лет, может, и обратно переедешь, если там не приживёшься.

— А дочка? С ней как? Ведь это всё же другой город, а я обещал ей, что рядом буду.

— Ну а что дочка? Я так думаю, что в область ты всё равно будешь часто мотаться, вот и будешь к ней заскакивать. Да и со связью сейчас проблем вроде нет, телефоны-то работают. Что ж она — не поймёт? Поэтому, если для тебя на областном центре свет клином не сошёлся, то я думаю, это вполне себе хорошая новость.

— Да уж... — улыбнулся племянник. — Наверное, первая за последнюю неделю.

— Вот и ладно. Сейчас печку затоплю, блины оставшиеся разогреем, да и поужинаем ими, — подмигнул дядька. — Не возражаешь? Или тебе время на раздумье дать?

Артём засмеялся:

— Не возражаю. Кто же от такого откажется?

9 октября

В субботу Артём проснулся рано. Ото всей кутерьмы последних дней, от пережитых эмоций он изрядно подустал, но сейчас чувствовал себя более-менее спокойным и отдохнувшим. В ногах опять лежала кошка, которая, увидев, что человек проснулся, громко замурчала, выгнула спину и стала размеренно терзать когтями пододеяльник.

На улице было ещё совсем темно, но Артём сразу понял, что ночью что-то произошло. Комнату наполнял белёсый отсвет, тускло освещавший потолок со стенами. Приподнявшись, он выглянул в окно и замер — весь мир снаружи был укрыт белым, а с тёмно-серого неба густо валили крупные снежинки. «Ух ты, навалило-то сколько! — удивился он. — И всего за ночь».

Скрипнула кровать в дяди Гениной комнатухе. Кошка спрыгнула с дивана и лёгкой трусцой побежала в прихожую.

— Ну чего ты... — тихо пробормотал дядька. — Подождёшь, рано ещё. Вот печку затоплю, тогда тебе молока дам.

Артём лежал с открытыми глазами и слушал, как тикают ходики. Снова закрыв глаза, он стал думать о предложении, с которым вчера позвонил ему Павленко. Новое всегда и манит, и пугает одновременно. Наверное, потому, что оно непривычно, просто не знаешь, как там всё будет. «Главное не бояться и верить», — подумал Артём. Незаметно для себя под эти мысли он снова задремал.

Проснулся он лишь тогда, когда его тронул за плечо дядя Гена.

— Вставай пришёл, — улыбался дядька. — Поднимайся, девять часов уже доходит. Умывайся, да завтракать будем. А потом пойдём в огород снежную бабу лепить. Снега навалило полным-полно.

— Ага, я уже видел, — потянулся племянник.

— Когда ты успел?

— Да проснулся под утро, в окно глянул, а там красота такая.

Когда поели, Артём стал собираться в лес. Дядя Гена снова дал ему свои сапоги и убедил надеть шерстяные носки («Иначе ноги быстро замёрзнут, в резине же, а там как-никак снег лежит»), а также старый армейский бушлат вместо куртки.

До леса идти далеко не надо, вышел на улицу, и вот он — через дорогу. Снег, белый, как чистый лист бумаги, завалил опавшую листву, ещё день назад густым ковром покрывавшую землю. Хорошо ещё, что было пасмурно, иначе смотреть на эту белизну было бы совсем невозможно. Но Артём всё равно с непривычки шурился.

Осенний лес молчалив, в нём не слышен ни птичий гам, ни стрекот кузнечиков, ни жужжание мух. Вокруг было так тихо, что было слышно, как с какой-нибудь ветки, не справившейся с неожиданно навалившейся ночной ношей, с глухим буханьем падал на землю ком рыхлого снега. Белые, в крупную чёрную крапину, стволы берёз почти растворялись в пространстве. На их фоне тёмными пятнами выделялись лишь лапы молодых невысоких сосен, не успевших ещё вытянуть свои стволы вверх, к небу, туда, где больше солнца.

Артём остановился на небольшой полянке. «Хорошо-то как», — улыбнулся он этому первому осеннему снегу, продолжавшему неслышно падать с неба, улыбнулся берёзам, замершим в утреннем

безветрии, и полной грудью вдохнул лёгкий морозный воздух. Хотелось ни о чём не думать, забыть хоть на время всё то, что осталось там, за этим лесом, за этим безмолвием. Хоть немного, но слушать только эту тишину и всё. Представить, что нет в этом мире больше ничего, кроме этой ослепительной белизны, окружившей его со всех сторон. Как было бы хорошо!.. Артём нагнулся и, зачерпнув полную пригоршню снега, энергично растёр им себе лицо. «Иэ-э-х-х!» — выдохнул он и засмеялся.

Сняв шапку, Артём прислонился спиной к старой берёзе и замер, стараясь слиться с этим миром, не нарушать своим присутствием — ни словом, ни вздохом — ту гармонию, что разлилась вокруг.

Но вот совсем недалеко кто-то быстро вспорхнул на дерево, и сразу же оттуда зазвучала глухая дробь: тук-тук, тук-тук-тук, тук, тук-тук... Дятел. Артём отыскал его взглядом. Тот сидел на сухой берёзе и деловито простукивал её, методично передвигаясь вверх по стволу. Видимо не найдя ничего интересного, дятел повертел головой, одетой в яркую красную шапочку, и перелетел на соседнее дерево, где продолжил отстукивать свою морзянку.

Примерно через минуту Артём услышал лёгкий шорох, который доносился со стороны невысокой сосны, чьи иголки робко выглядывали из-под навалившегося на них снега. Одна ветка дрогнула, и снежная шапка скатилась с неё вниз. Артём осторожно повернул голову и присмотрелся: мелькнул пушистый хвостик, за ним показалась полосатая жёлто-чёрная спинка — бурундук. Не залег ещё в свою зимнюю спячку, делает последние приготовления к ней. Запрыгнув на одну ветку, потом на другую, зверёк замер. Зыркнув чёрными глазками в сторону Артёма, он соскочил вниз и, высоко подпрыгивая и оставляя в снегу глубокие следы, побежал к красневшей неподалеку рябине.

Несмотря на выпавший снег, жизнь в лесу шла своим чередом. Артём надел шапку и не спеша побрёл дальше, подняв голову и лоя ртом прохладные хлопья, летевшие с неба.

Через какое-то время он вышел на просёлочную дорогу, шедшую через березник. Дорога виляла между деревьев, огибала пригорки и постепенно спустилась к речке, журчавшей среди крутых берегов, густо заросших тальником. Найдя спокойный омут, Артём подошёл к воде ближе. Он вспомнил, как ещё шестилетним

пацаном ходил сюда с дедом Трофимом таскать пескарей. Пескари были крупные, как говорил дед — хрушкíе, с длинными усами и тёмными пятнами по бокам. Никто тогда не переживал по поводу особо уловистых снастей. Всё было просто и незатейливо: поплавок — гусиное перо или обычная винная пробка, грузило — кусочек свинцовой пластинки, обёрнутый вокруг лески, сама леска — та, какую удалось достать в районном магазине спорттоваров, а удочка — длинная кривая палка, вырезанная вот из такого же тальника, что растёт по берегам этой речки. И ничего, ловили как-то и радовались своему улову, с удовольствием ели потом уху или рыбную жарёху на постном масле со сметаной.

Где-то здесь же, на одном из таких омутов много лет назад его крестила в один из летних дней баба Дуся. Церкви тогда ещё в деревне не было, и она по просьбе матери Артёма, своей дочери Галины, крестила его сама. Артёму тогда было от силы года четыре, может, чуть больше, но он запомнил тот день. Было жарко, по берегам густо цвели ромашки и ещё какие-то мелкие жёлтые цветочки с мягкой шелковистой травкой. По цветам, собирая нектар, деловито ползали пчёлы, громко гудели, не обращая внимания на людей, толстые шмели. Баба Дуся сидела на берегу, у неё на коленях лежала старинная книга, и она медленно читала из неё какие-то молитвы или что-то иное, положенное читать в таких случаях. Артём тогда не понимал, что происходит, поэтому просто сидел рядом, тут же была и его мать. Потом баба Дуся попросила внука залезть в речку и, зайдя в воду сама, три раза окунула его прямо с головой. Артём не захотел сразу вылезать обратно на берег и остался плескаться в воде, которая была совсем не холодная и очень прозрачная. Он вспомнил, что, ныряя, открывал глаза и видел там, под водой, пескарей, уткнувшихся носами в каменистое дно и почти неподвижно стоявших на одном месте против течения. Позже один священник объяснял Артёму, что такое крещение не считается, что он крещён не до конца, что надо ещё человека мазать миром, но Артём махнул рукой — ему и этого было достаточно, чтоб самому считать себя крещёным.

Дед Трофим с бабой Дусей умерли в один год, когда Артём служил в армии. Он в конце зимы, а она уже осенью, пережив мужа чуть больше, чем на полгода.

Сейчас по течению медленно плыли жёлтые тальниковые листья, длинные и узкие, словно кораблики. Снег неслышно ложился на воду и тут же становился частью этой лесной речушки. Когда Артём был пацаном, берега были не такие заросшие, и вдоль них можно было относительно легко ходить с удочкой. Сейчас же они превратились в непроходимые заросли, и пройти вдоль берега было трудно. Поэтому Артём вернулся на дорогу и пошёл дальше по ней.

Пройдя пару-тройку километров, он вышел к большой скошенной поляне. Вдали виднелись высокие холмы: отроги горного кряжа, заходившего в эти места одним своим краем. На поляне лежало много туго скрученных рулонов сена, до сих пор не вывезенных с покоса. Артём подумал, что раньше в их местах такой техники не было, и сено собирали в копны вручную вилами, а потом так же метали их в высокие стога. Сейчас рулоны, похожие на большие и толстые заснеженные таблетки, виднелись по всей поляне, а между ними паслась стреноженная гнедая кобыла. Время от времени она тяжело взбрыкивала передними ногами, перескакивала на полметра вперёд и щипала из-под снега зелёную отаву, успевшую нарасти после покоса. Следом за ней покорно шёл совсем маленький жеребёнок, постоянно тыкавшийся мордой в лошадиное вымя. Лишь только казалось, что он ухватывал его своими губами, как кобыле нужно было скакать дальше, и жеребёнок начинал всё заново. «Чего ж ты на месте-то не постоишь? — подумал Артём. — Дай хоть детёнышу своему молока напиться». Он немного постоял, глядя на эту картину, и, свернув с дороги, пошёл дальше напрямиком через поляну.

Солнце поднялось уже высоко, но теплее не делалось, и это было даже хорошо. Снег не таял, а оставался морозным и пушистым, поэтому идти по нему было легко. Артём стал заворачивать по большой дуге, рассчитывая постепенно сделать круг и выйти к деревне с другой стороны.

Пройдя через поляну, Артём снова вошёл лес, на этот раз это был сосновый бор. Когда-то давно его посадили люди, и деревья, стоящие ровными рядами, смотрели в небо прямыми, как мачты, стволами. Внизу веток почти не было, сосновые кроны в погоне за солнечным светом ушли туда, вверх. Вновь выйдя на неширокую дорожку, Артём решил идти по ней.

В одном месте он заметил раскидистый куст калины, росший чуть в стороне от тропинки. С одной стороны куст был буквально усыпан гроздьями красной крупной и сочной ягоды, особенно красиво смотревшейся под укрывшим их свежим снегом. Артём свернул с дорожки и подошёл к кусту. В эту пору калина набирала самую свою спелость. Чуть подёрнутая лёгким морозцем она теряла грубую горечь и становилась вяжуще-терпкой, с приятной горчинкой, но по-прежнему сочной, такой, что сок брызгал в стороны от лёгкого нажатия на ярко-красный шарик.

Подойдя ближе, он стряхнул с ягод снег и откусил целую гроздь прямо с куста. «М-м...» — Артём блаженно улыбнулся, жуя ягоду прямо вместе с мягкими косточками. Калина — ягода любителя, кто-то её вовсе не ест, кто-то печёт с ней пироги, а Артём обожал есть её в это время года прямо вот так, с куста. Он с удовольствием ел её даже зимой, когда она промерзала насквозь и превращалась в красные ледяные шарики. Тогда надо ягодки просто немного подержать во рту, чтобы они оттаяли и чуть-чуть согрелись, а потом уже есть их аккуратно, чтобы не простыть. Он мальчишкой часто делал так, когда ходил зимой в лес на лыжах.

Наевшись калины, он вдруг почувствовал, что хочет есть по-настоящему. Уходя утром гулять, он даже не подумал, что надо что-нибудь взять с собой в дорогу: какое-нибудь печенье или просто пару кусков хлеба. Впрочем, голод он всегда переносил легко, поэтому, вернувшись на тропинку, снова неспешно зашагал по ней в сторону деревни.

Пройдя несколько метров, Артём увидел, как вдалеке среди деревьев мелькнуло яркое пятно, которое тут же вновь скрылось за кустами. Он было подумал, что ему показалось или что это снова была калина, но через пару мгновений навстречу ему из-за поворота, огибавшего небольшой бугор, вышла девушка в розовой курточке. Увидев Артёма, она вздрогнула от неожиданности, сбавила ход и настороженно посмотрела на него. Он тоже притормозил и, приветливо улыбнувшись, поздоровался:

— Добрый день.

— Здравствуйте, — девушка кивнула в ответ и тоже чуть улыбнулась краешками губ.

Артём отметил про себя, что это был первый человек, встретившийся ему за весь день. Он остановился совсем и спросил:

— Гуляете?

Девушка внимательно посмотрела на него и тихо ответила:

— Гуляю.

— Я тоже. Сегодня, мне кажется, нельзя дома сидеть. Первый снег как-никак.

— Да, — кивнула она, — и сразу так много.

— А вы не местная?

— Почему вы так решили? Местная.

— Просто, лицо не знакомое.

Девушка пожала плечами:

— Ну, ваше лицо мне тоже не знакомо, хотя я тут почти всех знаю.

— Правда? — удивился Артём. — Интересно. Хотя, если честно, я давно уже здесь не живу и действительно не знаю тех, кто приехал сюда после меня.

— А-а, — протянула его собеседница, — ну тогда понятно. Я в деревне живу пятый год.

— А я родился здесь, вырос, но после школы мы с мамой и братом в областной центр переехали. Здесь двое дядек оставались да брат двоюродный с семьёй. Ну тогда, конечно, у него семьи ещё не было. Один дядька умер уже, а у второго я вот сейчас гощу. В отпуск на неделю приезжал.

— А кто? Может, я знаю?

— Дядя Гена, Рыжаков фамилия.

Девушка улыбнулась:

— Да, знаю такого. Он приходил как-то к нам в школу, про шахту рассказывал. Это в прошлом году было, в сентябре, вскоре после Дня шахтёра. Геннадий Трофимович, кажется?

— Да, верно. А вы что, в школе работаете?

— Да. В начальных классах преподаю. И, кстати, у меня Максим Рыжаков учится. Ваш племянник, наверное?

— Да, Максим младший у Петра, моего брата. Это какой класс у него получается?

— Первый, я их только набрала. Я пять лет назад после педучилища сюда приехала, мне сразу первый класс дали, в этом году я их выпустила и вот это второй мой набор, новый уже.

— Понятно. — У Артёма от стояния на месте стали подмерзать ноги. — Скажите, а вы в какую-то конкретную сторону гуляете, или вам всё равно? Может, будем гулять вместе?

— Да мне, вообще-то, всё равно. А вы сами куда идёте?

— Если честно, то я уже возвращался. Я с самого утра брожу вот по родным местам, детство вспоминаю, — Артём повёл рукой вокруг.

— Ну что ж, пойдёмте обратно, — она повернулась, и они вместе зашагали по дорожке в сторону деревни.

— Может, мы познакомимся? Меня Артём зовут, а вас? — он посмотрел на свою спутницу.

— Меня зовут Ольга.

— Очень приятно.

Артём шёл, заложив руки за спину, и искоса поглядывал на идущую рядом девушку. Её нельзя было назвать красавицей, но в правильных чертах лица было что-то спокойное и привлекательное. На ней была белая спортивная шапочка, синие джинсы и невысокие сапожки с меховой оторочкой по верху. Руки она засунула в карманы и шла, глядя прямо перед собой.

— Знаете, Ольга, а моя мама тоже учитель начальных классов. Правда, она уже на пенсии, сейчас репетиторством занимается. Кстати, здесь же работала, в деревенской школе, пока мы в город не переехали.

— Да? Интересно.

— А почему вы в деревню приехали после педучилища? Вы вообще откуда сами?

Оказалось, что она родом из того самого города, куда сейчас сватал Артёма начальником отдела его шеф.

— А в деревню поехала, потому что самостоятельности захотелось. Здесь жильё пообещали, но всё получилось как-то по-другому.

— Что именно? — не понял Артём.

— С жильём. Плохо, что газа нет, а печку топить я не умею, да и тяжело это — возиться с углём да дровами. Но, если честно,

мне и некогда особо, работа много времени занимает. Поэтому я, как приехала, так и квартирую. Правда, мне возмещают стоимость. Я снимаю комнату у одной женщины. Может, вы её знаете? Бабенко Наталья Васильевна.

— Хо! Конечно, знаю! — воскликнул Артём. — Она же сама учителем была, литературу у нас вела.

— Да, да, она тоже в школе работала, а сейчас на пенсии.

— Так и она меня помнить должна. Вы ей привет передавайте от Артёма Сотникова.

— Хорошо, передам.

Некоторое время шли молча.

— Хорошо сегодня, тихо так и свежо. И ветра совсем нет, — сказала Ольга. — Мне вот вообще любая погода по душе, только ветер не люблю. Он всегда всё портит.

— Если честно, я тоже не люблю, когда ветер. Хотя, если жарко, то, наоборот, с ним прохладнее.

— Ну только, может, когда совсем жарко. Тогда ладно, пусть дует, но не сильно, а так, слегка, — и она засмеялась.

Артём тоже улыбнулся. Ему было легко и приятно идти рядом с этой девушкой. Снег совсем перестал, но в макушках сосен зашумел ветер. То с одной стороны, то с другой вниз стали с шумом валиться тяжёлые комья снега. На сером небе стали проявляться отдельные облака, плывшие на юг, а между ними уже местами проглядывало бледно-голубое небо.

— Ну вот, кстати, и ветер начинается. Накаркала я. Может, ещё и похолодает, — посмотрев вверх, сказала Ольга. — Не хочется, чтобы снег быстро растаял, пусть бы полежал ещё хоть пару деньков.

— А может, вообще уже не растает? — Артём тоже глянул в небо.

— Да ну... Ведь ещё только девятое октября. Конечно, растает. И слякоть будет, и грязь. Вот было бы так, чтоб тепло, тепло, сухо, а потом раз — и снег сразу выпал и уже не таял, — девушка озорно улыбнулась и глянула на Артёма. — Не сейчас, конечно, а где-нибудь в ноябре, через месяц, примерно.

Артём засмеялся:

— Ну вы скажете тоже. Да ладно, пусть уж тает. Всё-таки должна быть какая-то постепенность, а не так, чтоб по щелчку.

— Наверное, вы правы. Артём, а где вы сейчас живёте? Там же, в областном центре?

— Я? — он немного замялся с ответом. — Даже не знаю, как сказать. Вообще-то да, но, думаю, что буду скоро переезжать.

— Куда?

— А вот как раз туда, откуда вы родом. Мне просто на работе только что предложили новую должность. У нас на юге большой филиал открывают, ну и вот там. Главное, что жилищный вопрос обещают решить.

— У вас нет своего жилья? — Ольга удивлённо посмотрела на него. — А где же вы живёте? Тоже снимаете, как я?

Артём усмехнулся:

— Да нет. Было жильё до последнего момента. Мы с женой разводимся, и я квартиру ей оставляю. Хотя, правильнее будет сказать, не ей, а дочери. У нас была двухкомнатная, и я хочу, чтоб у дочки была своя отдельная комната.

— А-а, вот оно что... Ну тогда понятно.

Ольга чуть заметно поёжилась и засунула руки в карманы поглубже.

— Вы замёрзли? — заметил её движение Артём. — Хотите, пойдём быстрее?

— Так... Самую малость, может быть. Не рассчитала с одеждой. Но это ерунда. Давайте, может, правда чуть-чуть побыстрее пойдём, а так всё нормально.

— И как вам ваша работа? Нравится? — поинтересовался Артём. — Я помню, как мать всегда уставала вечерами.

Ольга задумалась и пожала плечами:

— Думаю, что да, нравится. По крайней мере, пока. Не знаю, что дальше будет. Тут классы не очень большие, поэтому попроще, не так, как в городе. У меня сейчас всего девятнадцать человек.

— А почему именно начальные классы, а не литература или другой какой-нибудь предмет?

— Почему? Сложно сказать однозначно. Мне всегда нравилось с малышнёй возиться, я даже когда в школе училась, то в детском саду нянечкой подрабатывала. Меня там ещё всем в пример

ставили, даже взрослым тёткам: как я всё чисто мою, как у меня всё аккуратно, — она улыбнулась. Потом, чуть помолчав, сказала: — И знаете, что... Мне кажется, в этом возрасте они ещё способны любить.

— Любить? — переспросил Артём, с интересом глянув на свою спутницу.

Та несколько смущенно улыбнулась:

— Да, любить. Просто так, без всякой гадости, от чистого сердца, — и она тоже посмотрела на Артёма. — Вас удивляют мои слова?

— Да нет, не то, чтобы удивляют. Просто вы второй человек, который за последнее время мне говорит о любви. О простой человеческой любви.

— А кто был первый?

— Дядя Гена.

— А-а... Да, когда мы виделись, он мне показался очень добрым человеком. Хотя о любви мы с ним не разговаривали, — Ольга засмеялась.

— Вот вы говорите, что маленькие дети ещё способны любить, — продолжил через некоторое время Артём. — А что они любят?

— Что любят? — девушка на секунду задумалась. — Да просто любят и всё. Не что-то конкретное, а вообще: жить любят, жизнь любят, всё, что вокруг, весь мир этот. Они, как маленькие солнышки, радуются всему новому, от них какое-то добро исходит. С ними легко общаться, они бесхитростные, что думают, то и говорят, радуются простым вещам...

— А потом что? Перестают?

— Я не знаю. Мне кажется, когда они маленькие, они ещё искренние и непосредственные. Они не смотрят ни на внешность, ни на национальность, ни на то, какой ты умный, а видят перед собой просто человека и всё. Им всё равно с кем играть — русский ты или немец, татарин или армянин. Это я называю всех тех, кто у меня в классе учится. А ещё есть два украинца и даже один цыган. Вот такой вот маленький интернационал. И я вижу со стороны, что им абсолютно наплевать, как кто выглядит, у кого какие волосы, какой нос и прочее. Они не смотрят, кто как одет, у кого какой рюкзак, какая причёска. Это больше заботит их родителей, а не самих

детей. И они, как мне кажется, действительно способны просто любить, жалеть, помогать друг другу, несмотря на то, что иногда могут и подраться из-за какой-нибудь игрушки, что-то не поделить. Но при этом долгих обид у них нет, быстро мирятся и играют дальше как ни в чём не бывало. Хотя, справедливости ради, надо сказать, что бывают и исключения, попадаются дети и злые, и агрессивные уже с самого детства. Но это — именно исключение.

На прошлом своём наборе я отчётливо видела, как они меняются за четыре года, как из них постепенно уходит эта способность к бескорыстной, безусловной любви по мере того, как они взрослеют. И это было грустно. Некоторых к концу четвёртого класса было просто не узнать. Вы помните, как раньше печатали фотографии? Кладут карточку в проявитель, и на ней постепенно проступает изображение. Вот так и здесь: видишь, как со временем в маленьком человечке вырисовывается его характер до поры до времени скрытый за детской непосредственностью. Увы, далеко не всегда этот процесс радует. И ладно, если это именно характер, но иногда кажется, что они словно напитываются какой-то грязью из окружающего мира, делаются эгоистичными, учатся делать гадости, дружить против кого-то, как в них становится больше агрессии, хитрости, они начинают выделяться друг перед другом, хвастаются своими мобильниками — у кого круче, кто куда летом съездил. Хотя у нас тут деревня, особо по заграницам не ездят, но и такие тоже есть. Так потом нос задирают: я в Турции был, я в Таиланде... А те, кто дома остался, смотрят на них или с завистью, или со злобой какой-то.

— Взрослеют, наверное, — вздохнул Артём. Он вспомнил Полинку: «А какая она будет через пару-тройку лет?». Ему, конечно же, хотелось, чтоб она всегда оставалась доброй и ласковой дочкой, но вот будет ли так на самом деле?

— Да, взрослеют. Хотя, в моём понимании, взросление в первую очередь должно быть связано с ответственностью. Ведь быть взрослым, это в первую очередь нести ответственность за свои поступки. Но с этим зачастую проблемы даже у их родителей, чего уж говорить о детях. Хотя тоже, конечно, не все становятся такими. Кто-то продолжает оставаться чистым и добрым, но, мне кажется, уже они становятся исключением. Как-то местами всё меняется. И от этого мне бывает иногда очень печально, хотя я стараюсь не

распускать нюни, — Ольга грустно улыбнулась и встряхнула головой. — Я понимаю, что ничего не могу тут изменить, поэтому думаю просто о своей работе и всё. Чтобы делать её на совесть. Мне кажется, этого достаточно.

— Ольга, а вы считаете это важным? — серьёзно спросил Артём.

— Что именно? — не поняла та.

— Ну вот это... Способность любить тех, кто рядом, просто так, от души, а не за что-то.

— Конечно, а как же иначе? Ведь в противном случае всё рушится, весь этот мир, все отношения между людьми. Я вообще иногда думаю, что мир наш ещё существует только потому, что маленькие дети умеют любить вот так вот искренно, непосредственно, безусловно. И на этом всё и стоит. А во взрослой жизни такой любви, увы, практически нет. Там больше грубости, конкуренции, корысти, ты мне — я тебе.

— Вы во многом рассуждаете, как мой дядя Гена.

— Правда? — Ольга с улыбкой посмотрела на Артёма. — А вы-то с ним согласны?

— С дядькой? — Артём помолчал. — Думаю, что да. Если честно, мы с ним никогда раньше на подобные темы не говорили, а тут вот семейная жизнь у меня развалилась в одночасье, я и подумал: возьму отпуск, съезжу в деревню, развеюсь, отдохну. Но всё получилось как-то совсем по-другому. Перевернулось у меня многое за эти дни.

— Что именно?

— Да... — Артём махнул рукой. — Взгляды на жизнь, наверное. Так сразу не расскажешь. Может, потом когда-нибудь? — и он вновь глянул на девушку.

— В смысле? Когда потом? — Ольга вопросительно подняла на него глаза.

— Ну... я подумал, почему бы нам не встретиться ещё раз? — Артём никогда не был особо смел с противоположным полом, а уж после женитьбы так вообще забыл, как знакомиться с девушками и, тем более, приглашать их на свидания. Сейчас он несколько смутился от непривычной для себя ситуации. — Если вы, конечно, не против.

Ольга пристально посмотрела на него, о чём-то задумалась.

— Я не знаю, — наконец тихо произнесла она.

— Оля, я завтра уже в город уезжаю, мне в понедельник надо на работу. Может, вы дадите мне свой телефон, и я вам позвоню позже?

Она снова какое-то время шла молча, словно раздумывая, как поступить. Потом так же тихо сказала:

— Хорошо.

Артём достал свой телефон:

— Диктуйте.

Она назвала цифры, и он нажал вызов. Во внутреннем кармане Ольгиной куртки зазвонил мобильник.

— Ух ты, — удивилась она, — даже связь есть. Обычно берёт только в деревне, а стоит чуть подальше отойти, как сигнал пропадает.

— Ну вот, — Артём сбросил звонок и улыбнулся, — значит так и надо. Теперь и вы мой номер знаете.

Девушка улыбнулась в ответ:

— Хорошо, я запишу.

Ветер становился всё сильнее, и верхушки сосен, сбросив с себя почти весь снег, не на шутку расшумелись вверху. Они подошли к опушке леса. За деревьями виднелось поле, на другом конце которого темнели крайние дома деревни. В некоторых избах уже зажигали свет.

— Дядя Гена, наверное, потерял меня, — Артём посмотрел на часы, когда они наконец вошли на центральную улицу.

— Сколько там?

— Половина пятого.

— Ну что ж, мне направо, — сказала Ольга.

— Оля, давайте я вас до дома провожу, — предложил Артём.

— Нет, спасибо, не нужно, — отказалась девушка. — Я сама дойду, тут недалеко. Да и заметят, будут потом сплетничать: с кем это наша учительница гуляет ходит. А вы, тем более, считай, уже и не местный, вас, наверное, многие или забыли, или вовсе не знают.

Артём усмехнулся:

— У нас могут. Ну ладно, всего вам доброго. Я обязательно позвоню на следующей неделе, хорошо? Кстати, когда вам лучше звонить, чтоб не отвлекать от занятий?

— Лучше вечером, часов в семь-восемь. До свидания, Артём, приятно было познакомиться. Да, передавайте от меня привет вашему дяде, — и, повернувшись, она пошла на боковую улицу.

Артём постоял какое-то время, глядя вслед девушке, удалявшейся лёгкой и быстрой походкой. Её розовая куртка ярким пятном выделялась на фоне наступающих ранних сумерек. «Баня, наверное, готова уже, — подумал он и быстро зашагал в сторону дяди Гениного дома. — Сейчас самое время погреться. Хотя сначала не помешает перекусить». Чувство голода, притуплённое разговором с Ольгой, заявило о себе с новой силой, а в животе громко заурчало.

Когда Артём вошёл в избу, дядя Гена сидел на стуле у стола и тихонько ворчал что-то себе под нос. Штанина на одной ноге была задрана, и он прижимал к голени кусок ваты.

— Пришёл? — поднял он глаза на племянника. — А то я уж волноваться начал, не случилось ли снова с тобой чего.

— Да чего-то разгулялся. Вот был бы у тебя мобильник, так созвонились бы и всех делов. А что случилось? — с тревогой спросил Артём, глядя на дядькину ногу и снимая бушлат.

— Да, ерунда... В магазин ходил пока баня топилась, так собачонка какая-то тяпнула. Домой уже возвращался. Иду, как говорится, никого не трогаю, а она от калитки какой-то молчком ко мне — раз! — и за ногу. Я даже заметить-то её толком не успел, не то что среагировать. Вроде и не сильно, а неприятно. Зубы, как иголки, острующие. — Он убрал руку, и Артём увидел небольшой по размеру, но довольно заметный синяк с двумя кровоподтёками. — И тётка какая-то тут же в ограде крутится. Я её видел, конечно, раньше, но не знаком, не знаю, кто такие. «Чего, — говорю, — собака у вас не на привязи, да ещё и кусается». «Как кусается? Кукла, Кукла! Ты чего это на людей прыгаешь?» Это, стало быть, собаку у них так зовут: Кукла. Я опять говорю: «Почему она у вас не привязанная-то по улице бегают?», «Так мы её побегать немного отпустили, а то ей на цепи-то всё время сидеть скучно». Ты представляешь? Скучно ей, пусть побегает, народ покусает, развлечётся маленько. Ох, ну народ... Чего же такие бестолковые-то...

— Так, может, в больницу надо? В травмпункт? Укол какой-нибудь поставить, а то вдруг она заразная.

— Да какая больница... На чём я туда поеду, тем более на ночь глядя? Ладно, ерунда это, заживёт. Бывало, как говорится, и хуже. — Дядя Гена опустил штанину и встал. — В баню-то пойдёшь? Давно готова. Я Людмиле предложил, так она уже сходила, помылась. Я-то уж после тебя, напоследок.

— В баньку, это я с удовольствием, — Артём потёр ладони. — Хоть и не сильно холодно сегодня, но всё же за день продрог. Только я бы сперва перекусил чего-нибудь, дядь Ген, а то ведь весь день не евши.

— Ну тогда давай наоборот. Ты садись ешь, а я в баню, чтоб совсем не остыла. — Дядька подошёл к печке. — Вот тут макароны с тушёной в сковородке, сам накладывай, сколько надо. И чай наливай, он горячий. Ну, а мыться уж тогда последний пойдёшь, я тебе пару полешек подкину для жара.

— Договорились.

— Это, кстати, к нашему разговору, что люди собачек всяких любят больше, чем тех, кто рядом живёт, — сказал дядька, доставая чистое бельё и полотенце из шкафа. — Не в осуждение этой тётки, а как живая иллюстрация. Собачку, значит, ей жалко: как же, на цепи она сидит, пусть погуляет. Хотя, вроде бы, на то она и собака, чтоб на цепи сидеть. А то, что эта псина укусить кого-то может, об этом мы не думаем. «Она, — говорит, — не кусается у нас». Я её спрашиваю: «Она тебе сама это сказала? А меня кто только что тьянул?» Стоит, молчит, глазами хлопает. Так эта хоть молчит, а иной бы сказал ещё, что я сам виноват, раз хожу тут мимо их дома, и таких ведь хватает. Ладно ещё — я, но ведь и дети по улице ходят, испугаются, да и маленького покусать сильнее может. Нет, про это подумать тям не хватает, прости господи. Вот так и живём. Ладно, я в баню пошёл.

К тому времени, как Артём поздно вечером распаренный и разомлевший вернулся из бани, дядя Гена снова заварил большой чайник душистого травяного чая.

— Даже снежком сегодня натереться получилось, — довольно улыбаясь, сказал племянник и устало прилёг на диван. — Два раза из парилки выбегал, благо — темно уже, никто не видит.

— Ну что ж, можно сказать, открыл зимний сезон, — улыбнулся в ответ дядя Гена. — Отдыхай, а потом поужинаем. Я сегодня пирогов с печенью настряпал.

Когда Артём отдохнул после бани, сели к столу.

— Я знаешь, что спросить ещё у тебя хотел... — Артём взял большой поджаристый пирог. — Вот ты говоришь, что Богу надо, чтоб человек создавал энергию любви. Что в этом весь смысл нашего существования здесь на земле. Почему же Он тогда не помогает тем, кто старается так жить? Вот ты, вроде, стараешься делать всё именно так, стараешься не осуждать никого, по-хорошему относиться ко всем, а сегодня тебя взяла собака и укусила. Почему Бог не помешал этому? Ведь после укуса ты явно не энергию любви генерировал, ведь всё равно — и на собаку, и на хозяйку, наверное, сердился. А не было бы этого укуса, глядишь, и меньше негатива было бы в мире. Разве не так?

— На первый взгляд — так. Но не всё так однозначно, племяш. Как бы Бог, по-твоему, предотвратил это? Молнией, что ли, собаку поразил?

— Ну я не знаю... мало ли как... Просто, чтоб не стала она тебя кусать.

— Так собака-то живёт по своим инстинктам. Не понравился я ей чем-то, или хозяйку свою, дом защищала. И с чего ты взял, что Бог не помогает? Помогает и очень даже сильно, но не в лоб, не так явно. Да и нельзя рассматривать лишь один этот случай, вырвав его из общего контекста. Я довольно часто вижу, что многие вещи в моей жизни складываются именно самым наилучшим образом. Просто видно это становится лишь по прошествии какого-то времени. А сразу — да, бывает, и ворчишь, и что-то не нравится, думаешь, что по-другому было бы лучше. Хочется чего-то, а не сбывается, злиться начинаешь. Но время какое-то пройдёт, посмотришь назад: нет, всё сложилось как надо. Вот и собака эта... Может, через неё мне Бог указал на то, что мало во мне этой самой любви, быстро теряю самообладание, раздражаться начинаю, а значит, надо ещё больше работать над собой. А не было бы собаки, то и не увидел бы этого. Или чего похуже — зазнался бы, стал бы думать, что достиг чего-то на этом свете. А вполне возможно, что получил обратку за мысли свои не самые лучшие.

— За какие это?

— Да утром вот, когда ты ушёл гулять, я сдуру телевизор включил, дай, думаю, посмотрю, что там в мире творится. Ну и попал на какую-то говорильню, ток-шоу по-ихнему. Нет, чтобы

сразу выключить, да и всё, так посидел ещё, послушал, как они там кости всем перебивают. До того противно сделалось, что не утерпел, заругался прям, чуть не матюками. Чего ж вы, говорю, творите-то? И это ведь люди готовы гадость всякую нести только заради того, чтоб их по телевизору показали. Так вас сегодня покажут, а завтра снова забудут. Но они готовы даже за это грязью друг дружку поливать. Удивляюсь, как самим-то не противно?

— Ну и что? Нормальный-то человек туда и не пойдёт, а может, вообще это всё подставное, актёры играют. Так тоже бывает. Да и деньги им за это платят. Как по мне, так ты всё правильно сказал, — не понял, к чему клонит дядька, Артём.

— Так, правильно, может, по нашим, по житейским меркам. Да и то — по нашим с тобой, а иной ведь мечтает о такой «славе». Но сам-то я сколько негатива при этом выплеснул? Осуждение, критика... Ведь всё равно толку от моих слов нет, всё как было, так и будет. Нас же никто не спрашивает. Ну вот и вернулась ко мне моя агрессия обратно через эту собаку. Дескать, следи за собой.

— Да ну... — протянул, поморщившись, Артём. — Скажешь тоже. Если так за каждое слово собаки кусать начнут, так все бы уже на сто раз покусанные ходили.

— Во-первых, не за слово, а за эмоции, они и без слов могут быть. А во-вторых, все, да не все. — Дядька долил чая в опустевшие кружки. — Что один скажет, ему, может, ничего за это и не будет, а другому — на, получи быстренько бумерангом по затылку. Спрос со всех разный, потому как понимание жизни у всех разное. Если тебе обратно за что-то быстро прилетает, то этому только радоваться нужно, значит, Богу ты не безразличен, вот и поправляет Он тебя таким образом. Ему, конечно, никто не безразличен, но одному, я уже как-то тебе говорил, хоть кол на голове теши, он всё одно ничего не поймёт, так с него и спрос иной. А другой вроде бы правильно мыслит, но ошибся, сорвался на кого-то, выплеснул негатив и не увидел этого, так его подправить надо немного, указать на это, и, глядишь, опять человек живёт по совести. Я, конечно, не тешу себя мыслью, что много понимаю в этой жизни, но в меру того, что имею, то и получаю. Вот так вот.

— Но ты же сам говорил, что человек не может прожить без негатива. Всё равно, рано или поздно да будет и ругаться, и ссориться, и гневаться.

— Конечно. Но ведь это не значит, что надо рукой на всё это махнуть. Работать-то над собой в любом случае необходимо, вот в чём смысл. Погневался на кого — попроси потом прощения, не можешь лично, так хотя бы в мыслях, извинись перед Богом за негатив свой. А собака — это мелочи, я на этот случай смотрю именно так, поэтому зла ни на неё саму, ни на хозяйку не держу. То, что попенял на неё тебе, так это беззлобно. И если бы я сразу раскаялся в словах да мыслях своих после того как телевизор посмотрел, пожалел бы тех, кто там языками чешет, то, глядишь, и не было бы собаки этой. А я ведь этого не сделал, не обратил даже внимания, вот и напомнили мне. Так что, собака эта лишь инструмент в руках Божьих. Кстати, я то же самое думаю и в целом про всё наше человечество, не только про одного человека. С одной стороны, Бог реализует нашу волю, но делает это таким способом, чтоб указать нам на наши же ошибки. Закон кармы работает не только персонально, но и на народы, страны, всё человечество.

— Значит, и я в яму грохнулся, и бутылкой по голове получил не просто так, а чтобы измениться? И всякие катастрофы, войны — это тоже неспроста?

Дядя Гена пожал плечами:

— Я думаю, что так. Тут самое главное, понять это, разобраться, что ты не так делаешь, где и в чём ошибся. Подчас это не просто, для этого критический взгляд на себя нужен, а не многие способны на это, к сожалению. Кто-то действительно свято верит, что он непогрешим, что он избранный, пуп земли, так сказать, и если кому и надо меняться, то только не ему, пусть другие это делают. Но всё это потом неизбежно на его же судьбе и отражается, поэтому всё, что нас окружает, мы сами, своими руками и сотворили. В этом плане мы сами маленькие боги, в этом мы похожи на Него: сами создаём свой мир, свой рай и свой ад. В этом суть нашей свободы, полученной от Него. Создаём или любовь, или антилюбовь, сами в этом живём и питаем всю Вселенную, и Бога и антибога. И если одному человеку проще разобраться со своим мышлением, то, когда речь идёт о коллективном сознании, о целых странах или народах, всё намного сложнее. Слишком уж велика инерция. Если одному человеку бывает достаточно, чтоб его собака укусила или бутылкой по голове получить, то применительно к народам тут и меры совсем другие.

— Гм, интересно. — Артём уже наелся, поэтому просто сидел и изредка отхлёбывал горьковатый чай. — Чай сегодня словно горчит немного. Ты какую-то новую траву добавил?

— Полыни щепотку бросил. А что, не глянется?

— Да нет, ничего.

— Я люблю с горчинкой. Если ещё меда в горьковатый чай положить, то вообще здорово получается. Ты-то сам как погулял? — Дядя Гена вытер полотенцем испарину, выступившую на лбу от выпитого чая.

— Хорошо, — довольно улыбнулся Артём. — Знаешь, здорово так прошёлся по местам родным, повспоминал, как с дедом Трофимом на речке рыбачили, калины наелся дóсыта.

— Ну вот и хорошо. Приезжал бы почаще, чтоб совсем уж не забывать родину свою.

— Буду, дядь Ген, приезжать, буду. Я тут ещё с девушкой одной познакомился.

— О как! Где это ты успел? В лесу, что ли?

— В лесу. Я круг большой сделал и обратно со стороны бора соснового шёл, так она мне навстречу попалась. Ольга, учительница ваша, в начальных классах преподает.

— А-а... Знаю такую, встречались как-то. В школе я у них был на классном собрании, рассказывал, как на шахте уголёк добывают. Мне показалось, вроде ничего она, серьёзная.

Артём улыбнулся:

— Мне она тоже понравилась. Я даже телефон у неё попросил.

— Ну что ж, дело хорошее. Может, и завяжется у вас чего. Одному оставаться надолго негоже, у человека семья должна быть.

— Ну загнул тоже, семья... Полчаса прогулялись вместе... Про это говорить ещё рано. Так... Просто легко с ней как-то было.

— Иногда и пяти минут бывает достаточно, чтоб понять, твой это человек или нет. А дальше уж от тебя зависит.

— А как же «браки заключаются на небесах»? — племянник хитро подмигнул дядьке.

— Ну, так вот Бог и свёл тебя с ней. Не так, разве? А там-то ты уж сам что-то делать должен. Под лежачий-то камень вода не течёт. Если сиднем сидеть на пятой точке, само ничего не сложится.

Артём замолчал, просто сидел и смотрел в тёмное окно, в котором отражался стол, они с дядей Геной и вся небольшая прихожая-кухня. «Наверное, и вправду было бы хорошо, если б завязалось у нас что-нибудь с Ольгой», — всё же подумал он, а вслух сказал:

— Знаешь, даже домой ехать завтра как-то не хочется.

— Так, может, позвонишь, да ещё пару деньков тебе отдохнуть дадут?

— Нет, дядь Ген, тут дело уже не в отдыхе. Перед шефом будет неловко. Он там хлопочет за меня, помочь с этой должностью хочет, чтоб жильё было, а я тут буду сидеть, прохладяться. Нет уж, поеду.

— Ну да, наверное, ты прав. Во сколько хочешь ехать?

— Торопиться не буду. Ты знаешь когда последний автобус из райцентра в область идёт?

— Кажется, часа в три.

— Ну вот, тогда отсюда на двенадцатичасовалом поеду. Успею же? А завтра отосплюсь ещё.

— Ну давай. — Дядя Гена встал, потянулся руками в стороны, покрутил головой, разминая шею. — Засиделся, чего-то.. Ты чаю ещё будешь?

— Нет, дядь Ген, спасибо. — Артём чуть помолчал. — Слушай, вот ты говорил, что, хороших людей на земле больше, чем плохих. Может, оно, конечно, и так, но мне всё же кажется, что в последние годы злобы в людях стало больше. По-моему, раньше такого не было. Я, конечно, совсем ещё пацаном был, но прекрасно помню, что народ как-то добрее был, что ли.

— Не знаю, Артём. — Дядька привалился плечом к косяку. — Тут я с тобой не могу согласиться. На самом деле и раньше всяких хватало, и хамство было, и преступность была, и гадости люди друг другу делали предостаточно. Так что, положи руку на сердце, я не стал бы идеализировать то время. А что касается злобы... Сейчас этого добра намного больше из телевизора идёт, из газет, из интернета, вот и кажется, что вокруг одна злоба и есть. А раньше такого просто не было. Государство за этим следило, что, как мне кажется, было абсолютно правильным. Сравни советские фильмы с современными. Ведь они в большинстве своём действительно учили добру, были светлые, хорошие. В газетах не

было всяких сплетен с криминалом. Вот и создавался в целом довольно позитивный фон. Сейчас народ, мне кажется, просто устал от этой чернухи. Но если брать самих людей, то в чём-то ты, может, и прав. Помнишь, я говорил тебе, что человек существует на стыке физического и тонкого миров? Что половина в нём от животного, а половина — от Бога.

— Конечно, помню.

— Ну так вот, любое животное начинает вести себя агрессивно, когда перестаёт чувствовать себя в безопасности, когда на него нападают или им овладевает страх. В девяностые нас всех лишили этой самой безопасности, лишили уверенности в завтрашнем дне. Фактически, людей бросили на произвол судьбы, причём бросили те, кто должен был больше всего радеть о своём народе, о своей стране. И сейчас в некоторых людях сидит глубинный страх за свою жизнь. Они не знают, кому верить, во что верить, на кого опереться. Они просто боятся. Никто не знает, что будет завтра, и поэтому в людях просыпается глубинный животный инстинкт борьбы за выживание, а это всегда связано с агрессией. Из общества, где каждый был другому «друг, товарищ и брат», нас бросили в общество с жёсткой конкуренцией. А что такое конкуренция? Это борьба. А где борьба, там и агрессия, вот и всё. Даже если на тебя в данный момент никто не нападает — всё равно лучше показать зубы, заранее, на всякий случай. Пусть знают, каков я! Добрый взгляд и мягкость считаются многими за признак слабости, поэтому и смотрят друг на друга хмуро да исподлобья. А потом словно снежный ком: одно цепляет другое и так далее. Те, в ком духовное развито сильнее, не позволяют себе скатываться в откровенное хамство, остаются людьми. А те, у кого преобладает животное, не могут контролировать свои звериные инстинкты, они-то и становятся более грубыми и агрессивными. Вот как-то так получается. Но самих людей в этом винить нельзя, их лишь пожалеть надо. Ну что? Ты, наверное, уже спать хочешь? Стелить тебе?

— Да ладно, иди печку топи, я сам себе постелю. Чувствую, спать сегодня буду без задних ног, нагулялся за день.

10 октября

Наутро Артём и вправду разоспался. Наверное, сказалась вчерашняя прогулка и баня. Проснулся он от шёпота в прихожей.

— Геннадий, на вот, Артёму от меня пусть гостинцы будут, — говорил Людмилин голос. Тихо звякнуло обо что-то стекло.

— Хорошо, передам, — тоже шёпотом ответил дядя Гена. — Он на двенадцать ехать хочет, надо уже будить его, чтоб позавтракал не торопясь.

— Ну ладно, привет ему от меня передай да пожелай хорошей дороги. Побежала я. — Чуть скрипнула входная дверь, и Людмила ушла.

Артём открыл глаза. Было уже совсем светло, в окно врывался яркий солнечный свет, и виднелся краешек сочного синего неба. В комнату заглянул дядя Гена. Увидев племянника, сказал:

— Проснулся? А то я уж сам будить тебя собрался. Девять уже, начало десятого.

— Вот я дал сегодня, — Артём с удовольствием потянулся и сел на диване, широко зевнув. — Часов двенадцать, наверное, проспал.

— Ничего, иногда это нужно, выспаться хорошенько.

— Как там сегодня на улице? Холодно?

— Да, подморозило. Снега, правда, больше не было, ветер северный тянет, но солнце светит, так что днём, думаю, всё равно таять начнёт. Иди умывайся, да завтракать будем.

Возле входной двери в ряд стояло несколько банок с соленьями, с мёдом и с вареньем.

— Вот, возьмёшь домой гостинцы. От меня тут вам мёд да огурчики с помидорами, и Людмила только что была, две баночки варенья малинового принесла тебе да удачной дороги пожелала.

— Спасибо ей от меня передай. Хорошая она женщина, я смотрю.

— Хорошая.

— Только куда нам столько банок? Я же не утащу, — запротивился было Артём.

— Утащишь, ты парень здоровый, чего прибудняешься? Вторую сумку я тебе дам. Свою на плечо повесишь, а эту в руки,

вот и всё. Тут до «площадки» я тебе помогу донести, а там с автобуса на автобус... Дотащишь как-нибудь.

— Ну ладно, дядь Ген, спасибо тебе.

На «площадку» пошли загодя, чтоб не торопиться и не бежать. Ветер переменялся на западный, и солнце стало помаленьку припекать. С крыш закапало словно весной, а под ногами постепенно образовалась снежная каша.

— Ну что, дядь Ген, давай прощаться. Спасибо тебе за всё, ну и... — Артём вдруг снова ощутил, как к горлу подступил комок. «Какой-то я сентиментальный делаюсь», — подумал он и сказал: — ну и... пожелай мне удачи.

Дядька крепко обнял племянника:

— Давай, племяш! Удачи тебе и всего самого хорошего! Приезжай, не забывай дядьку, я только рад буду.

— Приеду, обязательно приеду. Я теперь к тебе часто ездить стану, честно говорю.

Дядя Гена подмигнул:

— Ой, не ври. Не ко мне, однако? — и засмеялся.

— Да ну тебя! Говорю, к тебе, значит, к тебе. Ты-то сам что делать будешь? Тебе зимой совсем скучно, наверное? Только печку топить да двор от снега чистить. Больше и заняться нечем.

— Ну почему? Я вот собирался на той неделе на речку сходить, прутьев тальниковых нарезать. Хочу корзинки зимой поплести. А так — книжки читаю, в библиотеку хожу, у нас неплохая в клубе есть, там много чего интересного ещё с советских времён осталось. Хотя, конечно, зима не лето, да я уж привык.

Из-за поворота показался «ПАЗик». Он привычно сделал крутой разворот на пяточке и открыл двери. После того, как вышли приехавшие, пассажиры — от силы человек десять — стали не спеша входить внутрь. Дядька с племянником ещё раз крепко обнялись.

— Ну давай, счастливого пути тебе. Матери привет передавай, она бы сама хоть как-нибудь приехала, на пенсии ведь, время есть.

— Ладно, дядь Ген, передам. — Артём подхватил тяжёлые сумки и последним вошёл в салон. — Сам в гости приезжай.

Водитель сразу же закрыл двери и тронулся: время было ровно двенадцать. Дядя Гена проводил автобус взглядом, пока тот не скрылся за поворотом, и пошёл домой.

Артём снова сел на заднее сиденье, ему здесь больше нравилось. Задумчиво посмотрел на синее небо, выглядевшее в этот холодный октябрьский день совсем по-весеннему. В пока ещё белых полях искрился под солнечными лучами быстро таявший снег. От его ослепительной белизны хотелось закрыть глаза, но и глядеть на эту жизнерадостную картину тоже хотелось, поэтому Артём щурился, улыбался, но глаза не закрывал.

Он возвращался домой, но это был уже совсем другой Артём, не тот, который ехал к дядьке десять дней назад. Он понимал это сам, ощущал, что жизнь его уже никогда не будет прежней, что в ней начался новый этап. «Всё будет хорошо, — подумал он и улыбнулся. — Всё будет как надо. Я верю и очень этого хочу».

Оглавление

1 октября	1
2 октября	24
3 октября	42
4 октября	65
5 октября	102
6 октября	123
7 октября	152
8 октября	173
9 октября	198
10 октября	220